

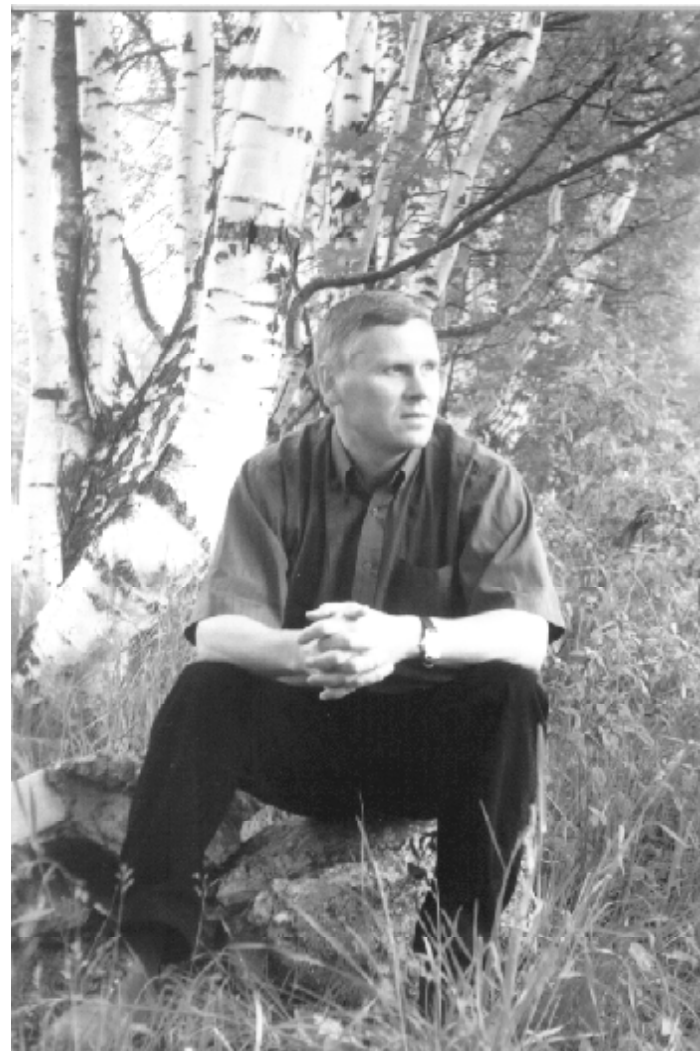
ПАВЕЛ РУМЯНЦЕВ

РАЗГОВОР
ПО ДУШАМ

Сатира
Юмор
Комедии

Писательская организация
Кострома
1998

СМЕШНО И ПЕЧАЛЬНО

Первая книга под отчетливо ориентированным названием «В нашем славном городе» юмористическими рассказами и сатирическими фантазиями представила интересного сложившегося профессионально прозаика Павла Робертовича Румянцева. Вышла эта книга в серии «Литературная Кострома» в марте 1993. Все в ней было знакомо и узнаваемо: купец Охмелкин из сатирической повести «Благодетель» фантазией автора переносится в наше реформенное время, а старый большевик дед Матвей из рассказа «Дверь», наоборот, окажется заплутавшим во времени и вздумает нам же рассказывать о том, что с ним произойдет или, точнее, происходит, то учителя, вступая в рынок, начнут осваивать бартер, сам же автор предстанет выступающим на телевидении, поведет репортаж с весенне-полевых работ или сделает открытие в двухтысячном году, свидетельствующее о завершении переходного периода в построении капитализма по всем странам СНГ. Кто-то займется китайской гимнастикой, кто-то в спортивном азарте рванет в Ливерпуль или вместе с хирургом Чумаковым поучаствует в размышлениях о текущем моменте. Можно даже позавтракать с любителем кроссвордов, а вместе с Серафимом Межбоговым познать секреты виртуозного и таинственного совместительства. Можно оказаться на дороге к Храму или в ресторане со старинным названием...

Разные бывают пути-дороги, способы тащить репку и давать уроки в колледже, выходить в прямой эфир — Павел Румянцев это делает по-своему, оригинально, с выдумкой, обязательно с пониманием обиженного человека, в сочувствии к нему. Конечно, автор знает толк в сатире и согласен, что она может быть оправданно язвительной, ироничной, в некоторых

случаях сердитой и хлесткой, но добрая улыбка ей никогда не мешает.

Добрый взгляд, ироничное к самому себе отношение, сарказм и незлобивая улыбка при светлой печали, правда факта и придирчиво-аналитическое отношение к житейской суете земляков — отличительные особенности деликатного юмориста и сатирика. В писательской организации мы с определенной симпатией оценили его работу в сатире и юморе за эту доброту и деликатность, за умение оставаться на своей душевной точке опоры, когда бойкие сатирики, равнодушные к народным страданиям и печалям, не просто высмеивают человеческие пороки, а наотмашь, с какой-то хамоватой пренебрежительностью, переходящей в жестокость, бьют растерянных соотечественников — «совков этой страны» — слева и справа, сладострастно топчутся на слабых и поверженных, скалозубят и хохмачат, упиваясь собственной ядовитой изощренностью. Становится очевидно: нынче интеллигентность юмориста и сатирика — обязательный профессиональный элемент обаяния и достоинства.

Литературная работа врача-психиатра (Павел Робертович заведует отделением в Никольской областной больнице), все его сочинения убеждают в способности на специфическое, точное, выверенное внимание к человеку, в умении со взгляда определять, кто в первую очередь нуждается в сострадании, помощи и защите. Передвижение различных людей не только по городскому и столичному пространству, но и по всей российской периферии между прошлым и будущим происходит на особой линии, где встречается со своими «пациентами» молодой сочувствующий сатирик. Чаще всего он действует в конкретном городе, среди конкретных узнаваемых деталей и настроений, экономических проблем и политических зигзагов.

Рассказы и повести, составившие первую книгу, были представлены в трех разделах и продемонстрировали развитие автора, формирование его эстетической и философской позиции. Писательская организация в 1993 году осуществила первое издание, чтобы обстоятельно познакомить костромичей с перспективным автором. Экономические трудности были главной бедой на пути этой книги. Но издатели понимали: редакционные и авторские затраты компенсируются достижением нравственной цели. Несмотря ни на что, и под гнетом безразличия к культуре, литературе смутного времени в местных условиях с помощью добрых помощников, усилиями двух-трех человек, уверенных в способностях Павла Румянцева, сборник был подготовлен, издан за короткий срок. Тираж, к сожалению, ока-

зался маловат — книга вскоре разошлась. Она вызвала интерес не только в Костроме. С ней Павел по нашей рекомендации участвовал во Всероссийском совещании молодых литераторов, был принят в Союз писателей России.

Итоговая книга, в которой собраны лучшие рассказы молодых прозаиков, вышла с пояснением: «Несмотря на огромные беды, постигшие нашу Родину, несмотря на невероятные трудности, авторы рассказов с помощью Союза писателей России смогли собраться в Москве, привезти на суд товарищей (а теперь и читателей страны) свои лучшие произведения. Как и в прежние добрые времена, молодые литераторы представляют обширнейшую географию: от Бреста до Владивостока и от Прибалтики до Средней Азии». Этот коллективный сборник был назван по представленному в нем рассказу костромича Павла Румянцева «Дверь».

Жизнь порадовала нас и автора подтверждением уверенности в таланте. Первая книга состоялась, направленность творческой судьбы определена. Предшествовали выходу книги многие публикации в областной печати: Павел давно уже один из ведущих авторов артели «Дракон» при газете «Северная правда». Публиковался в еженедельнике «Собеседник», «Санкт-Петербургских ведомостях», в московском журнале «Россия молодая», саратовском — «Гонец», его юморески звучали по радио России. Последовательно прошли три заметные публикации в журнале «Юность».

И вдруг сатирик написал пьесу, другую. Неужели счел все возможности в излюбленном жанре исчерпанными, начал искать другие средства выражения, переходить в драматургию? Драматургическая склонность проглядывала в его «юморных» коротких вещах. Даже в махоньком этюде «Репка». Вспомнилось: первую книгу завершает пьеса в одном действии для двоих актеров и многих-многих зрителей под названием «Не по Островскому, но...». Действуют там Счастливец и Несчастливцев. Вскоре областное радио инсценировало новую пьесу Павла Румянцева «Эвтанизия по-российски». Радиоспектакль получился. Театр «Полином» с успехом ставил пьесу «Совместитель». Удачная попытка войти со своими особыми возможностями, интересами, принципами в другую литературную область. Сатирическая комедия под загадочно-странным названием, написанная в сочувствии к людям старшего поколения. Видимо, автор испытывал себя в новом качестве, зная, на что идет, поэтому разноречивые суждения об удачах и просчетах спектакля воспринимал заинтересованно и благодарно...

И вот журнал «Юность» публикует новое «странное» сочинение — повесть «Последние версты», которую при составлении этой книги Павел Румянцев решается назвать романом. В журнальной публикации, говоря о себе и о повести, автор признался, что любит Москву, любит Гоголя. А по первой книге «В нашем славном городе» читалась убедительно любовь к Костроме. Значит, любовь к Отечеству расширяется? С годами творческий человек видит и мыслит шире, свободнее, философичнее. Приходит пора «чувствовать эпоху и проникать в иные времена». Примечательна деликатная оговорка: «Надеюсь, что читатели отнесутся снисходительно к возможному историческим неточностям, но мне представляется, что все было именно так». Создавая свою художественную реальность, писатель дает волю фантазии и тем самым обеспечивает особую силу слова, образа, ситуации, сюжета и конфликта. Сатирическая направленность мировоззрения, взращенная стремлением понять великий дух, образ мыслей, убеждения Николая Васильевича Гоголя, определила особенность реализма, протестующего против умозрительной «положительности» взгляда из прошлого в настоящее.

Оценка этого произведения, на мой взгляд, будет даваться читателям не просто. И дело не только в том, что в Костроме «никто и никогда не писал ничего подобного». Каждое талантливое произведение является художественной новостью, для восприятия которой требуется «подходящее» мироощущение. Сочетание лирики, сатиры и мистики на каждого действует по-разному: не все души отравлены лукавством, корыстью и жестокостями. Не каждый почитает всех нолями, а единицею себя...

Михаил БАЗАНКОВ

ОПЕРАЦИЯ

Хирург Чумаков разрезал кожу, отделил подкожно-жировую клетчатку, рассек апоневроз, мышцы, брюшину и вошел в брюшную полость. Операционная сестра Клавдия Ивановна подавала зажимы. Ассистент, молодой врач Ростов, накладывал лигатуру. Анестезиолог Ночкин давал наркоз.

Изучив содержимое живота, хирург Чумаков подумал: «Если застеклить лоджию и поставить ящики с землей в пять

рядов, то, говорят, можно вырастить неплохой урожай огурцов...»

Медсестра Клавдия Ивановна подумала: «Может быть, продать кое-что ненужное и купить себе сапоги... Но что же продать?»

Молодой врач Ростов подумал: «Хорошо бы достать электродрель или утюг, съездить в Польшу, а на вырученные золотые закупить деликатесов... Ох и угощу девчонок-медсестричек!»

Анестезиолог Ночкин подумал: «Завтра митинги «Демократической России», кадетов, монархистов и либералов. Куда пойти?»

Хирург Чумаков произвел резекцию, сделал анастомоз и подумал: «А если старый тещин дом за городом приспособить для выращивания кроликов? Говорят, прекрасное диетическое мясо, да и шапки с моим-то опытом можно шить...»

Медсестра Клавдия Ивановна подумала: «Нет, в старых пробегаю еще сезон...»

Молодой врач Ростов подумал: «А говорят, в Польше неплохо идут скрепки для белья и напильники. Может, рискнуть и съездить?»

Анестезиолог Ночкин подумал: «Все-таки «демороссы» мне ближе, хотя и в монархии есть что-то привлекательное. Двуглавый орел, разноцветный флаг...»

Операция подходила к концу. Хирург Чумаков ввел резиновый дренаж, зашил живот шелковыми нитками.

«Нет, с кроликами ничего не получится, — решил он. — Час туда на дорогу, час обратно...»

Медсестра Клавдия Ивановна по-прежнему сомневалась: «Попробовать заложить в ломбарде обручальное кольцо, купить сапоги, а потом, когда зарплату повысят, кольцо выкупить... А вдруг оклад не повысят? — вздохнула она. — Хотя даже ГКЧП и тот обещал повысить... А нынешние вообще давно обещают... И все же не стоит рисковать. Обойдусь без сапог!»

Молодой врач Ростов окончательно решил поехать в Польшу: «Привезу Людочке из второго неврологического бикини. Может, в бассейн будем вместе ходить...»

Анестезиолог Ночкин так и не определился, на какой митинг пойти. «А может, на подпольное собрание коммунистов завалиться? — подумал он. — Романтично. Капуста. Огурцы. Песни революционные шепотом попеть...»

Хирург закончил операцию. Анестезиолог стал выводить пациента из наркоза. Медсестра убирала инструменты. Молодой врач первый отправился размыться.

Когда пациент очнулся, он с тревогой посмотрел на док-

торов. «Хорошо бы развилось осложнение после операции, — подумал он. — Подольше бы в больнице продержали. Здесь как-никак, и накормят, и обогреют...»

КОНЕЦ ПЕРЕСТРОЙКИ

Шел 2000 год. Успешно завершился переходный период построения капитализма в СНГ.

В результате приватизации был окончательно ликвидирован и побежден рабочий класс. Буржуазия праздновала победу в ресторанах, а господин Петров и господин Иванов работали на собственных станках. Как это приятно знать, что станок твой, личный, и если сломается, то никто, кроме тебя, его не починит! А еще приятнее ощущать в нагрудном кармане хрустящую новенькую акцию родного завода и чувствовать себя истинным хозяином... Одним из тысячи таких же акционеров.

А по улицам славного города гуляли толпами очаровательные госпожи в поисках развлечений и очередей. В моде по-прежнему были костюмы и платья 60-70-х годов, этакие простые, в заплатках, но очень изящные и элегантные.

Гимназисты и гимназистки стайками, смеясь и играя, пролетали, уносимые ветром, над крышами домов. До того они были легки и воздушны! Вот что значит умеренное питание и диета.

Свободные и независимые газеты наперебой расхваливали губернатора и его недавний Указ о капитализации жестяноскобяных предприятий и требовали в течение Первой буржуазной пятилетки капитализировать всю промышленность. Демократические партии наконец-то прекратили браниться друг с другом и объединились в единую Капиталистическую партию Суверенного Содружества (сокращенно КПСС). Под ее руководством построили в стране рынок. Окончательно и бесповоротно. Теперь была поставлена более сложная задача: построить развитой капитализм. Готовился очередной Пленум.

А в Парламенте начались слушания по жалобе госпожи С. Ее муж каждую ночь уходит на защиту Белого Дома. До сих пор!

...Шел 2000год. Страна была на подъеме, нефть на исходе, газопроводы в ржавчине, меха на аукционах, икра в Польше... Все были веселы и беспечны!

В Соединенных Штатах Америки тихо и незаметно совершилась «бархатная» социалистическая революция...

БАРТЕР

Учителя в Кемерове бастуют. Безобразия! Разве это выход из положения? Кого забастовками нынче удивить? Надо переходить на рыночные отношения. Я, например, тоже учитель и неплохо живу за счет бартера. Чего на чего меняю, спросите? Думаете, учителя все лопухи и менять им нечего? Ошибаетесь!

Недавно вот я с Кубы мешок сахара получил. А всего-то бартерную сделку с Фиделем заключил: он мне — сахар, а я ему пообещал своим ученикам любовь к острову Свободы прививать. Фидель — мужик неглупый, соображает, что сегодня — школьники, а завтра... То-то! Теперь всем десятым «б» перед уроком вместо нашего гимна «Куба, любовь моя!» исполняем.

С чаем напряженка вышла. Написал в Шри-Ланку: так, мол, и так, обязуюсь в своей педагогической практике пропагандировать достижения вашей страны. Тут же представители из посольства прибыли, заинтересовались, значит. Ну, я им продемонстрировал достижения педагогики. У меня на уроке каждый ученик этот маленький остров на карте мира с завязанными глазами находит!..

Теперь пьем цейлонский чай с кубинским сахаром. Красота!

Японцы — нация самолюбивая. С ними по бартеру у меня вообще проблем не было. Быстро договор подписали. Изменили кое-что в программе по географии и истории, так они нам и «видики», и плееры, и чего только ни прислали... Париоты шум было подняли, но я их мигом успокоил, сказал, что шума у нас и так много, а спекулировать кое на чем да кредиты выманывать, так то у родного правительства научились, не обессудьте!

Так и живем. Бартер в нашей гимназии процветает и ширится! Сосиски прямо из Германии получаем. Швейцарский сыр в подлиннике едим. На 8 Марта и День учителя — пожалуйста, тюльпаны из Голландии! А наемдни даже президент Украины сало прислал.

Вы спросите — за что? А не скажу! Коммерческая тайна. Бартер — вещь хрупкая. Перечислите денежки на наш расчетный счет, квитанцию об уплате в конвертик запечатайте и нам вышлите — может быть, и приоткроем вам кое-какие хитрости... А за «спасибо», извините, больше не учим. Не те времена!

Тут как-то демократические власти к нам зашли, интересовались: как это мы вопреки их законам и указам еще живы и здоровы? Один рьяный демократ, из «бывших», особенно

усердствовал: «Чему вы детишек обучаете? Да мы вас!.. Да мы!..»

Испугал! Да мы... Как только пригрозили, что за вашу, мол, демократическую заботу и зарплату враз ленинские комнаты пооткрываем, пионерскую организацию восстановим, марксизму-ленинизму гимназистов обучим, матросское дело на крейсере «Аврора» пройдем, учебный выстрел по Зимнему сделаем... Всех демократов как волной смыло!

Так что знания, я вам скажу, не только материальная сила, но и оружие! А вы говорили, что учителям по бартеру менять нечего!

УРОК В КОЛЛЕДЖЕ

Милостивые государи! Сегодня на уроке русской словесности мы с вами продолжим изучение творчества Михаила Юрьевича Лермонтова. Великий поэт был не понят в царской России, еще хуже он понимался в советское время, и только подлинная демократия позволила по достоинству оценить его гений. Поистине, поражаешься прозорливости и предвидению Лермонтовым нашего времени!

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Простые строки, а сколько в них глубины!

БЕЛЫЙ парус, ГОЛУБОЕ море... Хочется добавить — КРАСНОЕ солнце. Да это же символ нашего российского флага! А дальше у Лермонтова начинается смятение, экспрессия: что ищет? что кинул? И ответы просты: в стране далекой — ищет валюту; в краю родном кинул всё, что осталось, — леса, поля и реки. Вслушаемся в музыку стиха:

«Играют волны — ветер свищет» — это экономический кризис, митинги, забастовки...

«И мачта гнется и скрипит» — угадывается тема российского лидера, который «счастья не ищет и не от счастья бежит...»

И вот кульминация стихотворения:

«А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!»

Милостивые государи! Здесь я должен со всей ответственностью заявить, что не согласен с прежней советской трактовкой образа «бури» как призыва к революции. Бессспорно, Лермонтов подразумевал под «бурей» нечто иное... Честно говоря, не будь царской цензуры, он бы так прямо и

написал:

«А он, мятежный, просит рынка,
Как будто в рынке есть покой!»

...На этом урок словесности окончен. Извольте записать домашнее задание:

«Одобрил ли бы Печорин введение свободных цен?»

РЕПОРТАЖ

Доброе утро, дамы и господа! Я веду свой репортаж прямо с поля. Здесь всюду кипит работа. Не зря в народе говорят: «Раз закончились съезды и дебаты, не до потех, значит, наступила пора весенне-полевых работ!»

Действительно, выедешь за город, окинешь взглядом округу: далеко-далеко простираются сады и огороды. Редкий колхозный трактор доберется теперь до середины поля... Перехватят предприимчивые горожане. И уже слышится веселый, заплетающийся голос тракториста: «Вспашем! Сотка — бутылка, две — еще одна! Можно и с навозом, но тогда — пять!»

Эх, перестройка! Птица-тройка, как промчалась ты над страной! Как вспугнула с насиженных диванов! И, озирая окрестности городов, как не вспомнить классика: «И какой русский не любит... покопаться в земле!» Впрочем, довольно лирики. Давайте побеседуем с народом.

Вот перед нами молодая пара: муж и жена. Как хорошо трудятся, как вдохновенно! Сразу видно, не первый год держат лопату в руках.

— Здравствуйте! Смотрю, как умеючи вы работаете. Наверное, вы бывшие колхозники?

— Нет, мы врачи.

— Надо же! Откуда такая сноровка?

— Все очень просто, — поясняет глава семьи. — В мединституте обучение длится шесть лет, из них пять мы изучаем медицину, а один год проводим на сельхозработах.

— Мы благодарны деканату и советской власти, — добавляет его жена, — что так хорошо подготовили нас к жизни. Нам что операцию сделать, что картошку посадить. Что аппендикс удалить, что сорняк — без разницы!

Что ж, пожелаем медикам удачи, а сами отправимся дальше.

Боже мой! Какой идеальный участок! Все аккуратно посажено, вскопано. А вон и хозяйка! Приглядишься, что они делают. Так... выкапывают пырей, тщательно пересчитывают корешки, упаковывают в пачки, кажется, по сто штук, и уносят в межу... Нетрудно догадаться, что это служащие

Госбанка. Серьезные люди, не будем им мешать.

— Эй, купи желтоглазик!

Это ко мне обратился здоровенный верзила. В руках у него корзина с луковицами какого-то растения. Добрался-таки и сюда долгожданный рынок!

— Ты тут не распыляйся в микрофон, а покупай!

— Хорошо, хорошо. Только зачем мне?

— Биологическая защита, дурень! Посадишь по краям.

Если вырастет, то всех долгоносиков и колорадских жуков отпугивать будет...

Пока я с ним рассчитывался, глянь, кого-то по полю гоняют палками и граблями. Ай-яй-яй! Это демократы залетели с плакатами и флагами... Кыш, окаянные, кыш!..

... Фу, устал! Еле добрался до своего участка. Вот он, мой родимый! Зарос-то как!.. На этом по техническим причинам я прерываю свой репортаж. Ой, мама, сорняков-то сколько!

ПРЯМОЙ ЭФИР

— Здравствуйте, уважаемые телезрители! Сегодня у нас в прямом эфире — Президент. Запишите наши телефоны: 01, 02 и 03. По ним вы можете вот так прямо позвонить и спросить: «Алло! Мне бы Президента!» И вам ответят... Что ж, пока звонков нет, позвольте, я сам первым задам вопрос, злоупотреблю, так сказать, своим служебным положением... Гм-м! Можно?

— Слушаю.

— Вы, простите, Президент чего? Мне тут в редакции сказали перед передачей: веди, мол, прямой эфир с Президентом! Я думал, с Ельциным, а прихожу, глянь, не Ельцин!

— Да. Я — Президент другого суверенного государства.

— А какого?

— Видите ли, голубчик, название государства мы еще не определили. Верховный Совет как раз ведет острую и принципиальную дискуссию по этому поводу: одни предлагают одно название, другие — другое. Сами понимаете, как Президент я воздержусь от предварительных оценок.

— Понятно. А как мне лучше к вам обращаться: господин Президент или товарищ?

— А вы действуйте в духе плюрализма: один раз — товарищ, в следующий раз — господин. У нас же демократия!

— Спасибо... А вот и первый телефонный звонок!.. Алло!.. Нет, это не цирк, а студия. Вы ошиблись номером... Звонят тут всякие!.. Я, пожалуй, повторю телефоны, а то,

наверное, ваши земляки или сограждане не успели их записать.

— А они не позвонят.

— Как это?

— А в моем государстве нет телефонной связи.

— Почему?

— Окупанты не провели. Мы ждали-ждали, когда проведут, а они так и не удосужились.

— Да, тяжелое положение...

— Не говорите! Теперь вот сидим, ждем, может, американцы помогут?

— А сами?

— Ну, голубчик, шутите!

— Ой, телефонный звонок!

— Надо же!

— Алло... Да... Сейчас спрошу... Звонит Женя Иванов из Петропавловска-на-Камчатке. Пользуясь случаем и нашей передачей, просит передать привет всем своим знакомым и близким, а особенно Люсе. Уважим человека?

— Обязательно. Это раньше к просьбам трудящихся относились формально.

— Что ж, уважаемый Президент, вот так незаметно истекло наше эфирное время. Позвольте попрощаться с вами и поблагодарить за встречу.

— Пустяки. Всегда рад общению с народом.

РЕФЕРЕНДУМ

Во время депутатского ланча один неловкий депутат случайно подтолкнул двух других депутатов, да так неудачно, что из рук обоих выпали бутерброды. А поскольку это было в России, да к тому же один из них был коммунистом, а другой демократом, то событие сразу приобрело политический оттенок. Бутерброд коммуниста упал икрой вниз, а бутерброд демократа — икрой вверх. Окружающие решили — неспроста!

Коммунист ехидно заметил: «Вот видите, еще марксистско-ленинская философия неопровержимо доказала, что бутерброды всегда падают лицом вниз!»

На что демократ заметил, указывая на свой бутерброд: «Но в наше бурное время перестроились даже бутерброды и падают теперь лицом вверх!»

Между ними разгорелся жаркий и принципиальный спор. Парламент мгновенно разбился на фракции: одни кричали — «вниз», другие — «вверх».

Конституционный суд предложил компромиссное решение: давайте проведем эксперимент, бросим десяток-другой бутербродов и выведем среднюю арифметическую. Но консенсуса достигнуть не удалось, так как не нашлось среди депутатов ни одного, кто согласился бы пожертвовать своим бутербродом.

Спор разгорелся с новой силой. Радикалы требовали обратиться к президенту, чтобы издал указ, как надо падать бутербродам.

Оппозиция предложила:

— А давайте спросим народ!

— Да что народ понимает в таком тонком и деликатном деле, как бутерброды с икрой? — вмешался представитель интеллигенции.

Интеллигенцию поддержала бывшая номенклатура:

— Нашему народу ближе картошка в мундире!

— Какого вы низкого мнения о собственном народе! — возмутились либералы.

Спорили долго, но к единому мнению не пришли и решили объявить референдум.

Референдум состоялся, несмотря на мрачные и пессимистические прогнозы социологов.

А вот результаты референдума поразили всех.

Народ ответил, что он предпочитает не американизированные сэндвичи и немецкие бутерброды, а российское национальное блюдо — блинчики с икрой.

Во-первых, вкусно.

Во-вторых, при падении ни одна икринка не выскочит.

И в-третьих, если еще с рюмочкой водки, так и вовсе красота!

Такие вот пирожки!

МАФИЯ

Вот все говорят: "Мафия! Мафия!" В магазинах ничего нет — мафия скупила; у властей чего попросить придешь — опять мафия уже все к рукам прибрала. Ваучеры тоже мафия заграбастала, теперь к частной собственности на землю подбирается. В общем, куда ни кинь — всюду она, родимая! А я подумал: «Если эта мафия такая всемогущая, то почему бы мне в нее не вступить?» Взял и написал заявление, как положено, по форме: так, мол, и так, прошу принять в мафию, обязуюсь соблюдать устав, платить взносы, посещать собрания и, главное, хочу под руководством мафии участвовать в построении капитализма и рынка во имя светлого будущего

горячо любимой Родины и настоящего, сиюминутного собственного благополучия.

Хорошее заявление получилось. Честное.

Отнес я его в наш РОВД. Начальнику.

— Ты куда пришел?! — возмутился тот.

— А что, в горсовет надо было? — спросил я. — Так туда народ избирает, а я добровольно.

— Ну и нахал! — ответил мне товарищ майор. — За кого же ты нашу милицию принимаешь, а?

Тут до меня дошло.

— Да что вы! — говорю. — Я другое имел в виду... Может, передадите как-нибудь с оказией... В банк перед ограблением мое заявление подкинете.

— В банк? — удивился майор. — А чего там мафия забыла? Вчера вон квартиру ограбили — все вынесли, кроме денег! Да у нас в банке уже давно одна тетя Клава сидит с ружьем, солью заряженным.

— Как же мне быть? — расстроился я. — Соседям сообщил, что в мафию вступаю, назанимал под это дело...

— Не знаю, не знаю, — посочувствовал мне товарищ майор. — Чудные вы, интеллигенты. Вечно что-то для других придумываете: то революцию для рабочих, то перестройку для мафии... Хотя бы о себе разок позаботились.

— Так ведь вот... — промямлил я жалостливо.

— Эх! — вздохнул майор. — Ладно.

И вызвал он к себе лейтенанта молоденького.

— Как там, — спрашивает, — наш внедренный агент Штирлицев в мафии работает?

— Плохо! — отвечает лейтенант. — Выговор недавно получил. Строгий!

— Как это? — поинтересовался я.

— Ухо отрезали, — ответил лейтенант.

— Не исключат? — спросил майор.

— Могут.

— Жаль, — вздохнул майор. — Надежный агент.

— А как они исключают? — забеспокоился я.

— Обыкновенно, — ответил товарищ майор, — росчерком пера!

— В сердце! — добавил лейтенант.

У меня все внутри похолодело, и настроение упало.

— Ах, да! — вспомнил товарищ майор. — Еще один посетитель заявление в мафию принес.

— Этот, что ли? — спросил лейтенант, разглядывая меня.

Словно еще кто-то в кабинете был.

— Этот, — кивнул майор.

— Не примут, — ответил лейтенант. — В мафию отбор

строгий, а у него, поди, и пятнадцати суток ареста ни разу не было?

— Я это... в школе дрался...

— Оно и видно, — сказал лейтенант. — А как насчет рекомендации?

— Да, — поддержал товарищ майор. — Хорошо бы «вора в законе» или «крестного отца».

— А крестной мамы можно? — вспомнил я свою крестную коку Зину.

— Можно, — согласился майор.

— А скажите, голубчик, кандидатский стаж вы где проходите будете: в тюрьме или на зоне строгого режима?

— А-а... это обязательно? — заикаясь произнес я.

— Обязательно, — подтвердил лейтенант.

— Г-м! — закашлялся я и нервно сглотнул слюну. Что-то мне в эту мафию вступать расхотелось. — Можно, — говорю, — заявление назад возьму?

— Пожалуйста, — отвечают оба.

И смеются...

Вот такие дела! Разыграли, выходит... А я поверил! И все же: где эта мафия скрывается?

КАК Я НА ТЕЛЕВИДЕНИИ ВЫСТУПАЛ

Иду я как-то по скверу. Погода чудесная, весенняя. Никуда не тороплюсь. Отдыхаю. На пташек люблюсь. Редко такая минута выпадает — чем-либо понаслаждаться. Вдруг слышу приятный женский голос:

— Молодой человек, можно вас?

Оборачиваюсь, смотрю — девушка с микрофоном и парень в джинсах, с телекамерой на плече. Автомобиль неподалеку стоит, оттуда кабель тянется. В нашем городе телевидение — редкость. Мне, конечно, любопытно, подхожу к ним. Парень телекамерой водит, а девушка в микрофон говорит:

— Представьтесь, пожалуйста!

Во дают! С ходу, значит, решили интервью взять! Я представился.

— А где работаете?

Сказал. Пусть наши на заводе знают.

— А вы не возражаете, если мы вас немного поспрашиваем?

— Да, — отвечаю. — Всю жизнь мечтал!

— Вам погода сегодняшняя нравится? — спросила девушка.

— Да, — отвечаю.

— И солнышко светит чудесно?

— Да! — говорю и улыбаюсь. А чего не улыбаться, если настроение хорошее! А девушка мне подыгрывает:

— И ручейки текут?

— Да!

— Весна скоро?

— Да!

— И птички поют?

— Да!

— Всё, стоп! Прекрасно записали! — деловито оборвала девушка и повернулась к парню. — А ты говорил, не найдем типаж! Провинция — это тебе не Москва!

Парень что-то буркнул в ответ, и начали они свою аппаратуру сворачивать.

— Эй! — возмутился я. — Скажите хоть, что за передача будет?

— Социологический опрос, — ответила девушка. — Для последних новостей. Извините, нам некогда, еще пленку монтировать надо.

Сказала и укатила с этим парнем.

Чудные они, с телевидения: вечно торопятся.

К вечеру я знакомых и родственников обзвонил, предупредил о своем выступлении. Сами дома у телевизора всей семьей собрались. Сидим, новости смотрим. Младший все кричит:

— Папка, а когда тебя показывать будут?

Мне самому любопытно. А по телевизору заседание правительства идет. Объявляют, что цены на все в три раза повышают, налог увеличивают, плату за жилье и электричество поднимают. Только мы возмущаться перестали, глянь, на экране моя знакомая.

— Мы, — говорит, — провели социологическое обследование населения и должны заметить, что большинство граждан поддерживают новый указ нашего демократического правительства. Вот идет обыкновенный простой человек. Давайте его спросим.

И на экране появляюсь я. Довольный, радостный. Представляюсь, значит, публике. А девушка спрашивает:

— Вы слышали о повышении цен?

Тут шашь на меня камера крупным планом.

— Да, — отвечаю я и расплываюсь в улыбке. — Всю жизнь мечтал!

А девица, проклятая, дальше накручивает:

— Одобряете?

А я еще радостнее:

— Да!

И про налог — «Да!», и про электричество — «Да!», и про плату за жилье...

И все с улыбкой, и все весело... Мать честная! Вот так выступил!

В общем, натерпелся я после этой передачи. Мужики в курилке слово «да» навек меня говорить отучили. Жена к теще на месяц ушла. А правительство?.. Хоть бы наградило, хоть бы орден какой-нибудь прислало! Как же, дожدهшься от них!

ЧУДЕСА TV

Когда-то Леня Голубков работал на заводе и любил вечером поиграть в домино с мужиками. Но завод закрыли, Леню уволили, а приятели разбежались кто куда...

Леня Голубков не унывал. Он правильно вложил свой ваучер, стал жить на бешеные дивиденды от «МММ» и мог вообще больше не работать. Кроме того, имея всего одну акцию, он получил квартиру от «Гермеса» и, наконец, забрал свою машину у «Хопра».

Жизнь радовала Леню. Он всегда был в полном порядке, так как питался «Марсами» и «Сникерсами», запивая их «Херши-колой». В четверг Леня Голубков сорвал «Джек Пот» в «Лотто-миллион» и неплохо отдохнул на Канарских островах, где впервые испытал райское наслаждение вместе с женой, откушав «Баунти»!

Жизнь становилась все интереснее и интереснее.

От регулярного просмотра американских фильмов Леня Голубков и без метода Илоны Давыдовой выучил несколько английских фраз. И когда в одной телепередаче ученые заспорили, как нам теперь в России обращаться друг к другу: «товарищ», «гражданин» или «сударь», уж Леня-то Голубков точно знал, что лучше всего говорить — «пипл», что по-иностранным означает «народ». И если мужики на «пипл» еще откликались, то вот женщины на радостный Ленин клич: «Пипла ты моя!» — почему-то обижались.

Кстати, о женщинах и детях. Леня очень хотел иметь ребенка, чтобы опробовать на нем хваленые «памперсы». Его жена тоже мечтала о детях, даже о нескольких, чтобы растерять всех сразу же после родов, а потом в 201 серии найти их уже взрослыми и прекрасно воспитанными.

Но с детьми у Голубковых ничего не получалось. Однако Леня не унывал, он приводил домой кисок и кормил их «вискасом», а его жена собирала со всех дворов собак, чтобы дать им немного «пэдигри-пала».

Леня Голубков и его жена были идеальной супружеской

парой. Они во всем верили своему единственному другу — телевизору: ходили на все референдумы, голосовали за тех, на кого им указывали, любили Президента и недолюбливали Думу.

И вдруг случилось еще одно телевизионное чудо!

Леню Голубкова — обыкновенного, простого — взяли и показали по телевидению! И даже не один раз! Леня был счастлив! Ему теперь завидовала вся страна!.. Ну, может, не вся, а только те, кто обожает наше телевидение?

НЕ ПРОВЕДЕШЬ!

Нет, мужики! Ну надо же так наколоться! Вы меня знаете: я никогда и никому не верю! Уж чем только ни искушали: и «МММ» проценты бешеные обещал, и «Хопер», и «Селенга» — я — ни-ни! Дудки! Не проведешь! Сейчас вон обманутые вкладчики бегают за денежками, я только посмеиваюсь! А эти... товары-почтой... Едрена мать, такой каталог! Красивый, цветной! И обещают — недорого, и все, что вы видите, будет ваше, и цены-то самые низкие! Ага! Помните, Михалыч перевод послал? Ждал, ждал... Наконец получил бандероль: вместо туфель — тапочки белые... хоть сам в гроб ложись, хоть всей семьей с родственниками... там этих тапочек... десять штук!.. А лотереи ихние! Уж как завлекают: купите жвачек, в каждой десятой — сюрприз! Поездка на Канарские острова!.. Ага!.. Помните, Валька тысячу штук жвачки накупал, и верно — сюрприз! Ни хрена, никакой путевки! Зато жвачки досыта наелся!.. А по телевидению как нашего брата дурачат! Какой канал ни включишь, все во что-то играют, и все веселые! И этот суперприз с мужским именем... как его... Джек Пот... равен долгам всего бывшего Советского Союза... И ничего! И никому в голову не придет спросить — откуда денежки и кто такой этот Джек? Американский шпион?! Или вот игра, где мелодию угадывают...

Да у нас Васильич так на гармошке может сыграть, похлеще ихнего оркестра!.. Помню, я его полчаса слушал, пока догадался, что это «Ландыши». И никто никаких «баксов», равных сегодня одному российскому рублю, ему не предлагает! А они там, в телеке, если что угадают, уж радости, радости! Тьфу!

Нет, я в эти игры не играю! Вы же меня знаете, мужики! Никуда никому ни копейки не отдал! И так попался!

Приходит мне, значит, письмо: так, мол, и так, дорогой товарищ... Имя мое, отчество — все правильно указано... Поздравляем вас — вы единственный житель России, кото-

рый ни в чем не участвовал и никуда ничего не вкладывал, поэтому мы награждаем вас специальным призом «Не проведешь!» И сумма указана — офигенная, мужики!.. Приятно стало! Все-таки честность у нас в почете! Не за финтифлюшки какие-то выигрыш-то! За стойкость и принципиальность мою!.. Да и деньги не лишние будут... Обрадовался, в общем... Там и чек с печатью... а внизу, мелким шрифтом, приписочка: так, мол, и так, дорогой законопослушный товарищ, чтобы получить означенную сумму, вам по закону сперва надо перечислить налог на неожиданно свалившуюся прибыль. Извините, мол, но закон и порядок прежде всего... Ну кто же с этим спорить будет? А сумма по налогу, вам скажу, немалая, почти все мои сбережения ушли. В общем, отправил я по указанному адресу налог и... жду. Государство наше поругиваю за законы такие дурацкие... Ага! Тут на днях сосед Петрович заходит, посоветоваться, значит, со мной, а в руках у него... точно такое же письмо!

Ну скажите, что за время, в котором мы живем! На чем провели! А я-то!.. Эх, плакали мои денежки!

«ЯДЕРНАЯ КНОПКА»

...Слыхали, дорогие мои, о повышении пенсии и зарплаты? Это я постарался! Не верите? Сейчас расскажу подробнее...

Заболел, значит, наш Президент, на операцию ложится... Ну, мелочевку там всякую... послов зарубежных принимать, заседания разные проводить — это он своим министрам поручил... А вот самое главное из своих дел — чемоданчик с «ядерной» кнопкой — не знает, кому и доверить! У него окружение-то! Еще нажмут ненароком, али за границу продадут, окаянные, али вообще присвоят для шантажу и власти!.. Пригорюнился Президент, хоть и не болей вовсе! А телевидение и газеты наперебой подзуживают: кому «ядерная» кнопка достанется? Хорошо, я как раз в Москву собрался, сеструху навестить. Иду мимо Красной площади, смотрю — Президент сидит, грустный такой... Разговорились... Он с простым народом-то откровенный... Поделится своей печалью, а я ему и говорю:

— И чего расстраиваетесь? Давайте мне ентот ваш чемоданчик с «ядерной» кнопкой на сохранение! Никто его в моей деревне искать не будет! И вам спокойнее!

— И верно! — обрадовался Президент, но тут же строго спросил: — А не подведешь, Семеныч?

Ну и я на серьезе отвечаю:

— Никак нет! Можешь болеть на здоровье!

В общем, отдал он мне чемодан. Я с ним сразу домой уехал на электричке. Чемодан, я вам скажу, на вес легкий, с замочками блестящими, внутри чего-то постукивает, я ухо прикладывал... Хотя с виду ничего в ем, чемодане, особенного нету, но спереть и такой могут. Я с него глаз всю дорогу не спускал, а дома мы его со старухой под скатерку положили, да так в карты на ем всю президентову болезнь и проиграли... А когда Президент выздоровел, он мне письмо прислал, простым почтовым конвертом... для конспирации, наверное, а может, оттого, что телефона у меня нету! Да... Приглашает, значит, к себе в Кремль!

Ну я, знамо дело, чемоданчик ему отвез. Смотрю, Президент поздоровевший, веселый такой... Чемодан у меня принял и говорит:

— Спасибо тебе, Федор Семенович! Настоящий ты патриот России оказался! Государственной важности задание выполнил! Проси теперь у меня за службу свою чего хочешь, любое желание выполню! Могу на Канарские острова послать, дачу подарить или долларов дать.

А я ему отвечаю:

— Для себя мне ничего не надобно, а вот за народ наш российский попросить хочу: повысь пенсии и зарплату людям!

— Что ж, — отвечает Президент, — будь по-твоему! Тем более, я и сам хотел... — Обнял меня, расцеловал на прощание. — И что, — говорит, — за народ у нас золотой! Только за общее дело радеют, а о себе ни капельки! Не чета моим министрам-то! — и расплакался...

Вот так-то!.. Да, а чемоданчик с «ядерной» кнопкой, говорят, и американские, и русские разведчики искали, поубивали друг друга, прямо как в боевике каком захудалом... Я и не знал...

РАЗГОВОР ПО ДУЩАМ

ОБХОД

Тук-тук!

— Кто там?

— Горгаз.

— Сейчас, милоч, подожди! — За дверью послышался шум, затем лязг металла. — Ой, опять забыла... Не получается! — голос у старушки задрожал от волнения. — Слышь, милоч, а ты не подскажешь, куда ентот чертов рожок у автомата вставляется?

— Магазин, что ли? Спереди и наискосок.

— Ага! Спасибо! Вставился!

— Ну, долго возиться будешь? Мне еще пять квартир обойти надо, газовые плиты проверить!

— Да я, милоч, понимаю, но сам видишь, время-то нонче какое... Слышь, мне тут говорили, что чего-то передернуть нужно, чтобы патрон в дуло вошел?

— В ствол, а не в дуло!.. Ой, бабка, хоть бы ты внука позвала! Они, детки, более шустрые. Вон в соседней квартире мальчонка ручной пулемет вмиг собрал!

— Так нету никого. А мне, старой, не по силам! — Наконец раздался щелчок. — Ой, кажись, вошло, зарядилось!

— Ну, слава Богу! Теперь давай с предохранителя сними и открывай!

— А где это?

— Сбоку рычажок.

— Черненький?

— Да, черненький! Только смотри, аккуратнее! Не нажми ненароком!

— Не бойсь, не бойсь! У меня к старости от жизни такой нервы вообще закалились! Ну, проходи, милоч! Здравствуй!

Дверь открылась. Слесарь продолжил обход подведомственной ему пятиэтажки.

РАЗГОВОР ПО ДУЩАМ

Раннее зимнее утро. Два пассажира едут в троллейбусе. Салон полупустой, разговорились от нечего делать.

— Как дела?

— Помаленьку. А у вас?

— Тоже.

— Извините, а вы какой наживкой пользуетесь, на что сейчас берет?

— В основном на импорт. Турция, Китай. На польскую можно... но плохо... три, пять, максимум семь зацепишь...

— Не говорите! Продрогнешь на морозе, а идут одни семейные...

— Караси?

— Ага! Точно вы их прозвали — настоящие «караси»!

Ходят-ходят вокруг, прицениваются, примериваются, а в самый важный момент — нырк в сторону!

— А я окуней предпочитаю!

— Это такие деловые, спортивные? Еще бы! Они не торгуются! Сразу: раз и готово!

— Где окуньки, там и ерши пасутся. Не донимают?

— Что вы! Напасть от них, окаянных! Настоящий рэкет!

Налетят стайкой, всю наживку обдерут... Иногда даже уходишь от них на более спокойное место...

— На леща?

— Ну, можно так сравнить: такие вялые, апатичные, но уж если что им приглянулось, они своего не упустят.

— Да-а... только приманить их тяжело... Вы чем пользуетесь?

— Для них — только отечественное, из «Лужи»!

— Мотыль — оно, конечно, хорошо. Но этого мало. Нужны свои секреты. Вот вы — «на кольцо» не пробовали?

— Как же! Да на него вся надежда! Запустим по кругу: наживка одна и та же, только у всех дорого, а у одного чуть дешевле, тут он и хватает!.. Попался, голубчик!

— Да что вы! Я так не пробовал. Надо будет мужиков подбить!

— Я вам говорю: верняк!

— Эх, люблю я наше дело за азарт!

— Это точно!

...Тут троллейбус подошел к остановке. Пассажиры дружно вышли и направились в разные стороны: один, волоча огромную сумку, — на вещевой рынок; другой, вскинув на плечо рыболовный ящик и ледовый бур, — на пригородный автобус. Впереди было два выходных дня.

Удачи вам, господа!

ЗАВТРАК ЛЮБИТЕЛЯ КРОССВОРДОВ

Было раннее время суток. Я, как обычно, направился в помещение, приспособленное для приготовления пищи. Достал с полки небольшой металлический сосуд цилиндрической формы и налил в него из крана прозрачной жидкости без вкуса и запаха. Потом произвел химическую реакцию с минералом, содержащим натрий, добавил по вкусу сладкого сыпучего продукта и поставил сосуд на устройство, поддерживающее огонь. В момент образования пузырьков в жидкости высыпал хлопья злака. Тщательно перемешал все столовой принадлежностью. Положил кусок молочного продукта, еще раз перемешал. Затем сел на разновидность скамейки с круглым жестким сиденьем, взял периодическое издание и принялся заполнять буквами очередной выпуск игры-задачи, в которой слова перекрещиваются друг с другом, образуя геометрическую фигуру. Через тридцать минут овсяная каша пригорела, зато кроссворд был полностью разгадан!

РЕПКА

Посадил дед репку. Выросла репка большая-пребольшая! Тянет дед репку, тянет, вытянуть не может.

Пошел дед звать бабку.

Нет бабки. Уехала в Канаду на форум крестьянских жен.

Пошел дед звать внучку.

— Внучка, а внучка! Пойдем репку тянуть!

— Некогда, — отвечает внучка. — У меня брифинг.

— Чево?

— Эх ты, деревня! Иностранные корреспонденты вопросы задавать будут.

— О чем?

— О твоей репке!

Сказала и убежала.

Пошел дед искать Жучку.

Смотрит, Жучка несется, язык высунула.

— Жучка, а Жучка! Пойдем репку тянуть?

— Не мешай, дед! — на бегу ответила Жучка. — Я только что на митинге правительство облаяла! Не до тебя! За демократию боремся.

Пошел дед звать кошку.

А кошка, вальяжная вся, в парламенте со львами заседает. Деда не признала и не ответила ничего.

Пошел дед к мышке.

— Мышка, а мышка! Помоги репку вытянуть. Бабка — за границей, внучка — с иностранцами, Жучка — на митинге, кошка — в парламенте. Некому репку тащить.

— Безобразие! — возмутилась мышка. — Скоро снег выпадет. Надо репку спасти! Организуем фонд. С тебя, дед, десять «баксов».

— Куда?! — не понял дед.

— В фонд спасения репки, — ответила мышка. — А офис мы в Париже откроем, будем вовлекать иностранный капитал.

— Тьфу! — выругался дед и отправился восвояси.

Пришел к репке, поплевал на ладони, поднатужился и вытянул один репку.

А тут и бабка из-за границы прикатила, внучка с брифинга явилась, Жучка с кошкой прибежали, мышка заскочила.

Репка выросла большая-пребольшая. Всем хватит!

СКАЗ О МУЖЕ

Жила на краю деревни старая дева Клара. Скучно ей было одной, и решила она: «Дай выстругаю себе из полена мужа! Все веселей будет!» Сказала и сделала.

Хороший муж получился: добротный, надежный, крепкий. И все бы ничего, да вот на том самом месте, о котором старая дева имела смутное представление, сучок оказался. Вроде бы небольшой такой, а Кларе и от этого стыдно. К чему такие глупости! Взяла ножик, раз... и срезала. А сучок в ответ — раз, и в два раза длиннее вырос. Клара и вовсе смутилась — экое безобразие! Взялась снова за нож. Но сколько ни пыталась укоротить, окаянный сучок вновь отрастал. И с каждым разом все длиннее и толще! Бедная Клара чуть от стыда не умерла, хотела охальника в печи сжечь, да, на счастье или на беду, вдовушка-соседка заглянула. Клара ей жаловаться.

— Хотела, — говорит, — мужа сделать себе порядочного, спокойного, чтобы в церковь с ним можно было сходить, телевизор посмотреть, может, на руководящую работу пристроить, а тут...

Вдовушка деревянного истукана кругом обошла, а как ниже пояса глянула, так и ахнула!

— Вот... торчит... — сказала старая дева.

— Не понимаю, чем ты, Клара, недовольна? — пришла в себя вдова.

— Так ведь ни костюм надеть, ни в люди выйти! Да и что народ подумает?

— Гм-м... Вот если бы ничего не было, тогда бы, действительно, неладное заподозрили, — заметила вдова.

А старая дева знай свое талдычит:

— Неудобство одно с этим делом. За стол не посадишь, чаю не попьешь...

— А зачем деревянному твой чай?! Ты его в постель клади, — захихикала вдова.

— Как же, уложишь! Одеяло шатром надуется!

— Тьфу! — не выдержала вдова. — Такое счастье привалило! Да мы, бабы, из-за этих «сучков» чего только от мужиков не терпим! А твой: не пьет, не курит, не матерится! Да еще такое достоинство имеет: не завянет, не отсохнет и всегда в полной боевой!

— А мне без надобности, — ответила старая дева.

— Так уступи! — Вдова обняла деревянного мужа. — Я найду применение! — И для пущей жалости слезу пустила. — Ой, он так на Витеньку моего покойного похож!

На том и порешили. А так вроде бы ничего особенного в этой истории. У вдовы через некоторое время мальчик Бурати-

но родился. Муженька ее деревянного за покладистость в депутаты от села избрали...

А вот со старой девой что приключилось! Смекалистой и предприимчивой оказалась. Народный промысел в духе нового времени открыла. «Раз, — решила, — в мужьях сучки главное, то на остальное нечего и дерево переводить!» И давай вырезать их один другого краше! Да под Хохлому и Палех расписывает. Прямо «секс-шоп а-ля рюс» организовала. Да так у нее дела хорошо пошли, да такой спрос на товар образовался, что хоть филиалы в Москве или в Париже открывай!.. Тем более, что со стороны мужиков ну никакой конкуренции, все политикой увлеклись...

КИТАЙСКАЯ ГИМНАСТИКА

Нет, мужики, вы не противьтесь, если ваша жена захочет китайской гимнастикой заниматься! Я дурак был, что не отпустил! Эта у-шу у наших женщин дает самые неожиданные результаты. Какой там Восток с ихними фокусами!

— Подумаешь, палками бамбуковыми машут, пятки выше головы задирают, кирпичи пополам ребром ладони бьют и отключаются так, что в спортзале никого не остается — все в космосе! А верх совершенства — это спать на гвоздях и битых стеклах! Кого теперь этим удивить? Ради чего все? Для хвастовства. Нашей женщине подобного не нужно.

Примерно такую лекцию я жене прочитал, а она, упрямая, все равно пошла. «Тренер, — говорит, — хороший, пять лет в Китае работал, желтый пояс хотели дать, а он в Россию махнул у-шу пропагандировать!»

В общем, стала моя благоверная в секцию ходить. Месяц минул, замечаю, ругаться прекратила.

— Что, — говорю, — заболела?

— Нет, — отвечает. — Энергию концентрирую.

— Ну концентрируй, концентрируй! — ворчу ехидно. А она хоть бы что. Молчит. Действительно, концентрирует. «Ладно, — думаю, — посмотрим, что дальше будет».

А дальше... Нет, мужики, вы не поверите! Ей-богу, не вру! Дальше такое началось!

Приходит, значит, моя с этой китайской гимнастики. Ужин не готов. Я — злой. «Хоть бы, — говорю, — котлет приготовила!» А она спокойно так отвечает:

— Не кричи, сейчас сделаю!

Берет, значит, кусок мяса из холодильника, раз, значит, руками мякоть от костей отсоединяет, потом мнет, а из-под пальцев прямо фарш готовый вылезает, как из мясорубки. Я обалдел!

Даже есть расхотелось! А она к плите подошла, пальцами щелкнула, газ без спичек зажгла, сковородку на огонь поставила. И все молча. Энергию концентрирует. Я тоже примолк. Не по себе мне стало...

После ужина стирать отправилась. Ну, сами знаете, стиральные машины — дефицит... Вдруг слышу гул в ванной. Прибегаю, думаю, случилось чего! А моя... Нет, вы представьте: руки в воду опустила и как лопастями... Др-р-р! Во дает! Что стиральная машина наяривает!

Ну, все это ничего, братцы! Это все цветочки! Поздно вечером уселись у телевизора. Она говорит: «Фильм скучный. Лучше я бельишко поглажу».

— Да полно, Маш, отдыхай! — возражаю я, чуя недоброе. А она меня не слушает, молча доску гладильную достает, на ладонь сосредоточенно смотрит... Плюнула — шипит ладонь, словно уютю! Ну, тут вроде я или уснул, или сознание потерял... На другой день побежал к тренеру.

— Ты что, — говорю, — с моей женой сделал?

Тренер испугался, а когда я ему все рассказал, так и вовсе побелел. Я, отвечает, ее этому не учил. Я, говорит, сам ничего не знаю! Ни в каком Китае не был, а у-шу только по телевизору видел, в «Клубе путешественников»! В грудь себя бьет, доказывает. Говорит, что всего пять групп ведет, по 30 долларов с каждой, и ничего! Все нормально! Никому ни хорошо, ни плохо не стало!

— А что же, — спрашиваю, — с моей женой произошло?

Тут тренер сообразил.

— Адаптация, — отвечает, — к нашей действительности! У нас же не Восток и не Европа какая-нибудь! Там им этого не надобно! А у-шу нечего обвинять! Она только возможности раскрывает, а куда эти возможности использовать, это ваша жена сама решает...

— Ну да! — удивился я.

А тренер уже очухался и на меня:

— А чем вы, собственно, недовольны? Что вам еще надо?

И верно...

Нет, мужики, вы не противьтесь, если ваша жена захочет китайской гимнастикой заниматься. Эта у-шу, я вам скажу, вещь! Ну, мне пара! К Маше! К ушуисточке моей!

ВЕРНИТЕ ЭКСТРАСЕНСА!

Товарищи на телевидении! Вы это дело кончайте! Немедленно верните на экран нашего любимого экстрасенса! Немедленно! Благодаря его сеансам я, можно сказать, только и

жить-то начал! Нет, ничего у меня не болело и не болит, слава Богу! Поэтому, наверное, со мной такое и приключилось.

Он, экстрасенс, говорит: «Я вам помогу, вы, главное, верьте!» А у меня по утрам, когда сеанс идет, руки маленько трясутся. Ну, это не болезнь, а так... временное явление, при котором неплохо бы... В общем, я стакан с водой перед экраном поставил и очень-очень захотел и поверил. Экстрасенс в телевизоре руками помахал, биополе навел... Взял я стакан, жажнул... Чистейшая водка оказалась! Ей-богу, не вру, но и не наглею! Второй стакан только до половины водой заполнил. Положил еще пару килек и ливерной колбасы. Экстрасенс опять руками замахал, замахал. Аж вспотел от напряжения! Но сделал, что я хотел: из кильки — пару кусочков красной рыбы, а из ливерной колбасы — докторскую! Красота!

Со второго полстакана меня на экзотику потянуло. Дай, думаю, закажу «Камю» — коньяк французский такой есть, видеть — видел, но никогда не пробовал. Взял у жены духи «Серебристый ландыш», поставил перед экраном... И опять... это... поверил очень... А он, экстрасенс, мой пузырек перекрестил, и, глянь, на этикетке вместо желаемого «Камю» — «Кристиан Диор»! Чудеса!

Я, конечно, эту гадость пить не стал, во французских духах кое-что понимаю. Жене подарил. Так она, бедная, отродясь подобных презентов не видевшая, уж рада была, уж ублажала меня, уж столько хороших и нежных слов вспомнила, и такой мне показалась после этого милой-премилой, что я заново в свою Машу влюбился.

А вы экстрасенса убрали! Разве так можно! Мы с Машей при экстрасенсе, можно сказать, новую жизнь начали! Теперь нам бы только научиться из щупалец кальмара, которые, видимо, по ошибке в наш продмаг завезли, с помощью биополя сосиски делать. Вот тогда и заживем! Главное, верить! А я всегда и всю жизнь всем верю!

НА ДОСУГЕ

... Люся, дорогая!.. Ты же знаешь, что я не пью! Счас я тебе все объясню... Мы в простое, работы нет, слоняемся по цеху, козла забивать надоело, в шахматы скучно. Хочется чего-то этакого... Ну, тут Саня и притащил. Нам не показывает, по рюмкам разлил и предлагает:

— Сыграем, мужики, в новую игру «Угадай наливочку»!

Люсь, ну мы чего? Мы — за! Счас же все кругом во что-

нибуть играют! Петька Смирнов говорит:

— Я с семи стопок угадаю, что здесь налито!

А Иван Семенович ему вежливо и культурно отвечает:

— А я — с пяти!

Петька Смирнов — свое:

— А я — с семи!

Торгуются они, значит, между собою. Тут Валька из соседнего цеха заглянул. Да ты его знаешь, здоровый такой... Тоже в игру включился.

— А я, — говорит, — с десяти угадаю!

Ну, Люсь, мне за наш цех обидно стало, не выдержал и кричу им:

— А я с трех могу!

А они мне все хором:

— Угадывай!

Люсь, там сп-спирт ок-казался... тех-технический! Я угадал! Да я бы с одной рюмки мог угадать, я у тебя молодец! Ну чего ты дерешься! Я же тебе приз принес... Вот! Старые десять рублей! Они сегодняшним ста тысячам равняются! Ну, глупая, не дерись! Игра же такая! Какой я пьяница?! Вот мы с соседним цехом сразимся, а потом, Люсь, нас же по телеку могут показать! Я тебе привет пер-редам!

СИЛЬНАЯ ШТУКА — ЛЮБОВЬ (страшилка)

Одна девушка собралась пойти в театр. Она надела дорогую мамину шубу, бабушкины бриллианты и вышла из дома.

А дело было зимой, смеркалось рано... А по улицам города шастали толпами маньяки-убийцы! Они вожаденно глядели на девушку, на ее худенькую, тонкую шейку, щелкали зубами и доставали из чемоданов ножи и веревки... Но девушка не любила маньяков-убийц, они ей были противны, поэтому она не остановилась поболтать с ними. Она спешила в театр!

А еще по городу бродили шайки бандитов-грабителей! Они как увидели девушку, так и бросились к ней. Особенно им понравились ее меховая шуба и бриллианты. Но мало ли чего нравится грабителям! Девушка не давала повод ограбить себя. Она даже не заметила бандитов. Так сильно она спешила в театр.

А за углом из подворотни вылезли навстречу насильники-садисты. Они глотали слюну, дрожали от страсти и не спус-

кали глаз со стройной девичьей фигурки. Но девушка даже не взглянула на насильников, даже не удостоила их никаким знаком внимания. Вот какая она была гордая и недоступная!

И заплакали маньяки, бандиты, насильники, глядя ей вслед!

А девушка благополучно добралась до театра. Там шел страшный спектакль про воров, убийц и проститутку. Зрителей было немного. Всего двое. Девушка и прекрасный юноша. И, конечно же, они полюбили друг друга с первого взгляда.

А после спектакля юноша провожал девушку, и они гуляли по городу всю ночь. И никто не посмел тронуть их. Даже милиция два раза проезжала мимо на патрульной машине, но не стала бить их дубинками и проверять документы.

Вот такая сильная штука — любовь!

ЛЮБИМОЕ ДЕЛО — СВЯТОЕ ДЕЛО

Доктор ведет прием. Входит очередной посетитель.

ПОСЕТИТЕЛЬ (бесцеремонно). Здорово, доктор! Я — Гриня! Помоги! Я — на взводе! Сердце бьется! Вот пощупай!

ДОКТОР (лениво берет руку). Пульс удовлетворительных качеств, ритмичный...

ПОСЕТИТЕЛЬ. Во, блин, а сердце колет! Полный отпад! Вчера, как пришел с работы, — работа у меня, понимаешь, трудная — руки трясутся, нервы ни в жилу, а после вчерашнего... того... аж желудок расстроился... В натуре, доктор. Вот тут пощупай! Ой, блин!

ДОКТОР (все так же лениво). Гм-м, живот мягкий, при пальпации умеренно-болезненный...

ПОСЕТИТЕЛЬ. Ага! Все-таки умеренно-болезненный! Кранты! Счас загнусь! А печень? Печень выпирает, я чую!

ДОКТОР. Ну есть немного! Не пьешь?

ПОСЕТИТЕЛЬ. Ну, насмешил! Алкоголь — это же яд! И никотин — тоже! Я себя берегу. Говорю тебе, от работы это у меня! А легкие как? Послушай, рака чтобы не было. Говорят, туберкулеза полно?

ДОКТОР. Вам не грозит. Туберкулез — удел истощенных, а вам с вашей комплекцией не об чем беспокоиться.

Такие бицепсы, мускулатура! Силищи-то в вас! Поди, женщины обожают?

ПОСЕТИТЕЛЬ. Ну, доктор, ты вообще... простой такой! А СПИД, сифилис! Ну их, этих баб... Да и работа у меня нервная, не до них, приходишь домой и сразу спать... А сны, сны, доктор, кошмарные... руки, ноги переломанные, челюсти свороченные... Вздрагиваю, и не уснуть!

ДОКТОР. Так вам микстуры надо выписать. Успокаивающей!

ПОСЕТИТЕЛЬ. Спасибо! А чтобы руки перед делом не тряслись, может, еще таблеточек каких?

ДОКТОР. Можно, вот рецепт.

ПОСЕТИТЕЛЬ (жмет доктору руку). Ну, спасибочки!

ДОКТОР. Не на чем! Ой, ну и здоровый вы! Отпустите!

ПОСЕТИТЕЛЬ. Ага! Здоровый! Знаете, когда врач скажет, что здоровый, — это совсем другое дело!

ДОКТОР. Пустяки! Да отпустите наконец!

ПОСЕТИТЕЛЬ. Слышь, доктор, ты меня так обрадовал, так обрадовал!.. Это самое, может, и тебе чего нужно? Я — мигом, не стесняйся!.. Может, у тебя враги есть? Могу отпугнуть, только скажи!

ДОКТОР (оживляясь). Постой, так ты этот... «Гриня-киллер», что ли?

ПОСЕТИТЕЛЬ (смущаясь). Ну, прям так... «киллер»... Я больше по рэкету...

ДОКТОР (преображаясь). Во, блин, в натуре! А чего молчал? Я тут перед ним бумажками трясу, как недоделанный, а он, блин!.. Значит так, Гриня, слушай сюда! Счас я пару старушек-«божьих одуванчиков» приму... берем тачку и валим отсюда! На мой киоск какая-то мелкота наезжает! Подсобишь?

ПОСЕТИТЕЛЬ. А у тебя че, киоск, что ли, имеется?

ДОКТОР. Ну ты простой! А на что б я жил? На этот мизер, который еще и не платят вовремя?

ПОСЕТИТЕЛЬ. А че, братан, ты вообще ходишь в свою поликлинику?

ДОКТОР. Сам не знаю, но не могу без любимого дела! Нехорошо на душе! Белые халаты, запах лекарств, больные в коридоре... Эх! Тебе не понять!

ПОСЕТИТЕЛЬ. Отчего же! Любимое дело — святое дело! Слушай, доктор, а у тебя этот киоск далеко?

ДОКТОР. Рядом, минут пятнадцать езды. Ты чего, на попятную?

ПОСЕТИТЕЛЬ. Обижаешь! Просто прикидываю: успею до семи или нет?

ДОКТОР. А зачем тебе?

ПОСЕТИТЕЛЬ. У меня занятия в университете.

ДОКТОР. Ха! Ты чего, Гриня, учиться, что ли, вздумал?

ПОСЕТИТЕЛЬ. Да нет, блин! Лекции по юриспруденции читаю... Не могу, как и ты, доктор, без любимого дела... Уж сколько лет рэкетирую, а все не отвыкнуть... Ну так валим, что ли? Время, братан, сам понимаешь!

ДОКТОР. Я мигом, Гриня! Во времена настали с этими реформами... И там и сям, только поспевай!..

ПОСЕТИТЕЛЬ. Не говори!.. Пойду вон пока рецепт выкуплю! (Уходит.)

ДОКТОР. Следующий. И побыстрее!..

Нашему книжному магазину, можно сказать, повезло. Он расположился в старинном купеческом здании с портиком снаружи и антресолями внутри. А поскольку городские власти снесли вокруг все церкви и соборы, то наш, как мы попросту его называли, «книжный» в столь необычном историческом развитии стал духовным центром жизни города.

Когда-то местная интеллигенция приходила сюда не столько что-либо приобрести, сколько пообщаться. Особенно в воскресные дни. Да-да, было такое на памяти — работали по выходным.

Старинный русский город наш не так чтобы велик, но и не мал. В чем есть своя прелесть! Люди знали друг друга, прогуливались под сводами магазина, здоровались, интересовались делами, показывали своих отроков и краснеющих барышень. Телевидение еще не загоняло людей по квартирам, интересные собеседники вещали не только с экранов. И где, как не в храме книги, можно было поговорить по душам. Тем более, что и знакомились легко и непринужденно, достаточно было знать кого-либо в небольшой группе собравшихся.

Торговый люд, как и покупатели, тоже был особый. Говорили шепотом, службу вели исправно, деньги брали, словно на пожертвование.

Да что продавцы! Казалось, и стены были пропитаны благовоном духом книги. Бывало, возьмешь с полки модную литературную новинку, листаешь, оборачиваешься, а из-за твоего плеча с портрета иронично улыбается Чехов, за ним — Гоголь, а где-то вдали пробивается суровый взгляд Льва Толстого. Вздохнешь, отложишь нашумевшую новинку и вспомнишь классика: «К чему писать новые книги, когда есть прекрасные старые?» Н-да!

«И почему так устроен человек, что его тянет к культуре? — подумалось мне, когда очередь в «книжном» зашевелилась, приготовилась к штурму. — Какая была раньше идиллия! Никто этими книжками не интересовался! Правда, говорят, книги лежали свободно оттого, что читатели их сидели по тюрьмам и лагерям. Нет, лучше вот так, в тесноте, чем такая идиллия. Господи, не приведи!»

— Открыли! — раздался крик, и мы понеслись. Строгая девушка дюралевой палкой отсеивала по десять человек и запускала в вестибюль, похожий на загон. Зрелище унижительное, но, право, — уж лучше так, чем хорошие книги да некому читать!

— По две не даем! — не менее строгий кассир бдила за исполнением приказа директора магазина. А сам директор стоял на антресолях и взирал.

Вообще-то, я не хотел выстаивать очередь, но разве можно совладать со своими чувствами, с этим запахом краски, золотом переплетов, хрустом страниц! Новая книга, пока ее не подержали в руках, — вещь мертвая, нечеловеченная, и только когда открываешь ее, она оживает на твоих глазах, словно именно ты, а не писатель, вдохнул в нее жизнь.

«О чудо! Глазам своим не верю!.. 1924 год!.. Н-да!.. Репринтное издание... Надо непременно взять, — решил я, перевернул обложку и увидел цену. — Однако ж!»

Простого, не репринтного, издания никогда не было, а если у кого и сохранилось, то у них изымали и даже ссыла-

ли... И вдруг переиздали сразу как репринтное... Странно. Вот парадоксы жизни: раньше не приобрел, так как было нельзя, а теперь можно, но не куплю, так как дорого. Что лучше? Наверное, все-таки последнее. Пусть лежит. Или другой кто возьмет. Но расставаться с книгой мне было жаль. Я все листал и листал страницы. А публика все расхватывала и расхватывала товар. Меня толкали, я прижимал к себе книгу и читал. И чем дольше читал, тем больше не хотелось прерываться. И все же пришлось. Я положил книгу на полку и пошел к выходу. Но тут меня окликнули:

— Ты чево, мил человек, книгу-то положил?

Я обернулся. Передо мной стоял мужик в овчинном полушубке.

— Вижу, понравилась литература, а взад ложишь. Аль дороговато? — спросил он меня и, хитро прищурился, сказал: — Ничево, подсобим! Бери книгу-то, пойдём!

Я хотел возмутиться, сказать, что не надобно мне таких одолжений и подарков, гордость на миг взыграла во мне, но голос мужика был настолько властен, что я подчинился. Да и любопытство начало одолевать. Что-то в этом мужике было необычное, не наше. Не в смысле иностранном, а в смысле временном. Даже двинулся он не суетливо и быстро, как большинство моих сограждан, а степенно и уверенно.

Мы вышли на улицу. Был морозный зимний день. Поземка гуляла по открытому портику. Мужик протянул мне книгу.

— На, пользуйся! — сказал он и представился: — Охмелкин я, Глеб Самсонович! Купец первой гильдии! — и, видя мое изумление, громко хохотнул. — Чево уставился! Было время, я лавку в Москательных рядах держал! — Он махнул рукой в сторону овощного магазина.

Порыв ветра обдал нас морозом. Мужик закутался в полушубок и, взглянув на меня, проворчал:

— Эко ты одет бедно. В ветродце драповом, — назвал он мое пальто. И воротник, не разберу, из какого зверя?

И тут на меня накатило.

— Продаем меха иностранцам, у них там в Европе жутко холодно, а сами ходим черт те в чем. Привыкшие! — съязвил я и даже скопировал речь мужика.

— А вот это ты зря! — оборвал меня Глеб Самсонович. — Не люблю я этого. Не смог прилично одеться — так и скажи!

К нам подошел книжный спекулянт.

— Карнеги не желаете? — вкрадчивым шепотом спросил он.

— Чево? — удивился Глеб Самсонович.

— Есть «Русь изначальная», «Житие императрицы Екатерины». — Парень открыл сумку, показывая дорогие пере-

плеты.

— Чево? Книжками, что ли, торгуешь? — понял наконец Глеб Самсонович и неожиданно схватил спекулянта за грудки. — Ах ты, мразь! Ах ты, погань татарская! Да я тебя сейчас к хозяину лавки сведу! Заработок отбиваешь!

— Ты что, папаша, спятил? — защищался парень. — Я эти книги вчера здесь же и купил! На законном основании!

— А чево приторговываешь? — грозно допрашивал Глеб Самсонович. — Купил и иди отсюда! Другие придут, тоже купят. Товару всем хватит.

Глеб Самсонович отпустил парня, и тот, испуганно подобрав сумку, побежал в сторону.

— Псих! — крикнул он, удирая. Глеб Самсонович бросился было догонять. Пришлось мне вмешаться.

Я остановил Глеба Самсоновича и принялся рассказывать ему о превратностях нынешней книжной торговли, но так и не сумел ничего объяснить. Он то согласно кивал головой, то вдруг начинал возмущаться. В конце концов все мои разъяснения прервались его бурным хохотом. Глеб Самсонович долго и заразительно смеялся, приседал, показывая в сторону толпящихся спекулянтов.

— А эти, значит, в этой же лавке товар скупают и тут же около нее перепродают в тридорога!.. О-о-т, шельмецы-удальцы!.. Нет, мы тоже сплутовать любили. Скупишь где-нибудь на окраине товар подешевле, в губернию привезешь, цену набросишь. Глядишь, барыш имеешь! Но чтобы вот так... под носом!

И опять громкий хохот купца сотряс портик.

Люди оборачивались на нас. Я начал ругать себя, что связался с этим неизвестно откуда взявшимся купцом. Что мне до него? Дома ждут. Обещал вернуться к обеду. Но я так и не оставил своего благодетеля. Разве я мог бросить его — такого беспомощного, наивного в простоте!

А Глеб Самсонович, насмеявшись вдоволь, направился к Красным рядам, чудом сохранившимся в нашем городе и используемым, как и прежде, под торговлю.

— Там что? — спросил Глеб Самсонович, указывая к центру.

— Обувной магазин, — ответил я.

— Ишь, до сих пор на прежнем месте! — изумился Глеб Самсонович. — Охота посмотреть, что в клеченовской лавке делается, — сказал он, отправляясь в магазин напротив. — Был такой купец Клеченов. Не слыхал?

— Нет, — ответил я, еле поспевая за ним.

Лавка, а по-нашему «Галантерея», Глебу Самсоновичу понравилась. Единственное, что его удивило, — это большое количество покупателей и малое — продавцов.

— Ежели народу столько, можно для торгового дела и соседнюю лавчонку прикупить, — заметил он. — Все равно пустует.

Ну как объяснишь, что соседняя лавка пустовала, — там сегодня ничего не давали, а здесь всю торговали дефицитом: лезвиями и кремом для бритвы*. Народ столпился у прилавка, нервничал, шумел. А в соседней секции — тишина и покой, продавцы там скучали да свысока посматривали.

— Не дело! — возмутился Глеб Самсонович. — Товар ходовой! Торопливо продавать надо! Соседний лоток можно закрыть, приказчиков вызвать! — делает он замечания. Но в это время его толкнули, нас оттерли друг от друга. Толпа росла, волновалась.

Я крайне обеспокоился, что не вижу Глеба Самсоновича. Однако вскоре, к моему удивлению, в магазине начались преобразования. Откуда-то появились дополнительные продавцы, затем еще. Торговля пошла бойко. Народ ошалел, метался. Очереди почковались и уменьшались. В соседней секции тоже начали торговать лезвиями и кремом. Людей в очередях заметно поубавилось.

Воспользовавшись случаем, я тоже взял немного.

Правда, товар скоро кончился.

В это время из подсобки вышел представительный мужчина под руку с моим Глебом Самсоновичем.

— Товарищи покупатели! — громко сказал мужчина. — Как директор приношу вам извинения, что мы не смогли удовлетворить всех желающих. Буду очень признателен, если вы завтра вновь посетите наш магазин. Мы завезем товара побольше! Еще раз извините!

— Батюшки! — ахнула стоящая рядом старуха. — Никак сам Глеб Самсонович торговать начал! — узнала она Охмелкина. — Батюшки светы! Этот слов на ветер не бросает. Раз сказал, значит — будет! А раз будет, так мне столько и не надо! И вообще ничего не надо! — сказала она, перекрестилась и торопливо пошла к выходу, неловко волоча наполненную котомку.

А директор пожал руку Глебу Самсоновичу, они раскланялись, попрощались. Покупатели на редкость спокойно стали выходить из магазина.

Я догнал Глеба Самсоновича уже на улице.

— А-а, это ты! — сказал он. — Плохо торгуют! Не умеют! Пришлось малость подучить. Хозяин сначала меня с каким-то Обехесесом спутал. Все лебезил передо мною, чево-то

*Примечание автора: в описываемый период имели место временные трудности с данным товаром.

объяснял... Ну, я ему растолковывал, кто я такой. И вишь, понял! Всю жизнь, говорит, мечтал у настоящего мастера поучиться! — Глеб Самсонович самодовольно хмыкнул.

Мы прошли мимо церкви Христа Спасителя. Охмелкин по привычке перекрестился на Спаса в рядах. Не заметил, что церковь восстановленная. Молодцы, реставраторы!

Несмотря на морозный день, народу было много, публика навстречу попадалась всякая. Глеб Самсонович с любопытством приглядывался, иногда даже озорно подмигивал молодежи. И вдруг спросил меня:

— Что это у вас много мужчин и женщин дурного поведения по торговому месту шатается?

— С чего вы это взяли? — удивился я.

— Выражаются непотребно. Матюги. Брань. Сразу видать — распутные!

Аргументы веские, возражать я не стал, и отправились мы дальше. Зашли еще в несколько магазинов. Глебу Самсоновичу они понравились. Нарядно. Просторно. Товар яркий.

— Только одного не пойму, — спросил он, — почему женщины за прилавком? Разведенки или вдовы? Да уж больно много!

Я сказал, что не мужское дело — торговля. Неинтересное занятие.

— Э-э, нет! — не согласился Глеб Самсонович. — Ошибаешься! Занятие это сугубо мужское и дюже интересное! Ты вот азартный?

Я вспомнил студенческие годы, преферанс до утра.

— Азартный!

— А в торговле азарту поболее, чем в картах! — словно угадал мои мысли Глеб Самсонович. — Вот зайдет покупатель, а ты сразу прикидываешь: купит или не купит? Может, цену соскитить? Одному уступишь, на другом отыграешься. Или, наоборот, набросить надо рублик-другой, так как посетитель твердое намерение на покупку имеет. — Глеб Самсонович оживился, глаза его заблестели. — А женщины! — продолжал он. — Продавать женщинам что-либо вообще блаженство! Она на товар смотрит, а ты на нее: и губки, и локон спустившийся, и ноздри волнительно раздуваются, а нагнется к тебе поближе, товар разглядывая, — духами, ароматом тончайшим обдаст! А пальчиком ненароком тебя коснется!.. Эх, да что говорить! Это чувствовать надо! Нигде женщина так беспомощна и доверчива не бывает, как возле прилавка!

— Я гляжу, вы сластолюбец, Глеб Самсонович.

— Не вижу греха в этом... Господи, прости! — поправился Охмелкин. — И все же нельзя женщин всерьез в торговое дело допускать! Покупатели на них глаза будут пялить,

про покупки забывать. А бабы, основные наши покупательницы, у красивой продавщицы в жисть не купят. Из внутренней нетерпимости. Как подметил пролетарский писатель Максим Горький!

— Однако!

— Читывал-читывал! И не таких писателей!

Глеб Самсонович остановился у стенда «социалистического соревнования».

«Выполним план!» — прочитал он лозунг.

— Это чево? — полюбопытствовал Охмелкин. Но я сказал, что вот это ни я, ни кто другой объяснить не сможет. И быстренько-быстренько потащил купца из магазина.

Так очутились мы возле ресторана «Славянский». Название старинное. Славяне туда давно уже не ходят.

— А что! Неплохо бы перекусить, рюмочку водки выпить! — сказал Глеб Самсонович, увидев вывеску.

«Неплохо-то оно неплохо, — подумал я. — Да неудобно получается: на дармовщину не хочется, а на свои... Есть, правда, пятьдесят рублей в заначке, но по нынешним ценам ничто...»

Я вздохнул, вспомнив про обед, про своих домашних. Но жаль было расставаться с Глебом Самсоновичем — полюбил я его. Да настала пора. Не по пути...

— Пошто ски? — заметил перемену моего настроения Глеб Самсонович. — Али из-за денег? Угощаю!

— Нет, Глеб Самсонович, увольте!

Но Глеб Самсонович не отпускал меня, а продолжал, распаяя свой и мой аппетит:

— Эх, счас гульнем! В еде и питье я крепок! Расстегаев сначала закажем, грибочков соленых, фрикасе из дичи!

— Глеб Самсонович, увольте!

— Потом судак в белом вине! Рыбник! Солянку из осетрины! Телятину тестовскую холодную! — Глеб Самсонович, увольте!

— Травник, морс брусничный напоследок!

— Глеб Самсонович! — не выдержал я. — Какие расстегаи! Какое фрикасе! Кусок резинового мороженого мяса отколошматят, посолят-поперчат до неузнаваемости вкуса да еще назовут все это мудрено: мясо по-адыгейски или другой какой-нибудь народности. И ешь — не хочу, а и захочешь — не съешь! По-европейски не назовут! Европейцы к нам ездят, их не проведешь! А адыгейцы, если и заедут, то стерпят! Свой народ!

Глеб Самсонович остановился, а меня, как всегда, заносило.

— Расстегаи! Судак! Солянка из осетрины! Телятина холодная! Боже мой!.. Это... это... по-нашему, по-ученому — раритеты! Вот!

Глеб Самсонович достал из кармана горсть монет: были тут и золотые червонцы, и серебряные целковые, и мелочь всякая.

— По-вашему, по-вашему... — пробурчал он. — Я знаю один, как ты выразился, ра-ри-тет — когда вот этих не хватает! А у нас с тобою есть! Пойдем!

— Так то деньги старинные! — возразил я.

— Э-э, брат! — не согласился Глеб Самсонович. — Настоящие деньги — они всегда настоящие, от них никто не откажется. Я вот тебе книгу купил? Купил!

Наша перебранка у дверей «Славянского» разрешилась довольно неожиданно и просто. Как все в нашей стране.

Вышел швейцар, повесил табличку «закрыто», потом взглянул на нас.

— Чего шлетесь тут? — с нескрываемым пренебрежением спросил он. — Не видите табличку? Спецобслуживание сегодня. Не работаем! Идите в пивбар за углом. Там опохмелитесь.

Глеб Самсонович, к моему удивлению, не возмутился от такого обращения, а властно поманил швейцара пальцем.

— Поди-ка сюда!

Швейцар послушно подошел.

— На! — Глеб Самсонович дал ему целковый.

Монета исчезла, словно попала в руки фокусника Акопяна.

— Премного благодарен! — по-старорежимному пискнул швейцар. — Счас вынесу! А пустить не могу, мужики! Ей-богу, закрыто!

Глеб Самсонович опять поманил швейцара пальцем.

— Ты деньги-то куда девашь?

— Какие?

— Чаевые.

— Известно куда!

— Копишь, что ли?

— Коплю!

— Ну копи-копи! — сказал Глеб Самсонович. — Накопишь много и помрешь! Вот смеху-то будет! Деньги есть, а тебя нету! Спрашивается, для чего человек жил? — Охмелкин засмеялся, а швейцар застыл от изумления. — Ну, да будет с тебя! — Глеб Самсонович махнул рукой. — Пшел вон! — в голосе купца было столько власти, что швейцар испуганно ретировался.

А мы отправились в пивной бар. По собственной воле, а не оттого, что нас туда послали.

Внутри было дымно, грязно, на полу наплевано. Охмелкин поморщился, но ничего не сказал. Картина знакомая. А вот здешняя публика его удивила: одеты прилично, костюмы-тройки, бородки интеллигентские, речи приятные и, можно заметить, прелюбопытные.

Дело в том, что в процессе очередного исторического развития нашего общества малоимущие слои были вытеснены в этот полуподвал. Провинция! В столице, говорят, интеллигентов и из таких подвалов вытеснили.

Мы с Глебом Самсоновичем прошли в зал и сели за столик. Нам повезло — не было очереди, и повезло еще раз — нас быстро обслужили. Пьяный официант молча поставил перед нами по кружке пива и закуску из селедки, так называемый «комплекс». Селедка была осклизлая. «Как устрицы, наверное...» — подумалось мне, хотя откуда мне знать, как выглядят устрицы?

Официант так же молча удалился. Мы принялись за пиво. Оно было свежее и вкусное. Нет, нам определенно везло. А Глеб Самсонович с любопытством оглядывался по сторонам, прислушивался к речам.

— Тэтчер — железная леди! — вели серьезный разговор мужики за соседним столиком. — Она окончила химический колледж, вышла замуж за бизнесмена и сказала: «А на хрена мне работать химиком! Я теперь обеспечена, денег мне не надо... пойду-ка в депутаты!»... И пошла! Бесплатно!

— Да, железная леди! — поддержал беседу другой. Я всегда любил политиков-женщин. В них больше здравого смысла. Нам бы в Россию такую! Была же Екатерина, из немок...

— Нет, все-таки Тэтчер — это не то... Вот Корасон Акино из Филиппин мне больше нравится!

— А я говорю — Тэтчер!

— Нет, Акино!

Мужики заспорили. Глеб Самсонович зевнул.

— Обыкновенный треп о бабах, — сказал он.

«Ну не совсем обыкновенный... — подумалось мне. — Хотя, впрочем...»

В это время официант принес еще по кружке пива и кусок резинового мяса. Я почувствовал рефлекторный голод и с жадностью принялся за еду. Глеб Самсонович есть не стал, но пива выпил. Потом мы вместе пили. Потом еще... Закусывали солеными сухариками из черного хлеба. Воблы, не говоря уже о раках, в этом заведении никогда не было. Хотя

находился пивной бар на берегу Волги.

Публика заметно оживилась, роптали о том о сем. Провинциалы-интеллигенты проявляли завидную осведомленность в столичных сплетнях, поминали все имена политиков, артистов, писателей, словно недавно расстались с ними, чтобы зайти сюда и попить пивка. Напротив, хваткие заезжие москвичи интересовались делами более прозаическими: где можно купить по дешевке дом в заброшенной деревне и как перетащить сруб поближе к столице... Каждого интересовало свое. Но все охотно обсуждали перестройку и ругали правительство.

— Чем они недовольны? — вдруг спросил меня Глеб Самсонович. — Светскую власть бранят!

— Не светскую, а советскую, — поправил я. — Прежде семьдесят лет хвалили, теперь семьдесят лет ругать будут...

— У-у-м! — понимающе поддакнул Глеб Самсонович. — А скажи-ка ты мне вот что: царь-то у вас добрый?

— Добрый, — с пива у меня легко соображалось, и ясность в мыслях была полная.

— Который час? — вдруг поинтересовался Глеб Самсонович.

— Два.

— Поторапливаться надо. Пора мне, — засобирился он.

— Куда? — спросил я.

— Проводи меня до Успенского собора! — попросил Охмелкин.

И, что удивительно, я сразу догадался, о чем идет речь. Успенский собор был уничтожен в 1934 году. Но я знал дорогу к храму.

Мы пошли через сквер к памятнику Ивану Сусанину. В сквере было тихо, малоллюдно. Глеб Самсонович остановился и вновь достал кошелек.

— На, возьми деньги! — сказал он.

— Нет, Глеб Самсонович, не могу! — ответил я. — Вы меня унижаете! Я, слава Богу, не нищий! Хлеб-соль есть!

— Бери-бери! — не унимался Охмелкин. — Не веньгайся. Гордость не напускай! Я знаю, что делаю!

— Не возьму!

— Вечно вы так! — возмутился Глеб Самсонович. Попростому взять не можете. Вам надо объяснения или, по-вашему, теорию.

— Теоретическую базу! — не удержался и поправил я. Нет, определенно, от общения с Глебом Самсоновичем голова у меня работала, и ясность в мыслях была какая-то особая.

— А я вот к тебе благодетельствую! Слышал небось про

купцов-благотетелей. О тех, которые деньги жертвовали...

— Слышал.

— И я из таких. А об деньгах не беспокойся! Я же говорю: ты эти деньги не удержишь, израсходуешь. И не просто израсходуешь, а на развитие умственной жизни потратишь. А от этого и мне польза. Забавы для души вы всякие придумываете, красоту создаете. Может, книгу обо мне напишешь... А ты считаешь, что я просто так деньги даю... Запросто так — даже Христос не давал, любви к Всевышнему требовал... Бери деньги! — Глеб Самсонович вложил мне в руку кошелек. — Не в деньгах счастье, как древние говаривали, а счастье в том, чтобы эти деньги добывать. Тратить и снова добывать. Азарт жизни в этом и состоит... Купеческая натура!

— Вас бы нашим купцам послушать. Они удавятся из-за гроша. Сами с жиру бесятся, и прислуга вокруг них барствует...

— А общество хиреет, как я заметил. Потому что из оборота денег умственные люди выпали. Красоты-то и духовности вокруг нету! Вот тебе, мил человек, и теория! — усмехнулся Глеб Самсонович. — Не волнуйся! Твои деньги от меня никуда не денутся, мимо не пройдут, через многих людей ко мне возвратятся... А по дороге скольких осчастливят! — Глеб Самсонович потер щеки рукавицей.

— Ой, мороз пробирает! Ну, веди к храму. И пошли мы мимо подмененного памятника патриоту земли русской Ивану Сусанину, мимо восстановленной церкви Христа Спасителя, мимо оскверненного монумента царей российских, оскверненного не вождем, а теми, кто его туда водрузил.

И пришли мы на площадку с каруселью и лозунгом, призывающим к борьбе.

А вид на Волгу с Соборной горы открывался изумительный! Замерзший залив, ледяная пустыня, стрелка, золотые купола Ипатия и даль... Бескрайний простор... Солнце выглянуло из-за туч, бордовым светом блеснуло и завязло в тишине морозной, воздухе густом.

Глеб Самсонович перекрестился, попрощался со мной.

— С Богом! — сказал он.

И увидел я, как идет он к Успенскому собору — храму, стоявшему когда-то здесь, на этом месте. То ли от мороза, то ли от солнечной дымки вдруг увидел я маковки золотых куполов с миниатюрными крестами. И услышал нежный колокольный перезвон. Возвышалась здесь когда-то знаменитая колокольня самоучки Воротилова. Да и впрямь звонили! Не чудилось мне!

Ушел купец. Исчез храм, остался я один в парке городском. И не поверил бы вовсе в эту историю, если бы в руках не держал книгу, купленную купцом, да кошелек с деньгами.

И грустно мне стало, нехорошо на душе.

— Господи! Прости нас, несуразных и непомнящих! Дай ума-разума восстановить поруганное, связать прерванное в нить неразрывную!

И побрел я по аллее парка. По погосту сия аллея была проложена.

И ступал я бережно, осторожно на снег. А у выхода из парка увидел художников-самоучек. Они картинами своими торговали. Мимо шел. Не до них мне было. Но вдруг защемило сердце, краем глаза приметил, голову повернул и... оторваться не мог.

На картине были снегири на снегу. И была картина написана так, что воздух на ней от мороза звенел, а снегири вот-вот взлететь собрались. Божья искра на картине была!

Я подошел к художнику.

— Продаешь?

— А что, купишь? — недоверчиво переспросил парень с бородкой, переминаясь в валенках и шлепая себя по бокам рукавицами.

И вспомнил я слова благотетеля Охмелкина: «Возвратятся ко мне деньги, но сколько людей по дороге осчастливят!»

И достал я первый червонец.

1990 г.

Дед Матвей решил устроить скандал. Но не на улице, как демократы, и не дома, как хулиган, а как старый дисциплинированный коммунист — в известном и привычном ему месте.

Кстати, о месте... Была в нашем славном городе традиция украшать сии присутственные места голубыми елями. Хорошая и умная, надо заметить, традиция. Вот теперь, когда все таблички поменяли, флаги другие водрузили, портреты сняли, ну ничегошеньки вроде бы от старого не оставили... Ан,

нет! Голубые ели у фасада! Природа! Ее не переименуешь и не перекрасишь. И гражданам, не привыкшим к новым вывескам, по природе легче ориентироваться. Идешь по городу, глянь — голубая ель! Ага! Значит, вот оно — искомое заведение.

Дед Матвей и без природных ориентиров дорогу знал. А на скандал его подтолкнула заметка в газете, в которой сообщалось, что бывшие коммунисты могут через суд востребовать с бывшей партии свои взносы. Дескать, революция проиграна, извольте денежки обратно... товарищи!

Но дед Матвей, воспитанный партией, суды не признавал. Он привык действовать с большевистским наскоком. И в один из послеавгустовских дней, зимой, ближе к весне (мы, провинциалы, — люди неторопливые), появился возле кабинета первого секретаря райкома.

И, надо сказать, вовремя. Именно в этот день переезжал туда глава администрации (тоже человек не из торопливых).

Суматоха была жуткая. Сновали секретари, рабочие вносили и выносили мебель. Глава администрации решил переждать издержки переезда. Он вышел в фойе, закурил сигарету и тут натолкнулся на деда.

— А-а, Матвей Егорович, мое почтение! — скуки ради вздумалось ему поболтать со стариком.

— Здравствуйте, товарищ второй секретарь райкома! — громко ответил дед. Рабочие, выносившие шкаф, чуть не упали.

— Тише-тише! — передернуло главу администрации.— Какой секретарь? Какой райком?

— Обыкновенный! — ответил дед. — Меня вашими переименованиями не проведешь. И вообще, я за компенсацией пришел!

— Так вам в собес надо, — привычно отослал деда глава администрации и хотел было сбежать, но не вышло. Старый большевик знал свое дело и преградил дорогу.

— Я по партийной линии... — твердо произнес он.

Глава администрации сник, он понял, что попался, что от настырного деда запросто так не отделаешься, и уже корил себя, что первым ввязался в разговор. А дед Матвей вертел у него перед носом газетной заметкой, требовал вернуть свои «кровные», шумел, размахивал руками и без конца выкрикивал: «Товарищ секретарь!», чем привлекал всеобщее внимание. Казалось, скандал назревал.

Но в это время двое рабочих вынесли в коридор дверь. Добротную, обитую кожей!

— Петр Петрович! — обратился один из них. — Как вы приказали — сняли. А теперь куда ее?

Глава администрации мгновенно принял решение:

— А вот Матвею Егоровичу и отдайте!

— Зачем мне дверь? — опешил дед.

— В порядке компенсации!

Дед заколебался:

— Оно, конечно, вещь крепкая, надежная... — растерялся он.

К главе администрации вернулась прежняя уверенность.

— Берите, пока дают, — сказал он. — Сувенир от партии.

На память, так сказать, реликвия. Эх, сколько перед ней кланялись! Но мы, демократы, прежнее не признаем. Мы новую установим. А старая — вам, Матвей Егорович, в хозяйстве сгодится.

— И то верно, — согласился дед Матвей. — А не продешевлю? Моих-то взносов ой сколько накопилось!

— Да по нынешним диким ценам ваших взносов и на обивку не хватит! — ответил глава администрации. — Забирайте, а то передумаю.

И дед Матвей сдался. Скандала не получилось. Старый большевик отпустил главу администрации. Тот быстро выписал пропуск и велел доставить дверь старику на дом.

* * *

Матвей Егорович жил в старинном особняке на берегу Волги.

Красивое здание с колоннами украшала лаконичная табличка: «Памятник архитектуры. XIX век. Охраняется государством».

А вообще-то, в прежние времена здесь располагался обыкновенный приют для бедных. Тогда всё строили основательно и красиво.

И место было выбрано удобное, возле причала, где толкается различный люд, путешествующий по великой русской реке. Многие пользовались приютом как ночлежкой.

После революции объявили, что бедных у нас нет и быть не может. И приют сразу опустел. А в освободившееся помещение заселили молодых и энергичных революционных рабочих. Но как коварна история! Когда закончились революционные десятилетия и вновь объявили, что бедные, оказывается, у нас есть, — здание к этому времени изрядно обветшало, люд, теснившийся по перегороженным коммуналкам, постарел и обнищал. В общем, все вернулось на круги своя! Приют вновь напоминал приют, а его обитатели еле влачили свое существование.

В одной из перегороженных комнат на первом этаже и жил бывший молодой рабочий, а теперь одинокий пенсионер — Матвей Егорович Кузьмин, или — как его все запросто называли — дед Матвей.

На следующий день рано утром дед Матвей внимательно прослушал по радио политическое положение страны, с удовлетворением отметил, что борьба за построение рынка продолжается и «наши» пока не победили. Дед покряхтел, попыхтел, сетуя на жизнь, да и решил сходить за хлебом. Он собрал кошелку, взял десятку, открыл массивную красивую новую дверь. «Да, хорошая вещь, — похвалил Матвей. — Будет совсем туго — продам!»

Булочная располагалась неподалеку, в полуподвале. Народу было немного. Дед взял маленькую городскую булку, четвертушку ржаного и протянул кассирше десятку.

— Мелких денег, что ли, нет? — добродушно проворчала продавщица (видимо, с утра у нее было хорошее настроение). И сдала кучу денег. Дед пересчитал сдачу, не отходя от кассы: девять рублей сорок пять копеек.

— Почему так много? — удивился он.

— Четвертинка ржаного — пять копеек, и булочка городская — десять копеек, — все так же спокойно и вежливо пояснила продавщица.

Дед Матвей ничего не ответил и в глубокой задумчивости вышел из булочной. Он поднялся в гору до молочного магазина, а когда увидел там полки с сырками, кефиром, молоком, яйцами, цыплятами, то ему и вовсе стало не по себе. Дед посмотрел на Муравьевку. Над знаменитым красным зданием с начальством развевался не трехцветный, а алый стяг! И тут до деда дошло.

— Г-м-м! — захмыкал он. — Если моя догадка верна, так ведь хватит!

И старый большевик, сжимая оставшиеся от десятки деньги, быстро направился к гастроному.

Догадка деда Матвея оказалась верной, но он позабыл, что в те времена торговали только с двух. Пришлось подождать.

Матвей Егорович купил любимую «Правду» за пять копеек, присел на лавку в сквере возле памятника В. И. Ленину, по привычке пропустил первую полосу и начал читать последнюю. Он порадовался за наших хоккеистов на чемпионате мира: «Молодцы, ребята!», посетовал, что мало дали на суде проворовавшемуся начальнику-взяточнику, с ехидством глянул на прогноз погоды: «Как брехали тогда, так до сих пор и брешут!»

Дед Матвей перевернул газету. Под лозунгом «Пролетарии всех стан, соединяйтесь!» стояла дата: «18 апреля 1982г.».

— Г-м-м! — в очередной раз захмыкал он. — Посмотрим-посмотрим, так ли оно...

Но вот на глаза ему попала маленькая заметка земляка

Василия Бочарникова «С любовью к природе». Дед увлекся чтением. Так хорошо, так прекрасно была описана весна на Покше, ручейки из тающего снега, свежесть лесного воздуха... Дед вздохнул, закрыл глаза. Пригревало апрельское солнце. Нежно, словно женской рукой, ласкало оно щеку. Матвей Егорович задремал...

Но вдруг налетел порыв ветра, вмиг исчезло хрупкое весеннее тепло. Матвей Егорович проснулся ровно в два.

В гастрономе уже давали. Очередь была небольшая. Мужики тихо и незлобно матерились. Заканчивался обеденный перерыв. А тут не шевелятся, торгуют не спеша... Дед Матвей хитро и многозначительно улыбался.

— Ой, голубчики, скоро запоете! — громко сказал он. — Как издадут Указ от мая восьмидесят пятого года!

— Ты о чем это, дед? — лениво спросил его сосед по очереди.

— А вот, говорю, мужики, в восемьдесят пятом годе, скоро значит, Указ введут о борьбе с алкоголизмом и пьянством. Проще говоря, сначала ее, окаянную, вообще пить запретят, а после сто рублей бутылка сделают!

— Иди врать-то! — откликнулся здоровяк впереди — Да разве русского мужика можно без водки оставить? Это же вредительство! Мне доктор один, умный, башковитый такой, объяснял, что водка у нашего советского трудящегося входит в обмен веществ: у работяги участвует в питании мышц, вместо, значит, мяса; у интеллигентов в какой-то цикл Кребса входит, вместо сахара в мозг идет... В общем, универсальный продукт.

— Ишь ты! — подивился парень в рабочей спецовке.

Очереди тех времен были не злые, а скорее привычные. И беседы в них велись охотно. Деда Матвея всерьез не воспринимали с его предсказаниями будущего, но относились к нему терпимо. Да и сами мужики были не прочь поболтать.

— Если мир держится на трех китах, то Россия на трех бутылках, — заключил интеллигентного вида товарищ. — С юга — на сухом вине, с запада — на коньяке, а материк да Сибирь на исконной «Русской» крепко стоят!

Мужики понимающе закивали головами, товарищ хотел было далее развить мысль, но в это время в очереди появился какой-то нервный неприятный тип, из тех, которые всегда появляются нехстати.

— Безобразие! — возмутился тип. — Винно-водочная философия!

— Не возникай! — оборвали его. — Покрасивше, чем твое радио слушать... «сиськи-масиськи»...

— Чего?

— «Систематически» значит. Вождя, чтоли, не узнал?

— Эй-эй, поосторожней! — грозно предостерег тип.

Очередь попритихла, никому не охота было связываться. Но дед Матвей, отвыкший за годы перестройки бояться и обидевшийся, что его мало слушают, решил вновь привлечь внимание к себе и начал рассказывать про августовский путч и крах КПСС. Мужики посмеивались над словами деда, а нервный тип взбесился.

— Ты что себе позволяешь? — попер он на деда. — Да... Да... Да не может этого быть никогда! Да... Да... Народ и партия едины! — вдруг выпалил он.

— Если по пять тридцать — то да! — глубокомысленно сказал здоровяк из очереди. — А если, как дед предсказывает, по стольнику, так и от единства, и от партии ни хрена не останется!

— Верно! — обрадовался поддержке дед.

Его тронуло, что очередь так глубоко и тонко понимала ситуацию, хотелось рассказать им еще кое-что из будущего, но мужики, отовариваясь и пряча бутылки за пазухой, быстро исчезали из гастронома, и вскоре в полупустом магазине остались лишь дед да тот неприятный тип.

Дед купил бутылку «Русской», тип — не стал, а подозрительно разглядывал деда.

«Вот зараза! — подумал дед Матвей. — Поди из органов. Стукачом прежде работал... Ой, да ведь не прежде, а сейчас... — перемешалось у него в голове. — А ну их всех к лешему!»

Дед пересчитал сдачу, купил в рыбном отделе кильки на тридцать копеек. Да-а! Со своей десяткой дед чувствовал себя богачом! Осталось еще на ливерную колбасу да банку сайры. И вскоре дед, веселый и довольный, спустился с горы к Волге. «Эх, хорошо в стране советской жить!» — пел он революционную песню...

И тут его взяли. Прямо с улицы. Подъехала «Скорая помощь», и два здоровенных санитаря предложили деду прокатиться. Отказываться было бесполезно. Дед с тоской посмотрел вперед. До заветной двери было метров сто.

— Не успел! — сказал он. — А жаль!..

* * *

Главный психиатр города, он же заведующий психиатрическим диспансером, Эдуард Владимирович Исправин устал. Осточертело все: комиссии, экспертизы, консультации, да еще лекции в медицинском училище, да еще постоянные телефонные звонки с ненавязчивыми просьбами.

Только к концу смены можно было уединиться в своем ка-

бинете. Позволить себе такую роскошь!

Исправин сидел в кресле, курил трубку и одновременно пил крепкий чай. Сочетание табака и чая приводило его в блаженное состояние. Но вскоре в дверь робко постучали. Вошел молодой врач-интерн. Исправин поморщился, что прервали его отдых.

— Эдуард Владимирович, у меня необычный случай! — виновато начал интерн. — Очень непонятный старик.

Исправин устало вздохнул.

— В психиатрии не бывает непонятного, — снисходительно сказал он.

— Но он такое говорит, такое!.. И все про партию!..

— А кто про нее не говорит... про партию, — все так же устало и неохотно проворчал Исправин. — Небось, плохо говорит, вот сюда и привезли!

— Да-да... в общем... — залепетал интерн.

— Поди, где-нибудь в общественном месте плохо о ней говорит?

— Да-а... — смутился интерн. — В винном магазине.

— Вот видите, ОНИ уже хотят, чтобы и в винном магазине про них только хорошо говорили... Это чересчур!

— Но...

— Что еще? — в голосе заведующего опять появилось раздражение.

— Но он говорит о Горбачеве и Ельцине, что они придут к власти и что...

— И что? — перебил Исправин. — Придут так придут. При чем тут психиатрия? Вот помню случай... — Исправин любил приводить случаи из практики. — Привезли к нам солдата-десантника, который кричал: «Не хочу лететь в Афганистан!» Н-да... А дежурил молодой доктор. Решил, что у парня какой-то необычный психоз... Наутро по радио, действительно, объявляют про ввод наших войск в Афганистан... Вот так-то! Ты радио-то сегодня слушал? Жив еще Леонид Ильич-то?

Интерн совсем растерялся. Исправин отхлебнул чаю, курнул трубку, и к нему вернулось прежнее благодушное состояние.

— Ну, давай твоего старика, потолкуем.

Рассказ деда Матвея привел заведующего психиатрическим диспансером в восторг.

— Скажи на милость! Значит, в августе 1991 года произойдет путч, и КПСС рухнет?! Не может быть!

— Точно вам говорю. Честное коммунистическое!

— И райкомы закроют?

— Закроют.

— И демократия, говоришь, победит?

— Победит-победит, — заворчал злой на демократию дед. — Жрать нечего будет с этой демократией, одеться не во что...

— Подумаешь, — невозмутимо ответил Исправин. — Русский мужик приспособится... Лишь бы свобода была! — мечтательно добавил он.

— Во-во! Вы, интеллигенция, только о свободе и грезите, — сказал дед. — Ну, наиздают вам писателей всяких, даже Солженицына. А магазины-то зачем опустошать?

— Ничего ты, дед, в свободе не понимаешь! Эко голодом удивил! Не после революции, когда все сытно жили и вдруг стали голодать, а постепенно, большевики сами же и приучили к голодной диете. Говорю, что приспособятся...

Дед еще продолжал ворчать, ругать перестройку и демократов, но Исправин уже не слушал его.

— Какой красивый психоз! — обратился он к молодому доктору. — Партии не будет, свобода печати, демократия!

— Конфабуляция! — поддакнул интерн. — Старческое слабоумие.

— Эх, молодежь, любите вы терминами шеголять! Конфабуляция — это сдвиг памяти в прошлое, когда в детство выпадают. А у нашего пациента куда сдвиг? В будущее!

— Тогда шизофрения! — не сдавался молодой врач. — Вялотекущая!

Исправин поморщился.

— Но вы же сами учили: когда непонятно — тогда, значит, вялотекущая.

— Учил-учил, — буркнул заведующий. — При коммунистах так оно и есть. А тут человек к нам из демократического общества прибыл. Нехорошо...

Молодой доктор совсем растерялся, не мог понять: то ли шутит заведующий, то ли всерьез. А тут еще дед, притихший было от научных терминов, услышав слово «шизофрения» и почуяв недоброе, возмутился:

— Какая шизофрения? Я правду говорю!

— А ведь действительно старик ничего особенного не сказал, — все так же невозмутимо продолжал Исправин. — Все по-нашенски, по-русски. Царя — в девятьсот семнадцатом, большевиков, говоришь, — в девяносто первом, раз — одним махом!

— Ну! — поддакнул дед Матвей.

— Вот если бы ты, дед, рассказал, что КПСС власти лишат, но не уничтожат, а навряде английской королевы сохранят (как-никак наше детище, сколько растили, сколько крови пролили) — вот это было бы неправдоподобно. Представляете: демократия, свобода! В райкомы, словно в средневековые замки, на экскурсии ходят, на инструкторов, как на шотланд-

ских оруженосцев в каком-нибудь Лондоне, наблюдают.

Даже дед захихикал от такого.

— Вот, — заключил Исправин. — Это и есть галлюцинация.

А у тебя, дед, я ничего сверхобычного не определяю...

Дед Матвей повеселел. Но психиатр поправился:

— На первый раз не определяю... Говоришь, через дверь к нам попал? Ну и беги обратно, если успеешь. Но смотри, второй раз привезут — вялотекущая шизофрения тебе обеспечена. Понял?

— Да, — ответил дед.

Хотя он и не знал, что такое вялотекущая шизофрения, но догадался, что это один из вариантов «десяти лет без права переписки». Поэтому, отпущенный на свободу, дед Матвей удержался от всех соблазнов и спокойно добрался до заветной двери.

Дома он первым делом включил радио, услышал привычные речи про демократию, которые показались ему родными и близкими. Еще больше обрадовало то, что бутылочку у него не конфисковали. Дед Матвей принял сто граммов, выглянул в окно. Набережная Волги была пустынна. Напротив, у газетного киоска со старорежимной вывеской «Союзпечать», молодой человек раскладывал сигареты, бутылки с пивом. Навигация еще не началась, но предприимчивый торговец занимал доходное место.

— Эй! — крикнул дед из окна. — Какой тут у вас год?

В ответ парень покрутил у виска.

— А ну вас к лешему! — выругался дед. — Спросить ничего нельзя...

Он слез с подоконника и уже знал, что ему делать.

* * *

В нашем старинном купеческом городе с торговлей происходили чудеса. Перефразируя классика, следовало заметить: «Все смешалось в городских торговых рядах». Действительно, в книжном магазине можно было запросто приобрести зеркало для «Жигулей», в «Галантерее» — книги о похождениях Анжелики, в «Часах» — импортные кроссовки, а в «обувном» — электронные будильники. Но большинство бывших купеческих лавок пустовало. Зато возле них!.. Чем только не торговали с ящиков, досок, картонных коробок, а то и просто разложив товар на земле! Вот и получалось: внутри, где все было приспособлено для торгового дела, было пусто, зато снаружи, где не только торговать, но и пройти-проехать-то затруднительно, — было густо. Народ толпился, толкался вдоль импровизированных лотков. Причем количество продающих и покупающих было примерно равным. Так всегда бывает при слишком резких поворотах истории. И опять-таки половина

покупателей просто ходили, смотрели да ругались с продавцами.

— Эй, почему шоколад?

— Двести рублей!

— С ума сошла! Спекулянтка! Из-за вас в магазинах ничего нет. Все скупили.

— Да-а! — возмущалась торговка. — А хочешь знать, я шоколад из Бразилии привезла! Тебе вот лень в Бразилию съездить, а я сгоняла и купила, чтобы тебе, дуре, продать.

— Да-а! — возмущалась в свою очередь покупательница. — Твоя Бразилия — это подсобка кондитерского магазина!

— Что вы, женщина, ругаетесь! — вмешалась соседняя торговка. — Не хотите брать шоколад из Бразилии, возьмите у меня кофе из Рио-де-Жанейро. Уф, и жара там! По пять песо за банку брала. Вам, так и быть, по четыреста рэ уступлю.

— Тыфу на вас, нахалки! — ответила покупательница и отступила под насмешки торговки.

Да-а... Нравы на рынке в любую эпоху были не из лучших.

Чуть поодаль здоровенный верзила донимал маленького вьетnamца.

— Так сколько, говоришь? — тянул он к себе упакованные джинсы.

— Тли тысяча! — вьетнамец крепко вцепился в край упаковки.

— Сколько-сколько? — грозно переспросил верзила и дернул пакет.

— Две с половиной.

— А?

— Две.

Толпа зевак наблюдала, как бы выразился известный экономист, за механизмом рыночного регулирования цен. Верзила еще раз дернул пакет.

— Лядно, польтоля! — сдался вьетнамец и разжал руки.

Цена на сегодняшний день была определена.

Вдруг пронесся шепот. Вдоль ящиков с товарами шла группа молодых людей в спортивных куртках. У одного из них в руках была огромная сумка, которая быстро наполнялась по мере прохождения прилавков.

— Новенький?

Дед Матвей и не заметил, как они остановились возле него.

— А вы, собственно, кто? — спросил Матвей Егорович.

— Фининспектор, — ответил парень. Его окружение заржало.

А парень, играя накачанной мускулатурой, бесцеремонно перебирал выложенный на ящике товар. Как истинный большевик, дед Матвей был начисто лишен коммерческой жилки. Через заветную дверь он сбежал в близлежащий хозяйствен-

ный магазин, не мудрствуя, накупил электролампочек, розеток, выключателей, через окно первого этажа вернулся в современную эпоху. Старый коммунист, как и вся страна, решил заняться бизнесом.

— Н-да... — заключил парень. — Не густо.

— Товар ходкий, — возразил дед Матвей.

— Глупая твоя башка! Да этим товаром все советские граждане на десятилетия вперед запаслись! Ты бы, дед, лучше медалями или орденами торговал.

И опять, как истинный большевик, Матвей Егорович не мог вынести идеологических нападок.

— Я святым не торгую! — гордо произнес он.

Парни дружно заготовали.

— Да оставь его! — сказал один — Мы не государство — по семь шкур драть. Пусть торгует старик.

И молодые люди, проявив гуманное отношение к старости, отправились дальше.

Старушка, торговавшая рядом, перекрестилась.

— Фу, они сегодня спокойные, а то, бывает, ух как люют!

Тотчас следом за молодыми людьми на рыночной площади появился наряд милиции. Словно интересуясь, нет ли обиженных, милиционеры грозно посматривали вокруг. Но жалоб не поступало. Торговля продолжалась.

Дед Матвей отрешенно сидел возле своего картонного ящика. Соседи выкрикивали, зазывали покупателей. Дед тоже попробовал было пару раз крикнуть, но быстро сник. «Кому надо — сами спросят», — решил он не утруждать себя. И вообще, Матвею Егоровичу было неуютно на рынке. Его раздражали шум, пестрая толпа. Он забился в уголок и ждал. Но за весь день никто ни о чем не спросил его. Товар, как говорится, не шел. Это еще больше выводило его из себя. «Не берут, а! — возмущался неудачливый коммерсант. — Да я бы за тридцать копеек лампочку отдал... ну, может, копеек пять набросил бы...»

Матвей Егорович имел смутное представление о настоящем бизнесе.

...Так ничего и не продав, злой и усталый, вернулся дед Матвей домой. Открыл окно, бросил сумку, затем сам перелез через подоконник.

— Ишь, какие гордые! — ругал он непонятно кого. — Не хотят покупать! Да и не надо! — распалялся он все больше и больше.

Матвей Егорович подошел к двери. Крепкая, обитая кожей дверь, казалось, вызывающе манила.

— А ну тебя к лешему! — разозлился дед. — Там в сумасшедшие грозят записать, здесь смеются!..

Дед Матвей в сердцах пнул по двери. Та приоткрылась. В скрипе дверных петель деду почудилась все та же насмешка.

— Ах так! — возмутился он и что есть силы хлопнул дверь. Старинный особняк вздрогнул, пошатнулся, зазвенел стеклами. Матвей Егорович испугался и притих...

И вдруг из-за двери послышался громкий женский голос:

— Сколько раз говорила, чтобы дверями не хлопали!

Матвей Егорович с опаской выглянул в коридор. Это ругалась соседка Клавдия Васильевна, такая же одинокая пенсионерка, как и он.

— Клава! — позвал Матвей Егорович.

— Что?

— Какой тут у тебя год?

— Девяносто второй, — удивилась та и помягчела. — Это ты, что ли, Матвеюшка, хлопнул?

— Я, — признался Матвей Егорович. — Дверь новую приобрел, вот на место, кажись, поставил, — наконец сообразил он. — А то барахлила.

— А-а... — успокоилась Клавдия Васильевна и подошла к двери. — Ишь какая! Новая! Крепкая! — позавидовала она.

— Да ну ее! — проворчал дед Матвей.

— И верно, — согласилась Клавдия Васильевна. — Дверь как дверь, ничего особенного...

Помолчали. Вдруг Клавдия Васильевна спросила:

— Матвей, а как ты относишься к союзу?

— К Советскому Союзу, что ли? — не понял дед.

— Эх ты! — обиделась соседка. — Ничего, кроме политики, знать не хочешь! Как был большевиком, так им и остался. То воевал, то этот... коммунизм строил. Теперь не торговать ли уж собрался?

— Нет! — испуганно выкрикнул дед Матвей и смутился. А Клавдия Васильевна продолжала:

— Будешь-будешь... Вы, коммунисты, как прикажут, так и делаете... Эх, Матвеюшка! А жить-то когда начнешь, а?

И Клавдия Васильевна, словно сбросив десяток лет, игриво покачивая бедрами, пошла по коридору.

— Ты одинок, я одинокая. — Клавдия Васильевна оглянулась. — Или ты без Указа Президента не можешь? — засмеялась она и убежала к себе.

...Через несколько минут Матвей Егорович Кузьмин при полном параде и в орденах разглядывал себя в зеркале.

— А-а! — молодецки покрутил он усы. — Чай, не выгонит!

И Матвей Егорович торжественно открыл новую, добротную дверь.

Москва хоронила Гоголя. Гоголь лежал в гробу и думал: «А что если встать сейчас — вот будет зрелище! Похлеще немой сцены из моего «Ревизора»! Нет, негоже... Вдруг кому-то в толпе дурно делается, или давка начнется, или дитя заплачет? Разве воскрешение стоит слезы ребенка? Красивая фраза! Оставлю кому-нибудь из собратьев...»

— Эй, посторонись! Дорогу его высокопревосходительству!

По узкой Воздвиженке сквозь толпу и сугробы пробирался экипаж с московским губернатором графом Закревским.

— Небось генерала хоронят, раз сам губернатор пожаловал? — полюбопытствовал у соседа один из зевак, что столпились возле университетской церкви.

— Нет, — ответил его сосед, на вид почтенный московский гражданин. — Гоголя!

— А кто это?

— Писатель.

— Неужто из-за него столько народу собралось? Видать, много написал?

— Нет, немного, — ответил почтенный гражданин и снял меховую шапку. — Гений! Гений! — со слезами умиления произнес он. — Гении — они много написать не успевают... они лишь наметки делают, а далее другие по их наметкам свои таланты проявляют. Еще одного гения Россия потеряла!

Но любопытствующий зевака уже оставил своего соседа и попытался протиснуться поближе.

Внутри церкви было так же многолюдно, как и снаружи. Профессора и студенты Московского университета, литераторы и актеры, власть имущие и простой люд прощались с Гоголем, быстрая и внезапная смерть которого потрясла всю Москву.

— Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный — Помилуй нас! — упоенно и проникновенно пропел священник.

Начались приготовления к выносу. Решено было закрыть гроб крышкой возле церкви, чтобы народ еще раз мог увидеть Гоголя. Морозное февральское утро поторапливало организаторов похорон.

И вот гроб с Гоголем медленно поплыл на руках студентов. Несли, бережно передавая друг другу. При выходе из церкви кто-то из молодых людей оступился, гроб покачнулся, и многим показалось, что Гоголь пошевелился.

— Живой! Смотрите, и щеки от мороза порозовели! — запричитала одна из женщин.

— Цыц, баба! — прикрикнул на нее стоящий рядом жандарм. — Не вишь, ученые хоронят. Стало быть, того... точно покойник. А ну, подвинься!

Люди расступились.

Гоголь в лавровом венке был страшно красив. И эта страшная, непонятная красота манила народ, завораживала и вела за собой. Толпа увеличивалась, и с каждой минутой росло напряжение. Всем казалось, что должно что-то произойти, что-то случиться. Тревога охватывала собравшихся, и ничем ее невозможно было объяснить. Одно все понимали: еще никого в Москве не хоронили так.

— И здесь он первый! — прочувствовав атмосферу похо-

рон, заметил профессор истории Соловьев. — Кто знает, господа, скольких еще Москва будет эдак провожать?

— Единицы, Сергей Михайлович, единицы подобной чести удостоятся! — в отличие от суховатого и педантичного коллеги живо откликнулся Тимофей Николаевич Грановский. — Народу-то собралось!..

— А друзья хороши, не пришли на вынос! Даже Аксаковых нет! — возмутился кто-то из профессуры.

— Не любят нас с вами, «западников», вот и не пришли, — ответил Грановский. — Погубит когда-нибудь Россию этакая нетерпимость! Эх, погубит!

— Тимофей Николаевич, что вы, право, в пророчества ударились? — откликнулся Соловьев.

— Так ведь пророка и хороним! — подытожил Грановский.

И замолкли ученые мужи, и робко взглянули на Гоголя, и потянулись вослед толпе к выносу...

— Господи! Сын бедного малороссийского дворянина из-под далекой Полтавы — и пожалуйста, весь цвет Москвы перед гробом! — подивился Николай Берг и тут же перекрестился, словно сказал нечто крамольное.

На что его товарищ по гимназии драматург Александр Островский довольно спокойно заметил:

— Это магия гения, Николай! Гений — он во всем гений: и в жизни, а уж в смерти тем паче... Вспомни гибель Пушкина!.. Меня другое занимает: говорят, он лестно обо мне отзывался. Выходит, благословил?

— Александр Николаевич, а верно, что Вильгорские приезжали попрощаться? — шепотом спросил еще один участник похоронных мероприятий, недавний выпускник университета Евгений Феоктистов.

— Полно... очередные слухи, — ответил Островский. — Помните, про Иосифа Вильгорского наговаривали, теперь про Нози!..

— А может, жалеют, что отказали в сватовстве Гоголю? В лучшей аристократической церкви Москвы отпевание-то!

— Вы никак завидуете, Евгений Михайлович? — съязвил Островский. — Успеете еще!

— Может, если бы не отказали, был бы жив? — смутился Феоктистов. — Я это имел в виду...

— А-а... — протянул Островский. — Не думаю, что женщина его бы в этом мире удержала... он до них неохоч был. Да и стоит ли, как московские купцы говаривают, «опосля» философствовать. Вы бы лучше господам студентам подсобили!

— Да, непременно! — обрадовался Феоктистов и с го-

товностью бросился на помощь.

— Ты что, Александр? — спросил Берг.

— Не люблю эту либеральствующую братию! Думаешь, он о Гоголе сожалеет? Себя пришел показать!

— Но ты резок!

— Волнительно на душе, Николай. Непокойно!

— И мне не по себе. Да и не только нам. Смотри, наши профессора громко говорят, жестикулируют. И народ, видишь, как напирает... нервность вокруг, а?

— Это его дух колобродит! Эх, колобродит! Чуешь?

— Чую.

Они ошиблись.

Гоголя не привлекала людская суета. Дух его, хоть еще и связанный с телом, блуждал то в прошлом, то в будущем. Гоголь и прежде обладал даром перемещения, но узнавал крохи. Да рассказывал маменьке: то о железных дорогах, что вскоре опояшут всю землю паутиной, а то и вовсе о делах необыкновенных, о возможности разговоров и видении на отдалении друг от друга! Он даже пытался с маменькой так пообщаться, и маменька его слышала и однажды видела его, а он ее. А над ними с маменькой смеялись! Приписывали несусветное! Что якобы он, Никоша, придумал железные дороги!.. А он их — *видел!* ...Ах, эти упоительные видения! Как хотелось заглянуть туда — *за черту* — увидеть Россию будущего! И вот сейчас его дух свободен для полета! И вот настало его время!

С трудом оттеснив народ, актер и близкий друг Михаил Щепкин закрыл крышку гроба. Шевырев дал команду, но студенты вновь не позволили положить гроб с Гоголем, возвысили его над толпой и понесли на руках.

— Господа студенты! — обратился к ним профессор Грановский. — До Свято-Данилова монастыря *верст шесть* будет.

Но студенты лишь молча менялись местами, проваливаясь в глубоком снегу.

Накануне была метель, и поземка намела по сугробам причудливые узоры, словно сама природа дивилась смерти Гоголя. Так же причудливо извиваясь, потекли людские цепочки вослед: кто пеший, кто в санях. Сверху было видно, как далеко-далеко растянулось траурное шествие.

Гоголь всегда обожал дороги, множество сюжетов рождалось у него в путешествиях. А уж скорбная дорога и вовсе открывала просторы необъятные.

ПЕРВАЯ ВЕРСТА

— А-а, Николай Васильевич, проходи, гостем будешь!

Иван — хитрый мужичок, с печки прыг, на Гоголя зырк. В усах — усмешка, в глазах — не пойми чего. А изба как изба. Стол да скамья. На лавке — бадья. Ковш расписной.

— Не хошь воды ключевой? — хозяин спросил да сам и испил.

Гоголь на краешек лавки присел, призадумался: «Куда это дорога занесла?» Хотел во двор глянуть, да оконце морозным узором закрыто.

— А ты пальцем теплым дырочку растопи, — посоветовал хозяин. — Авось чего интересного увидишь.

И все с шутками-прибаутками, ухмылочками. Гоголю мужик забавен.

— Откуда меня знаешь? — спрашивает.

— А читывал! — тот отвечает. — Ты ведь написал: «Знаете ли вы Русь?.. О, вы не знаете Руси!..»

Иван слезу пустил, обниматься полез. Гоголь его отталкивает.

— Я про украинскую ночь!

— Да?! — удивился мужик.

— Про Русь я другое писал! «Русь-тройка, куда несешься ты?» — гордо продекламировал Гоголь и довольно хмыкнул. — Вот!

— Ишь, лихо-лихо завернул! Вопросик, надо признать... — Иван завздыхал, заохал. — Да куда кучер повернет, туда и едет твоя тройка! Эй-эй-эй! Из-за тебя на Руси про кучера-то и забыли! Все и несемся без управы да и без вожжей!

Гоголь было обижаться, да мужик не дает.

— Ай, пустое, Василич! Зла не держи! Неужто и впрямь веришь? Разве словесами кого удивишь? А вот фантазией крепкой... да! возможно! Почитай мне «Вия»! Ох, люблю!

Иван щеку подпер, слушать сготовился. Николаю Васильевичу приятность. К тому же любил он вслух читать свои творения. Расправил Гоголь грудь, паузу выдержал.

— Ой, погоди, Василич! — встрепенулся Иван. — Чтой-то мы с тобой не по-нашенски, не по-русски! Давай-ка за бражкой в погреб спустимся. Там наливочка имеется, на меду настоенная!

Гоголь рассерчал, не терпел такого перебива!

— Бесплотный я!

Да верткому мужику не больно до его обид, знай свое:

— Это ты до кончины бесплотный был: не грешил, вина и женщин не знал! Теперь навестывать будешь!

Сам говорит, лаз в погреб открывает.

— На-ко, держи свечной огарок!

Гоголю ничего не оставалось, как подчиниться.

В погребе сухо. Пучки трав на лагах висят. Кадушки и бочонки в ряд стоят. Бутылы стеклянные. Короба плетеные.

— Слышь, Иван, — поинтересовался Гоголь. — Как это — навестывать?

— Не знал, что ли? Каждому отпущено: сколь погулять, а сколь поплакать. Если в гульбе переусердствуешь, за это Бог наказывает. Все знают. Да немногие догадываются, что и за недобор тоже попадает! Не зря говаривают: не согресишь — не покаешься! Ну-ка, свети сюда!

Гоголь свечу держит, мужик запасы перебирает.

— Огурчики малосольные, берем!.. Вот кадушка с груздями, а вот с рыжиками... возьмем малость. Шматок солонины вяленой... чуток отрежем. Теперь о питье позаботимся. Подай-ка бутыл, опробую! Нацедил Иван ковш, отхлебнул. Гоголя потчует.

— Наливка мядовая с травами! Пей, Василич, на здоровье!

Гоголю не отказаться. Пригубил да Ивановым погребом любит.

— Богатые припасы!

— И ты, Василич, чревоугодником был. Смачно харбузы и халушки описывал!

Гоголь смеется: то ли от вина, то ли от слов Ивановых. Присел на кадушку, еще к ковшу приложился. Шутит, игривое настроение к нему пришло.

— А что это у тебя за пучок висит?

— Коренья от сглазу.

— Да ты, Иван, колдун?

— Колдунов и без меня хватает. Ведуны мы, Василич, что ни на есть настоящие.

— Значит, наперед угадывать можешь?

— Невелика премудрость! Когда родился, когда женился, когда помер! Енто у нас каждая девка сказать может. Ничего другого природой не дадено! Ведать про все на свете — вот где тяжело! Никто же толком не знает, что на самом деле вокруг творится, что происходит. Эх, разбередил душу расспросами! Любопытный ты, Василич, ох любопытный!

Гоголю беседа занята.

— А верно! — восклицает. — Хотел я будущее России предугадать, да настоящее-то и то не осилил описать. А если разобраться, то кому это будущее надо?

— Правду говоришь! Зачем нам будущее? Мы же в будущем жить не будем! А проникать в него да описывать — это ж сколько сил и здоровья потратишь! Вот ты, Василич, себя

и погубил! Надорвал здоровье зазря!

— Хотел людей предостеречь от ошибок! — Людскую породу не переделаешь. Да ты не огорчайся! Угощайся наливкою!

Приложились к ковшу, да не по одному разу, да так хорошо стало, да так расчудесно.

— Закусывай, Василич, опробуй огурчика!

Гоголь потянулся, невзначай соседнюю кадку задел. Иван встревожился.

— Эй, осторожнее!

Гоголь же хмельной чуть и вовсе кадку не опрокинул. Иван на что пьян, а еще пуще всполошился.

— Аккуратнее, говорю!

— А чего у тебя тут?

— Знамо чего: души людские храню. Отдыхают в холодочке!

Гоголь его слова за шутку принял.

— Пускай отдыхают! — смеется, а сам — раз рукой и подцепил одну. Почти невесомая, хрупкая и прозрачная.

— Положь на место! — засерчал хозяин. — Повредишь чего! Вон давеча от недогляду одна душа с боку прогоркла, так насилиу ее после пристроил... к Антипу-пьянице в семью.

Гоголь вмиг протрезвел, душу бережно на место положил, дивится:

— Это что же, Иван, ты их здесь хранишь, а потом по всему свету рассылаешь?

— Ну, загнул Василич! Любишь этакое величавое! По всему свету пусть индусы рассылают, а мне свою бы деревню обеспечить, свой родной дух сохранить!

— Любопытно!

— Кому любопытно, а кому и работенка! Уловить да сберечь, да чтобы не испортились, да чтобы пристроить надежно... эх, милый мой, хлопотное дело. Ой, засиделись мы с тобою! Свеча вон догорает!

Вышли из избы на волю. Домишки по пригорку выстроились. В деревне — ни души, за изгородями — темень. Иван в овчинный тулуп кутается. Гоголю мороз нипочем, хотя и в сюртуке.

Гоголь пошатывается.

— Счас, — говорит, — черта словлю, в Петербург слетаем!

— Чего мы там забыли? — удивляется Иван. — Все тебя по столицам несет! Лучше нашу деревеньку осмотри, вся-то с версту, а непростая! Вон, вишь, там, вдали, темнота?

— И что?

— А все! Дальше — конец Света!

Гоголь в усы посмеивается, ехидно так.

— Ах, не веришь! Не веришь! — распалился Иван. — Пойдем!

Схватил и тянет Гоголя за собой, да споткнулись под горой. Иван задом. Гоголь передом — в край неба и врзались! Иван валенки вытягивает, матерится, а Гоголь голову просунул за полог неба и любит.

— Красотища какая! Звезд понатыкано! Месяц блестит!

Иван катанки поправляет, на краю Земли усаживается.

— У тебя, Василии, в «Ночи перед рождеством» не хуже!

— Нет, здесь красивее! — не соглашается Гоголь. —

Признаюсь, не ожидал, что и взаправду так! Ой, вон и лестница! Как мечтал: «Лестницу мне, лестницу!» Слышь, Иван, давай полазаем! Иван отвечает:

— Мне почто! Я посижу, ты забавляйся! Катайся, кувыркайся, карабкайся, только в Бездну не свались!

Гоголь на первую ступеньку поднялся. — Ого-го! Земля бескрайняя! — А чем выше залазишь, тем она бескрайнее кажется. Я энтю высоко поднимался, аж Америку видать!

— Ишь ты!

— Поди ж ты!

— Ой-ли!

— Гой-ли!

Оба смеются. Веселье пуще прежнего. Гоголь снежок слепил, взял и швырнул вниз.

Вдруг замело по Москве, завьюжило. Налетел ветер, сыпанул снегом.

— Бр-р! — крикнул жандарм и обернулся на похоронную процессию. На санях давно бы домчали до Данилова монастыря! Экое выдумали — на руках нести! Охраняй тут, за порядком следи!

— Поторапливайтесь, господа, непогода!

— Ерунда! — отозвался молоденький студент, несший гроб с Гоголем. — Шалость природы! Озорничает кто-то! Сейчас успокоится, солнце выглянет, мороз вдарит!

И впрямь — утихло!

А студенту смешок послышался. Почудилось ему, что будто из гроба смешок-то! Кто знает, кто ведает!

Хорошо, что смена подоспела, другие сотоварищи гроб взяли. Студент поотстал, перекрестился.

Гоголь вволю по лестнице полазил, на мир поглядел, диковин разных повидал, ублажился и успокоился. Вниз спустился, к Ивану на краешек присел. Сидят, ногами болтают, речи ведут.

Гоголь вопрошает, Иван завирает.

— Выходит, любезный, мир все-таки по Птолемию устроен?
— Як кому треба, так и устроен! — рассказывает Иван в ответ.
— Мне этот мир поболее нравится — в ем и живу! Тебе, Василич, кажись, такой мир тоже люб был?

— Люб! — соглашается Гоголь. — То-то и оно! — Иван вдруг зарыдал, запричитал, заохал притворно. — У-у, Коперник проклятый! Такую красоту порушил! А ученая братия и вовсе доканала! Разбили мирозданье! Прежде я до Сириуса по лесенке за пять минут добирался, с тамошними мужиками поговорить, а ноне... Разлучили нас ученые, книжники треклятые! Расстояний напридумывали: парсеки-сусеки, год световой! Эх, жалость! Хорошие мужики были — сируяне! Самые близкие соседи! А теперь! Про остальные звезды и не заикаюсь! Вселенную и ту раздули умами своими запредельно: ни мыслью, ни взором не окинешь! — Иван слезы утер. — Хоть и неохота, а супротив науки не попрешь! Приходится подчиняться!

— Да-а... — соглашается Гоголь. — Наука — дело серьезное!

— А как, бывалочи, легко путешествовалось! — Иван преобразился, глаза заблестели. — Эх, разбежишься «мыслию по древу»... и полетел со звезды на звезду! Немного сейчас осталось таких, кто мыслью-то перемещаться могут! Ох, немного! А уж вослед мысли телесное перетащить, так и вовсе умельцы наперечет! Помнишь град Китеж? Лихо они тогда все переметнулись! От бед и невзгод, от унижений и притеснений! Я к ним хаживал в прошлом годе. Хорошо живут. Только все одно скучают! Возвратиться надеются! Да не настала пора!

— Не настала, — подтвердил Гоголь.

— Вот и я им отсоветовал.

Помолчали.

— Слышь, Иван, а как же Бог?

— И не спрашивай, сам страдаю! Отослали фарисеи Бога куда-то аж за пределы Вселенной! Не поймешь: то ли Он есть, то ли Он уже был? — глубокомысленно заключил Иван. — Да, поди, Богу-то и несподручно из вселенской дали за людь-ми присматривать, беспорядков-то много стало. Хорошо Христос с Вифлеемской звезды успел заскочить, верой обнадежить, а то бы и вовсе осиротели.

— Ой, Ваня! — погрозил Гоголь.

— А что! А что! Я вот думаю — все это современное учение — и есть дьявольское искушение!

— То есть?

— А чего человек своей дурной башкой ни напридумыв-

вает, то дьявол сразу и воплощает, и от Бога нас сим отдаляет!
— Иван опять запричитал, заохал по привычке своей. — И кому мешали ангелы в облаках! Как красиво! Как поэтично!
— Прекрати! — незлобно отмахнулся Гоголь. — Идеалист!

— Отчего же, отчего же... не глупее некоторых. Мне любое мирозданье доступно, да и сам насочинять могу, а вот за простоту обидно! Ой, как обидно! — Иван зарыдал, голову на плечо к Гоголю склонил, зашептал вкрадчиво. — Простота — она мир спасти может! Слыхал про такое?

— И про красоту, и про простоту... — Гоголь зевнул. — Скучно. Иван всполошился.

— Ай-я-яй! Опять у тебя хандра! Все! Давай, подымайся, и айда к Маланье!

— Что за Маланья?

— Бабенка справная, не боись, не ведьмочка, не съест! К тому же рассказывала, что, мол, как Гоголь появится, так непременно к ней привести!

— Зачем?

— Для угощения! Ай, какие у Маланьи блины! Ай, какие блины! Да и наливки не грех добавить, я вот мерзнуть начал! Ай, какая наливка у Маланьи! Ай, какая наливка! Да после ейной наливки — всю Русь разом понять можно!

— Ну, коли так — веди! — Гоголь с краю Земли поднялся, еще раз на звезды глянул, вздохнул в умилении, бодрость и веселость к нему возвратились.

И отправились они далее. Иван впереди — байки травит, Гоголь позади, знай посмеивается. А путь неблизкий, через всю деревню. Бредут, снегом похрустывают.

Вот видят — избушка стоит на курьих ножках! Кривая! Да еще крутится, вертится, ходуном ходит! Ну вся из себя!

Гоголь было к ней свернул, Иван попридержал.

— Это Панкрата изба!

— И что?

— Да он у нас наособинку! В иных измерениях живет и перемещается! Фантазер, едрит твою!

— Вот и расчудесно! — смеется Гоголь. — Заскочим!

— Заскочить-то можно, да больно хлопотно! — отговаривает Иван. — Выждидай тут, пока дверь насупротив тебя окажется! Обратное еще тяжелше выпрыгнуть — чуть промахнешься, не в то пространство угодишь, ищи потом пятый угол! Всякие эти искривления, завихрения — на трезвую голову не разобраться!

Гоголь же не слушается, прыгать сготовился.

— Ну хорошо, хорошо, — пошел Иван на попятную. —

Счас скомандую! Эй, избушка-избушка! Стань ко мне передом, к лесу задом!

Только выкрикнуть успел, как из избушки вдруг тарелка вылетает, за ней блюдце, перебранка слышится.

— А-а... — Иван от очередного блюда увернулся и Гоголя к земле прижал. — Началось! Панкрат со своей ругается. Не до нас им, Василич, да и мне неохота в чужие скандалы вступать. Айда отсюда! Да пригнись, тебе говорят, зашибут ненароком!

Чуть поодаль отошли, Иван ну хохотать.

— Слышь, а когда шибко ругаются-то, когда разойдутся не на шутку, куда только ни швыряют что ни попадя, и куда только эти ихние вещички ни заносит по искривленному-то пространству! Ой, умора! Всех ученых в путаницу ввели! И поделом им!

— Поделом! — смеется Гоголь.

Так в веселом расположении духа добрели они до середины деревни. Глянь — колодец-журавль! Но уж больно странен на вид: ни тропинки к нему, ни водицы замерзшей возле сугроба. Ведро пустое болтается. В колодце что-то завывает да постукивает. Иван притих.

— Тс-с! Место проклятое — стороной обходить надо. Человеков засасывает!

Гоголю тоже жутковато стало, за Ивана спрятался. Идут бочком, на колодец косятся, Иван нашептывает:

— Не про нас это место... не про нас... Ой, сколько там любопытных сгнуло! На мою бытность один лишь возвратился, Илья несчастный... и то все бредил-бредил да вскорости и помер.

— О чем гуторил? — прошептал Гоголь.

— А ни пойми о чем! О космосе большом, запредельном... о какой-то «черной дыре»... Я так разумею: куда-то его там лихо закинуло, что он над всей нашей Вселенной возвысился, всю ее враз окинуть взглядом смог... в горячке кричал, что Млечный Путь якобы есть волос с носу, а сама Вселенная — по сути и есть преогромный Нос, из звезд наших, словно из атомов, состоящий!

— Нос! — вскричал Гоголь.

— Да, Василич! Прав ты насчет носа! Жаль, Илья дальше Носа ничего разглядеть не сумел: чихнул тот, его назад и отбросило. А может, сие и есть предел познания? Зачем нам дальше носа-то видеть, а?

— Г-м! — закричал Гоголь, диву дивясь.

И колодец в ответ: дых-дых!

Наши путники как припустили, ног под собой не чувят, не заметили, как и до Маланьи домчались. А та и впрямь слов-

но ждала — ну блины из печи метать! С пылу, с жару! Во рту так и тают! А мед! А приправы! Наливка густая, хмельная! Морс из морошки! Чай брусничный!

Гоголь с Иваном за столом сидят, на Маланью поглядывают да знай за обе щеки уплетают!

— Вот она — Русь! — восклицает Иван. — Пока идем-бредем — философствуем, а как дошли — все из печи мечи! Выпили-закусили — покой и благодать, не до философии — лишь бы подремать!

— Ой, Николай Васильевич! — ухаживает Маланья. — Вы Ивана-то не больно слушайте. Он у нас завиральщик известный! Вот счас блинов отведаем, я вам сама деревню нашу покажу. На сытый желудок она вовсе другою вам покажется, ой другою! У нас такие бабенки проживают! Веселые, на язык вострые! Вмиг вам по душе определим, окрутим для любви и счастья! Да я и сама не прочь. Дюже вы мне любы... об нас, женщинах, жаль, мало написали! То панночки худющие, то дамочки злющие! А сами-то вы добрый... добрый...

Маланья воркует, боками водит, вокруг Гоголя хороводом ходит. Смотрит Гоголь — и вправду, женщина расчудесная! Губы крендельком! Ручки пухлые! Тело дородное! Бедрышком ненароком коснется — ух-х!

Гоголь на что холоден да костляв — и то его пробирает. Созорничал, ухватил Маланью за талию! Та смеется, рядышком присела.

— Ой люб мне, ой люб!

Да вдруг как поцелует, как жаром обдаст!

Гоголь обомлел. Женская ласка, оказывается, бывает не только материнскою. Застонал, заохал, глаза от удовольствия закрыл да век бы не открывал. Притих и успокоился! Казалось, никто его из жарких объятий не вырвет.

Да, как на беду, посколькунулся студент, что гроб нес. Гоголя, словно в люльке, и покачнуло. Толчок-то всего ничего был, а поди ты!

Похоронная процессия шла по Моховой.

ВТОРАЯ ВЕРСТА

Тимофей Николаевич Грановский замедлил шаг. Он вообще стал уставать за последнее время, все чаще и чаще охватывало его меланхолическое настроение. А тут эти похороны. Смерть Гоголя в сорок два года. «А ведь мы почти ровесники... на два года старше меня. Говорят, у Гоголя тоже бывали упадки сил и меланхолия, но чтобы от этого умирать? Странное дело... странное... Смерть его уж очень похожа на самоубийство. Может, прав Аксаков, что не пришел?

«Я об нем дома помолюсь!» — ответил на приглашение Университета принять участие в похоронах. А может, Аксаковы и иже с ними обиделись, что не разрешили власти московские отпевание в приходской церкви Симеона Столпника? Нет, вряд ли... И что же? Выходит, они как бы отторгли Гоголя от себя, как бы отдали его нам, «западникам»? Когда был жив — любили, привечали, а умер... Странное дело... странное...»

Подошел Сергей Михайлович Соловьев, взял Грановского под руку.

— Не притомились, Тимофей Николаевич?

— А-а! — очнулся Грановский. — Извините, Сергей Михайлович, просто задумался об этой нелепой смерти.

Глубокий снег затруднял движение. Студенты часто меняли друг друга. Во время остановок к гробу с Гоголем устремлялось множество рук, словно соревнуясь за честь нести прах великого писателя. Только что небольшой отрезок пути шли Островский и Берг, и вот уже вездесущий Феокистов сменил их. А народ все прибывал и прибывал. Многие останавливались, спрашивали: кого хоронят? А когда узнавали, что Гоголя, удивлялись все более, но не отходили в сторону, а шли следом.

Вся Моховая — от здания Манежа до величавого Пашкова дома — была заполнена людьми. Траурное шествие продолжалось.

Генерал Назимов, недавно назначенный попечителем московских учебных заведений, остановился возле профессорско-историков.

— Не угодно ли в мои сани, господа! — предложил Назимов. — Путь не близкий, тяжело по снегу.

— Не беспокойтесь, ваше превосходительство, мы пешком эти версты пройдем! Право, нам так удобнее... — ответил Грановский.

— Воля ваша!

Назимов приказал трогать, и сани с генералом медленно двинулись в сторону Кремля.

— Прислали надзирать за нами, а милый, добрый человек оказался! — заметил вслед Соловьев. — Даже хлопочет, заботится. Мне совестно, что мы над ним подсмеиваемся. Генерал, мол, генерал! А ведь мог бы по-военному скрутить в бараний рог весь Университет, для того и послан был из Петербурга, а поди ж ты...

— Таковы уж мы, либералы, — нам не потрафишь, любим все и вся критиковать, — откликнулся Грановский. — А знаете, Сергей Михайлович, наш генерал редкое качество показал: при начальствующей должности, в которой не шибко

разбирается, не потерял человеческого лица, самодурства в нем ни на грош... н-да...

Склонный к полноте Тимофей Николаевич тяжело передвигался по снегу. Соловьев с грустью посмотрел на своего коллегу. Грановский, гордость Университета, Грановский, на чьи лекции ходила чуть ли не вся Москва, любимец студентов и публики, начал сильно сдавать. Все чаще и чаще случались с ним приступы непонятной меланхолии, во время которых он мог пропадать из дома и пить «горькую», а то, напротив, становился неудержимым, бросался играть в карты... долги делал небывалые... От всех этих походов репутация и слава Грановского пошатнулись. И сейчас Соловьев неспроста шел с ним, хотел уберечь от излишних соблазнов.

— А я вот иду и думаю, — прервал молчание Грановский. — Есть глубокий смысл в этом медленном хождении за гробом. Поначалу покойного вспоминаешь, может, завидуешь. Потом — о себе, что и сам не избежишь. А дальше и эта философия тебя оставляет. Суетное, обывательское в голову лезет: что ноги оступились, что поесть охота, что скоро ли все закончится? И вдруг — просветление! Мысли успокаиваются, тишина наступает, абсолютный покой — благодать Господня! Сим мы с усопшим и прощаемся... Н-да... А ведь этот хохол — чертяка! Авантюрист! Хлестаков! — Грановский в свойственной ему манере перешел от меланхолии в веселое расположение. — Помните, как Гоголь ловко провел петербургских профессоров? Те доверили ему читать лекции. Человеку, не имевшему ни трудов научных, ни практики! Надо же! Уступили кафедру Петербургского университета! — Грановский приходил все в больший восторг. — Мы бы с вами не поддались, Сергей Михайлович! Хотя кто знает? Гении — люди особые, такой магией обладают!

Соловьев пытался что-то ответить, возразить, но Грановский не давал ему и, уже сам поддерживая Соловьева за руку, увлек его за собой, легко преодолевая сугробы. Куда подевались только что бывшие у него вялость и апатия!

Эх, российские дороги! Ухаб на ухабе! Колдобина на колдобине! Несмотря на то, что Гоголя несли на руках, он ощущал все дорожные прелести, покачивался в гробу, словно в люльке: туда-сюда. И не мог улететь в дали запредельные, не мог оторваться от земного притяжения. Если только чуть-чуть, самую малость.

От толчка до толчка... на денек аль на два, назад-вперед... вперед-назад...

Гоголя в очередной раз обмыли и уложили в постель. Се-

мен по приказу профессора Овера влил ему несколько капель кагора. Гоголь глотнул. Но от просвиры отказался и сжал зубы.

— Да он все понимает! — возмутился Овер. — Он отказывается есть!

— Может, попробовать еще слабительного? — спросил доктор Тарасенков, также приглашенный к умирающему. — Возобновится естественное движение соков.

— И непременно холодное обливание! — поддержал коллегу Клименков. — Отойдет кровь от головы. Да и пиявки не грех повторить... я уже послал к аптекарю.

Доктора спорили вокруг Гоголя, и в спорах их чувствовалось прежде всего непонимание происходящего с пациентом.

Гоголь таял на глазах. Он уже перестал отвечать на вопросы, лежал на спине с закрытыми глазами.

Гоголь умирал в сорок два года от непонятной болезни. Ум его был ясен и холоден. Рассудок не помрачен. Но жить не хотелось. Не отпускала тоска невыносимая. Окружающее было скучным, блеклым, а хлопоты врачей казались ненужной суетой. Подобное бывало и прежде, но проходило. А если не отпускала болезнь-хандра, то стоило Гоголю уехать в южные края, как там быстро оттаивала душа от тепла и солнца. Но в Москве холодно. Февраль. Лед под сердцем.

Гоголю не хотелось шевелиться. Будь что будет... Зачем его тело переворачивают? Ставят пиявки, пичкают каломелью? Для чего? Бессмысленно, как и сама жизнь.

«Отчего я занимался литературой? — вопрошал Гоголь. — От страха перед смертью? Хотел увековечить себя славою? Значит, сомневался в Божеском бессмертии? Добился писательством своим успехов небывалых. И что же? Теперь каждый может мой дух потревожить и невесть что насочинять про меня. Вот и болезнь мне вскорости постараятся приписать чудную: периодическое помешательство. Хотя какое может быть помешательство! Напротив, ясность необыкновенная и обостренное восприятие жизни. Да такое, что и жить-то неохота!»

Тело Гоголя опустили в чан и облили сверху холодной водою. Это отвлекло Гоголя, и он застонал, хотел, чтобы оставили его в покое. Гоголя тотчас вытащили, принялись растирать.

Но плоть его не реагировала на старания медиков. Однако и дух его не спешил.

«Обещали лестницу и ангелов! Увы, ничего нет из начертанных словами. Выходит, словеса — обман! И кому, как не мне, знать, что любое писательство есть искушение дьяволь-

ское, тщеславие раздутое! Не безобидна игра со словами! Вот они, муки мои, начинаются».

Гоголь вскрикнул. Это ему поставили мушку на затылок.

— Жив! — воскликнул Клименков.

— Не лучше ли будет оставить все как есть и положиться на волю Божью! — вздохнул Тарасенков и больше для порядка принялся шупать пульс. Пульс убывал и слабел.

Похоронная процессия остановилась. Студенты поменялись. Освободившиеся молодые люди принялись растирать плечи. Тяжела была ноша.

Феоктистов догнал Василия Боткина, известного купца-мецената.

— Василий Петрович, и ты здесь!

— Люду много собралось, неужто и мне не прийти! — с зарецким купеческим говором ответил Боткин. — Слышь, Евгений, народ-то интересуется: не губернатора ли хоронят? А он вон, губернатор-то, здоров-живехонек разезжает! Ха, наделал Гоголь шороху своими похоронами!

— Ты груб, Василий!

— Обижусь! — погрозил Боткин. — Ой, обижусь! Не будем пикироваться! Не в салоне мадам Салиас! Да и молод ты еще.

Феоктистов недавно сошелся с Боткиным, но уже успел заметить, что купец был добродушен, незлобив, и, как многие, пользовался этим.

— Не будем, не будем, — быстро сменил тон Феоктистов. — Но смотри, Василий, сколько народу собралось! Велик Гоголь! Велик!.. Жаль, мало виделся с ним!

— Да... нелюдим был. Я с ним так и не сошелся накоротке. Говорят, от голода помер. Неужто я бы не уважил такого человека?

— Эх, Василий! — с укоризной воскликнул Феоктистов. — Все ты на свой аршин меряешь! О вечном надобно думать! Вот... для меня Гоголь — все! Я его никогда не забуду. Великий человек!

— Пойдем-ка лучше подсобим господам студентам! — ответил на пафос приятеля практичный купец.

Боткин и Феоктистов взялись за гроб.

— Эх, — крикнул Боткин.

И качнул он Гоголя, хорошо качнул, резко. Деньков этак на пять, может, шесть... вперед.

На столе у губернатора Москвы графа Закревского лежал томик с произведениями Николая Васильевича Гоголя. Спустя несколько дней после похорон граф решил перечитать кое-что из написанного этим «странным хохлом». На

чал читать и увлекся. «Н-да... едкий был литератор! Но как метко схвачено! — дивился он гоголевскому таланту. — Конечно, я видывал такое общество и типов таких, однако же нельзя вот так прямо об этом писать! Смело!..»

Закревский закрыл книгу и велел позвать Феоктистова. Феоктистов вошел в кабинет, робко поклонился и замер в ожидании.

Губернатор отодвинул в сторону гоголевский том, взял бумаги со стола.

— Евгений Михайлович! — строго произнес он. — Я получил депешу из Петербурга от их превосходительства графа Орлова. Так вот, петербургское начальство недовольно публикацией статьи господина Тургенева в «Московских ведомостях» на смерть... — Закревский поморщился, приблизил к себе бумаги и прочел: — На смерть... этого лакейского писателя.

— Ваше сиятельство! — пролепетал Феоктистов.

— Крайне недовольно! — повторил граф. — Настолько, что попросили меня, губернатора, разобраться. А мне известна ваша неблагоприятная роль в публикации сего пасквиля! Вы отнесли заметку Тургенева в газету?

— Я... вместе с Боткиным. Тургенев мне из Петербурга прислал. Я ничего не знал о ее запрещении... — попробовал оправдаться Феоктистов.

— И это нам известно, — перебил Закревский. — Однако прежде чем совершать поступки, надобно думать. Тургеневу грозит ссылка в деревню. А вам? Он, кажется, ваш друг?

— Нет! — быстро и легко отказался Феоктистов.

— Полно, полно! — пожурил граф.

— Мы... в приятельских отношениях, — поправился Феоктистов.

— Надо же! — Закревский взял том Гоголя. — Ну, а к господину покойному литератору вы как относитесь? Я приметил вас во время похорон.

— Даровит, ваше сиятельство! Все участвовали в похоронной процессии... я в том числе. Хотя должен заметить вашему сиятельству, что весь этот шум с его похоронами, сожжением второго тома «Мертвых душ» — полнейшее безумие. Только беспорядки в народе вызывает.

— Здравая мысль! — ответил губернатор, невозмутимо листая страницы книги.

— Я глубоко сожалею о случившемся... о моем невольном участии.

— Похвально, похвально... Как говорится: не пройдет и трех дней, как ты отречешься от меня. — Закревский взглянул на Феоктистова.

Феоктистов молчал. Противоречивые чувства охватывали его: с одной стороны — страх, а с другой — ему льстило, что его вызвал и принимает сам губернатор Москвы. Когда еще представится такая возможность! Только бы угадать, потрафить начальству.

Феоктистов был готов на все. Закревский знал это, но не спешил.

— Мы давно за вами наблюдаем, Евгений Михайлович, и ваш образ жизни нам не нравится: болтаетесь по московским салонам, общаетесь с либералами, неблагонадежными лицами, литераторами... и наконец, словно почтальон, таскаете сомнительного рода писульки по редакциям. Нехорошо! Надо вас примерно наказать, как и господина Тургенева. Да-с!

— Ваше сиятельство, прошу простить меня! Я не помышлял! — Феоктистов покорно склонил голову, чувствуя, как бьется в страхе его сердце.

— Евгений Михайлович! С вашими-то талантами и умом... и такие сомнительные знакомства! — голос Закревского стал мягче. Феоктистов заметил перемену и поднял голову. — Полиберальничали — и будет! — Губернатор поманил Феоктистова. Тот подошел поближе. — Евгений Михайлович, вам необходимо поступить на государственную службу. Полагаю рекомендовать вас... — Закревский сделал паузу и после продолжил: — Рекомендовать в Министерство внутренних дел... по надзору за литераторами.

Феоктистов нервно сглотнул слюну. Такой поворот разговора был для него полной неожиданностью.

— Вы много знаете, а славу пострадавшего либерала мы вам создадим. На Руси любят пострадавших. К тому же настала пора и на отечество поработать, а?

— Я согласен! — выпалил Феоктистов.

— И прекрасно! — ответил Закревский. — Я и не сомневался в вас! Идеалы идеалами, а служба службой! Не правда ли?

— Так точно! — по-военному отрапортовал пришедший к себе Феоктистов. Он уже понимал, что гроза миновала, и что все, кажется, обойдется, и что, похоже, у него появилась возможность сделать карьеру, о которой втайне давно мечтал, что ему, можно сказать, даже повезло.

— Правда, наказания вам не избежать, — вернулся к разговору Закревский. — Поначалу мы поставим вас под негласный надзор... хорошее словечко «негласный». Надеюсь, вы не будете скрывать это от своих друзей? Да и вообще, неплохо бы вам куда-нибудь удалиться на время... это тоже придает некий шарм в глазах общественности.

— У меня есть родственники в Крыму.

— Договорились. Будем считать, что аудиенция окончена. Ступайте! И пусть пригласят вашего приятеля по этому делу — купца Боткина. Ах, забыл! Ведь вы с ним не друзья и даже не приятели! — не удержался и съязвил Закревский.

Феоктистов в очередной раз смолчал.

— Напрасно, Евгений Михайлович, вы так легко отказываетесь от дружеских отношений! — продолжил губернатор. — Напрасно... Ну, ладно с живыми, а с покойным Гоголем за что? Покойный — он беззащитен. Всякий и по всякому поводу может его истолковать. Вот, к примеру, «Выбранные места из переписки...» — очень благонамеренное произведение, защищает государственность и порядок. Как вам известно, Гоголь отказался от своих сатир на Россию. Вот и вам надо взять подобную сторону. А теперь идите!

В коридоре Феоктистов встретился с Боткиным. Провинившийся купец был бледен.

— Ну как? — спросил он Феоктистова.

— Под надзор полиции и ссылка... в Крым!

— О Господи! Хорошо бы меня в Пермь или в Вологду! А вдруг в Сибирь?!

— Не робей, Василий! — самодовольно усмехнулся Феоктистов. — Почему ты хочешь в Пермь или в Вологду? У тебя там родственники?

— Нет. Все же губернские города, не захолустье. Я в Москве привык к обществу.

— А-а-а, — протянул Феоктистов. — Я думал — родня.

Оставшись один, граф Закревский вновь взял томик Гоголя со стола.

— Гм-м, — вспоминал он беседу с Феоктистовым. — Прелюбопытный тип... Гоголевский! Поди, карьеру делает головокружительную! А уж братьев-литераторов погоняет — это точно! — Закревский поморщился. — Холуй! Впрочем, как раз такие-то власти и нужны! Преданные. Правда, до тех пор, покуда власть сильна! А у нас в России власть не слабая. Что ж, отпишу в Петербург.

Неведомая сила оттолкнула Феоктистова. Он запнулся и упал в снег. Несшие гроб с трудом удержали равновесие. Боткин и студенты помогли Феоктистову подняться.

— Простите, господа! — извинился Феоктистов. — Не заметил кочку, поскользнулся!

— Ничего, Евгений, бывает! — ободрил его Боткин. — Да ты что-то поبلеднел!

— Зябко мне! Пожалуй, я дальше не пойду! — голос у Феоктистова дрожал, да и сам он был явно чем-то напуган.

— Ну, как знаешь! — невозмутимо ответил Боткин. — А

ну, господа студенты, взяли!

Гроб с Гоголем поплыл над головами.

Гоголю захотелось перевернуться в гробу. Так тяжело было ему.

Он вспомнил, что когда умирал его друг Виельгорский в далекой любимой Италии, Гоголь расспрашивал его: что там? Что он чувствует? Страшно ли?

Тот, ослабевший и обессиленный болезнью, отвечал, что состояние приближающейся смерти — необыкновенное! Перед ним за секунды пролетает вся его жизнь: и ошибки, и радости, и многое, многое, о чем, казалось, позабыл, вдруг всплывает в подробностях необычайных, ярких, красочных. «Вся моя суть в мгновение ока проносится, словно время сжалось», — шептал умирающий Виельгорский. И Гоголю было жутко от этих откровений, и он еще тогда поймал себя на мысли, что завидует этому бедному юноше.

И вот теперь он на пороге в иной мир, но что же с ним происходит? Где все из обещанного? Время сжалось, но не на его судьбе, а на множестве других жизней! «Вот идет возле гроба студент... У него чахотка, он погибнет через год... жаль молодого человека. А вон невдалеке идут профессора... Грановский — он повторит мою судьбу... Те же приступы меланхолии и смерть на роковой цифре сорок два! И те же шесть верст последнего пути на руках студентов. Фатальная неизбежность! Он и не подозревает сейчас, что всего-то два года осталось. Но что я могу поделать? Соловьев... В душе считает меня сумасшедшим. Но вот ирония жизни. Через год у него самого родится сын, гениальный философ Владимир Соловьев. Ужо намучается с ним... и в корне поменяет свое представление о сумасшествии... Но мне-то что от этого! Ой, тяжело! А этот Феоктистов, которого я подтолкнул. И вовсе мне не нужен, не интересен...» Но перед Гоголем в мгновение пронеслась очередная чужая жизнь: стремительная карьера благодаря флирту хорошенькой жены, высокий пост заместителя министра... разрыв с Тургеневым, цензура и притеснение журнала Островского... и вот уже почетная пенсия, с всевозможными государственными наградами... домочадцы у смертного одра... «И что из этого? Мало ли таких было и будет? Персонаж для сатирика! Но разве всех опишешь, да и есть ли в этом надобность? И неужели так скучно на том свете? Неужели так же ничего интересного, что и в жизни? Не ожидал! А может, это в наказание мне? За то, что чужие жизни описывал и выдумывал? За что, Господи! Нет, прочь! Не хочу! А смею ли не хотеть?»

Боткин резко подкинул гроб плечом. Гоголь накренился и... улегся на ложе.

— Что, господа! — купец приободрился. — Давайте дружнее! Чай, уже две версты отмахали? Не устали?

— Нет! — ответил примеченный Гоголем чахоточный студент. — Никакой усталости... Я думаю, оттого, что день сегодня особый! — добавил он и вдруг смутился. Но все с ним согласились.

24 февраля 1852 года — день похорон Николая Васильевича Гоголя.

ТРЕТЬЯ ВЕРСТА

Похоронная процессия поравнялась с Пашковым домом. Строгий, с бельведерами и лестницами «волшебный замок», возвышавшийся на насыпи, казалось, бросал вызов самому Кремлю с его башнями. Словно в этом месте Москвы благодаря причудам архитектуры соперничали Восток и Запад, Москва и Петербург. А между ними открывался спуск на Каменный мост через Москву-реку, резкий и крутой, словно тот самый особый российский путь, споры о котором то затухали, то возобновлялись с новой силой в московском обществе.

Только местным мальчишкам, облюбовавшим для катанья на салазках горки, все нипочем! Лихо мчались они от кремлевских стен и от ограды Пашкова дома навстречу друг другу, соединялись на повороте и еще с большей скоростью неслись вниз к реке.

— Эй, посторонись!

И свистит ветер, и дух захватывает, и щиплет щеки мороз! И смех, и визг! Толкотня!

Похоронная процессия остановила детский гвалт. Наступившая тишина, казалось, прервала саму жизнь.

Но это длилось мгновенье.

— Эй, покойника везут! — крикнул кто-то из ребятишек.

— Тише, Микитка!

— А чево?

— Разбудишь! Будет шляться, ночами пугать!

— Ой, ой! — храбрился мальчуган. — Не боюсь! Не боюсь!

И он стремглав спустился с горы, срезав на салазках перед самым гробом.

— Вот постреленок! — незлобно погрозил жандарм.

— Александр, посмотри! Не правда ли, какая глупая спекуляция эта литография? — Николай Берг подал листок Островскому. — Ты только глянь: Гоголь — перед камином, в халате... мрачный, с впалыми глазами... позади Семен. Одно все твердят, что Гоголь сошел с ума! И этот жалкий рисунок,

прямо издевательство!

— Да, карикатура прескверная! — согласился с приятелем Островский. — И все же странная болезнь с Гоголем вышла. Я его несколько дней назад видел, был вполне здоров... и вдруг... Невольно подумаешь о сумасшествии. Говорят, он умертвил себя постом и воздержанием.

— Я слышал, что у него случился очередной приступ малярии. Он и прежде страдал ею.

— Отчего же прежде не умирал от приступов? И зачем сжег второй том «Мертвых душ»?

— Может, предчувствовал смерть? Минута просветления нашла перед кончиной! Такое бывает, говорят. Понял, прозрел. Великий художник в нем, умирающем, проснулся. «Сожги, — сказал он себе, — это не то, что нужно!»

— Красиво! Романтично! Ты, Николай, — поэт! — улыбнулся Островский. — Ну а зачем он оставил множество черновиков? Мне Шевырев показывал. Чтобы все знали, что был второй том! Был и сгорел! Теперь по Москве только все и сожалеют о сгоревшей рукописи. А может, он и умер из-за того, что рукопись сгорела? Во всяком случае, этот его поступок — загадка на века, я тебе скажу.

Островский скомкал литографию, хотел выбросить, но увидел неподалеку костер. Возле костра грелись мальчишки. Островский подошел и бросил бумагу в огонь. Пламя быстро охватило листок и уничтожило его.

— Как просто, сгорело — и все! А от второго тома такие следы остались! Что-то в этом сожжении есть дьявольское. Наверное, тяжело ему будет там!

Берг и Островский перекрестились.

— Господи, упокой его душу!

— Александр Николаевич, ау! Возле Островского и Берга остановилась повозка. Актриса Любовь Павловна Косицкая помахала рукой. При виде молодой женщины Островский заулыбался и бросился к саням.

— Александр! — пытался удержать его Берг. — Если ты сейчас с ней поедешь, — зашептал он, — то скомпрометируешь ее в глазах общественности... Опомнись! Как вы оба будете выглядеть? Она — замужняя женщина, ты — также женат. И на виду всей Москвы!

— Ты ж сам и разрешил возможные сплетни, — ответил Островский. — Мы оба несвободны! Значит, можем быть вместе. Ничего предосудительного и драматического. Вот если бы она была замужем, а я холост — это бы, брат, действительно была драма! Поверь мне!

— Александр! — Берг еще раз попытался удержать друга.

— Я к Данилову монастырю подъеду! — решительно

произнес Островский и устремился к саням Косицкой.

Разгоряченная от быстрой езды и мороза Косицкая была удивительно хороша.

— Рад вас видеть, Любовь Павловна! — сказал Островский.

— А я вас, Александр Николаевич! — игриво ответила Косицкая. — Извольте подвезу!

— За счастье почту! — также игриво и многозначительно ответил Островский и по-молодецки прыгнул в сани. Косицкая велела трогать. Сани помчались по мосту и вскоре скрылись в переулках Замоскворечья.

— Черт побери! — в сердцах воскликнул Берг. — Ах, Александр! Я вот так не могу увлечься — сломя голову! Не дано. — Берг вздохнул, затем бессмысленно начал разглядывать появившийся вдруг гроб с Гоголем, словно недоумевая: а это еще что такое? И зачем это? И что это за мрачность? И как все это неуместно, если только что здесь были красивая женщина и полный сил и энергии его друг.

— О чем задумались, Николай Васильевич? — спросил подошедший Шевырев.

— Степан Петрович, — воспользовался Берг встречей с Шевыревым. — А правда, что у вас остались черновики второго тома «Мертвых душ»? Мы с Островским сейчас спорили. Выходит, ничего не сгорело? Не горят, выходит, рукописи?

— Что вы, Николай Васильевич! — добродушно протянул Шевырев. — Все уничтожено! Передал мне граф Александр Петрович Толстой кое-какие бумаги... да несерьезно все это. Не верьте слухам!

— Знаете, — ответил Берг, — я рад, что нет второго тома, что от него только легенда останется. Сам не пойму, отчего такое отношение у меня к этому поступку Гоголя.

— Скажу по секрету, — Шевырев нагнулся к Бергу и покосился на гроб с Гоголем, словно боялся, что покойный его услышит, — я тоже рад. Хотя многие принуждают меня к публикации оставшихся набросков. Я, право, в затруднении. Да-с! А где ваш приятель, господин Островский?

— Отлучился! — смутился Берг. — В Свято-Даниловом будет.

— Нехорошо! Суетливость вокруг. Публика то сойдется, то разбредется. Надо бы в церкви все сделать и без промедления захоронить. Все эти путешествия, а точнее, прогулки с гробом, ни к чему хорошему не приведут. — Как один из организаторов похорон и близкий поверенный в делах Гоголя Шевырев явно нервничал. — Смотрите, народ растекается по переулкам. А вон Чаадаев вообще идет по набережной! — Шевырев указал на одинокую фигуру опального философа.

фа. — Ах, как скверно, что все расходятся!

— Да не волнуйтесь, Степан Петрович! — успокоил его Берг. — Все идет своим чередом. Это же похороны! Отлучайся, не отлучайся — все свершится в срок.

— Метко вы подметили! Действительно, все свершится в срок. — Шевырев держался наособицу от своих коллег, вольнодумствующих профессоров Московского университета. И сегодня на похоронах, на которые он, в отличие от Аксаковых, не мог не прийти, Шевырев чувствовал себя неуютно. Но скорбь по Гоголю не позволила ему отвлекаться на постороннее, суетное. Шевырев тяжело переживал кончину писателя, и чуткий Берг взял своего недавнего учителя под руку и не отпускал более, и шли они вместе за гробом до самого Данилова монастыря.

А похоронная процессия медленно взбиралась на дугу Каменного моста. Пронизывающие ветры с Москвы-реки гуляли на просторе: ни стены Кремля, ни Боровицкая башня не могли сдержать студёные порывы. Сопровождающие гроб с Гоголем заторопились. Господа кутались в меха, студенты да простой люд подтыкали одежонку. Говор притих, шаг ускорился.

Возле Каменного моста стоял трактир. Небольшой деревянный форпост купеческого Замоскворечья. Именно сюда, ловко улизнув из-под опеки Соловьева, зашел Грановский. Он заказал рюмку водки.

— Тимофей Николаевич, разрешите и нам. За столик к Грановскому сели два прилично одетых господина. Вели они себя нервно. Один слащаво улыбался, его приятель, в противоположность, был хмур и постоянно оглядывался. Грановскому общество их не понравилось, хотя показались они ему знакомыми, где-то он уже встречал их.

— Тимофей Николаевич! — начал «слащавый». — Мы с Потапом Евсеевичем за вами наблюдаем всю похоронную процессию. И вот улучилась минутка спокойно переговорить.

— Чем обязан, господа? — с раздражением спросил Грановский. «Господи, в этих трактирах всякая публика шляется, куда запропастился половой?»

В это время принесли водку. Грановский выпил рюмку, закусил. На душе потеплело, и он позабыл о двух неприятных типах. Те терпеливо ждали. Наконец, Грановский поднял голову и уже без прежнего недовольства повторил: — Так чем обязан, господа?

— Дело у нас деликатное, Тимофей Николаевич!..

— По картежной части мы! — резко произнес «угрюмый». Грановский насторожился.

— Как бы мягче сказать, — вел разговор «слащавый», —

мастера карточной игры.

— Шулера то есть! — Грановский выпил еще водки. «О Боже, до чего я докатился, раз позволяю подобное общение!»

— Вы не волнуйтесь, мы специально улучили момент, чтобы никого рядом не было, — продолжал «слащавый», не обращая внимания на оскорбительный тон Грановского. — Тимофей Николаевич, выслушайте нас. Карточным искусством, к которому и вы равнодушны, мы с Потапом Евсеевичем сколотили приличный капитал. Мы тут, в Замоскворечье, живем. Сами понимаете, публика не та-с... особенно для такой умственной игры. А в приличные дома пробраться трудно.

— Я попрошу меня оставить! — возмутился Грановский.

— Погодите, Тимофей Николаевич, не спешите! — невозмутимо продолжил «слащавый». — Нам известно, что вы крупно задолжали-с при игре в карты, что долг ваш очень велик. Поэтому выслушайте наше предложение, будьте добры.

Грановский подчинился. «Угрюмый» налил себе водки.

— Вот так-то лучше, господин профессор!

— Тимофей Николаевич, в обмен на ваше протекте и ввод нас в лучшие дома Москвы мы с Потапом Евсеевичем беремса оплатить ваш долг. И немедленно!

— Хоть сейчас! — «Угрюмый» достал пачку купюр и положил на стол.

Грановский молча смотрел на деньги и на своих собеседников.

— Даже больше, — обрадовался его молчанию «слащавый», — не только нынешний долг, но и все последующие мы обязуемса оплачивать незамедлительно. Можете впредь играть в свое удовольствие без опасений.

— Н-да! — прервал паузу Грановский. — Никогда не предполагал, что мое имя и честь, оказывается, продаются. Московские шулера в друзья набиваются! До чего я опустился! Даже прогнать не смею! Боже, какой сегодня тяжелый день!

— Да вы не торопитесь, Тимофей Николаевич! Мы понимаем, что нелегко сразу-то решиться... мы вас не торопим. Если кредиторы ваши подождут, то и мы обождем.

«Слащавый» и его компаньон поднялись из-за стола, «угрюмый» сгреб деньги. Они молча откланялись и вышли.

И тут Грановский вспомнил одного из них. Да, точно... встретились за карточным столом... было дело. Ужас охватил Грановского. Как низко он пал! Еще никогда не был он так близко к пропасти, к бездне. Что делать? Где выход? Грановский не знал. Он вышел из кабака и медленно отправился догонять похоронную процессию.

«Хорошо Гоголю! — Грановский остановился на сере-

дине Каменного моста возле перил. — И мне бы за ним вослед! Опять эта тоска мучает! Разрешить бы разом все свои проблемы. Заманчивое, дьявольское, метафизическое во мне сидит. Вон дьявол искушает: прыгни вниз с моста! О жене своей доброй, о детушках позабудь! Тебя не будет — и все кончено! Манит... манит нечистый!»

Грановский склонился с моста. По льду кто-то протоптал тропу, но снежная поземка перекрывала ее, и только где-то вддали тропа вновь выныривала из-под снега. Грановский усмехнулся: «Вот и жизнь моя так же: то закроется снегом, то вынырнет к солнцу. У других людей ровно течет, а у меня, как эта тропа. А что в конце, за горизонтом, — неизвестно...» — Грановский прищурился от солнца, глянул на ту сторону Москвы-реки и... увидел гроб с Гоголем.

«Ну да! — мрачно согласился он. — У всех один конец, который можно и... ускорить». Грановский все ниже и ниже свешивался с перил. Апатия и безразличие к жизни настолько овладели им, что уже перешли черту, называемую здравым смыслом, и, казалось, забыто все: не только обязательства перед близкими, но и те жизненные невзгоды, которые, собственно, и толкали на самоубийство, — они тоже позабылись, и влек в бездну уже азарт неизвестности, пропасть расширялась... снег внизу насыщался красками и чернел, еще мгновение и...

— Тимофей Николаевич! Голубчик! Что с тобой! — Василий Петрович Боткин схватил Грановского за рукав. Бледное лицо профессора и отрешенный взгляд поразили его.

— А... а... это ты, Василий, — наконец очнулся Грановский. И сразу же ему стало мучительно стыдно за минутную свою слабость. — А я... вон тропу разглядываю... Видишь?

Боткин все понял. Он бережно обнял Грановского за плечи.

— Тимофей Николаевич, ты о глупостях-то не помышляй! Расскажи-ка лучше как старому другу: что случилось?

Грановский словно ждал этого. Он все рассказал: и про долг, и про шулеров московских, и про состояние свое, безысходность. Боткин слушал внимательно, не перебивал.

— Да-а, Тимофей Николаевич! — наконец произнес он после рассказа Грановского. — Я вот что скажу: это на тебя так похороны воздействуют... мрачные мысли наводят. Покойничек-то, поговаривают, с чертями знался... вот его дух в прелесть тебя и вводит. Не бывает, дорогой, безысходных положений, есть только временные трудности. Время пройдет, и невзгоды вместе с ним. Оплачу я ваш долг!

— Вася, сколько можно у тебя одалживать. Ты добрая душа! Но у тебя малолетние братья на попечении.

— Ах, оставь, всем хватит! И давай так, по-христиански,

без всяких условий, чтобы никто не знал... между нами. И волен ты дальше жизнью распоряжаться как вздумается.

— Тебя, Василий, ангел ко мне послал! Ей-богу! — перекрестился Грановский.

— И вот, без восхвалений. Жене вашей, Елизавете Богдановне, мой нижайший поклон! — прервал разговор Боткин.

По мосту ехала чья-то повозка. Боткин по-купечески властно остановил ее, усадил Грановского, а сам сел рядом с возницей, и отправились они догонять процессию.

Сено вперемешку со снегом обдало неповторимой смесью запаха зимы и лета. Грановский вздохнул, и жизнь ему представилась не такую уж мрачной.

ЧЕТВЕРТАЯ ВЕРСТА

Петр Яковлевич Чаадаев одиноко брел вдоль Москвы-реки. Он не любил скопления народа и поэтому решил подойти к Свято-Данилову монастырю со стороны Пятницкой. Набережная была пустынна. Да и какая это была набережная! Всего лишь жалкая тропка, тянущаяся от одного дома к другому. Всюду валялись доски, тряпки и прочий мусор. Москва — не Петербург, в ней, как в любом российском городе, все рядом: величие Кремля и убогость замоскворецких домишек. Но невзрачный пейзаж не отвлекал Чаадаева от дум.

«Что было бы, если бы Гоголь не умер, а выжил после своей странной болезни, да еще после сожжения второго тома «Мертвых душ»? Гм-м... Его непременно объявили бы сумасшедшим! В России принято все непонятное и неординарное причислять к умопомрачению». Чаадаев вспомнил Пушкина, дружбой с которым он по прошествии лет все больше и больше гордился. «Не дай мне Бог сойти с ума. Нет, легче посох и сума...» «А если ты не сумасшедший, а только объявлен таковым! И кем! Самим Государем! И должен жить с этим ярлыком, и вынужден постоянно доказывать обратное. Нет, никто не поймет моих мучений! Что может быть ужаснее, чем слыть светским юродивым... и что бы ты ни говорил и ни думал, всюду наткаться на снисходительные взгляды и улыбки. Бр-р! Уж лучше смерть! Хорошо, что Гоголь умер! Прости, Господи, мои грешные мысли!»

Чаадаев остановился и перекрестился на купола ближайшего храма.

Чаадаев, хотя и призывал Россию к объединению верою с Европой, в душе трепетал перед православными российскими храмами. Приземистые, по-бабьи пузатенькие, церквуш-

ки вызывали в нем умиление и восторг, и он осознавал, что это выше его, что это идет не от холодного разума, а от его русской души, и ничего он поделать с собой не мог, да и не было в этом необходимости.

В одном из переулков Чаадаев увидел экипаж. Рысью промчались кони, распугивая прохожих. Невольно вспомнилась гоголевская тройка: «Эх, Русь, куда несешься ты?» А может, ошибся Гоголь, и несется тройка-Русь не в величии своем? А чтобы со временем преподать какой-нибудь великий урок миру... страшный урок... и от этого шарахаются от нее остальные народы? Кто знает? Не хотят вместе с ней участвовать в этом.

Чаадаев еще раз перекрестился.

— Избави нас, Господи, от напасти!

Возле Чаадаева остановилась баба, шедшая по воду на реку.

— Эй, барин... господин! — поправились она на городской манер. — Вы, случаем, не заплутали?

— Нет, — ответил Чаадаев розовощекой бабенке. — Я в Свято-Данилов монастырь иду!

— А-а... тады поторапливайтесь! Обедня скоро начнется! — Баба подхватила ведра.

— А ты водицы набрать? — спросил Чаадаев.

— Ага! — ответила баба, довольная, что господин ее не обругал, как это бывало у них в деревне, а даже изволил поговорить с ней.

— И что, ты недавно в Москве? В прислугах?

— Ага! — подтвердила баба, расплываясь в улыбке. — И хороший у тебя хозяин?

— Хороший! Не дерется!

— Вот и славно! — похвалил Чаадаев. — Когда хозяин хороший — и прислуга, смотрю, здоровьем пышет!

— Не жалуюсь! — засмеялась бабенка.

— Оно и видно... И ничто тебя не беспокоит?

— Не-а!

— И мысли никакие не мучают?

— Чево?

— Это я так. Ступай! — ответил Чаадаев. Баба послушно отправилась дальше.

«Святая простота! — подумал Чаадаев. — Но как она близка к Богу! И как ее мигом может испортить плохой хозяин. Нет, нашему народу нужен хороший руководитель, чтобы все решал, заботился... обо всех... тогда и нация наша будет такая же здоровая, крепкая, как эта деревенская, не испорченная еще городом баба!» — глубокомысленно заключил философ, по обычаю своему из простой встречи сделав далеко

идущие выводы.

«Да-да! — повторял Чаадаев. — Россия — она такая же наивная, как эта бабенка! Ей нужен хороший ум, ей нужны свои мыслители, которые возбуждали бы разумение нации и заставляли ее двигаться вперед!» Чаадаев увлекся своими рассуждениями, ускорил шаг. «Гоголь был подобным мыслителем... и жаль его, умер, не понятый своим народом...»

А бабенка, которую оставил философ, долго смотрела ему вслед, и ей было жаль этого чудаковатого барина, она даже почему-то по-бабьи всхлипнула несколько раз, а потом все же взялась за ведра и отправилась по воду.

«А ведь баба-то с пустыми ведрами — плохая примета! — вдруг вспомнил Чаадаев. И почему-то засмеялся: — А ну их всех к лешему!» — и тоже ускорил шаг. И вновь перед ним промелькнула мчавшаяся по Замоскворечью тройка!

В тройке сидели Островский с Косицкой.

— Господи, хорошо-то как! — Быстрая езда захватывала женщину, и она плотнее и плотнее прижималась к своему спутнику, крепышу Островскому. Сани подпрыгивали на ухабах, грозя перевернуться, но возница ловко управлял, коней не придерживая, и сам увлекся гонкой.

— Эй, поберегись! — кричал он.

— Давай, гони! — подзадоривал Островский и на каждом ухабе еще крепче прижимал Косицкую.

Но вот сани выехали на широкую улицу, возница натянул вожжи.

— Куда едем, барин?

— На Пятницкую езжай! — ответил Островский. Кони замедлили шаг.

— Отчего люди не летают? — вдруг мечтательно произнесла Косицкая. Островский не сразу заметил перемену настроения своей спутницы.

— Я говорю: отчего люди не летают? — повторила Косицкая. — Я бы сейчас взяла и полетела! Куда угодно, лишь бы было чувство полета... хоть с обрыва в реку! Знаете, Александр Николаевич, я люблю Волгу! Там у нас, под Нижним, такие высокие берега! Я сколько раз представляла себя птицею. Разбегусь и замру на краю, боязно, обрыв внизу. Мне сказывали, одна замужняя женщина бросилась эдак с обрыва... и насмерть! От несчастной любви. Ой, простите! Видимо, похороны мрачные мысли навяли.

— Отчего же! — откликнулся Островский. — Вы так проникновенно рассказывали, Любовь Павловна... Готовый образ для пьесы, скажу вам!

— Ну вот, — разочарованно произнесла Косицкая. — Что вы за народ, мужчины! Вам о чувствах, а вы только свой де-

ловой интерес блюдете. А я все ту женщину представляла, себя на ее месте. Смогла бы вот так полюбить, чтобы... в пропасть?

— Да! Да! Вы правы! Вот это любовь! — Островский с силой прижал к себе Косицкую. Та не стала уклоняться от поцелуя.

— У-ф! — выдохнул Островский. — Однако вы ароматная женщина! — И тут же вернулся к прежнему: — Но пьесу я непременно напишу! Для вас! Вы будете в ней играть главную роль, клянусь! Я сделаю из вас великую актрису!

— Ах, оставьте! — смутилась Косицкая.

— Я даже представляю финальную сцену, ваш монолог... — Островского, как это не раз с ним бывало, заносило все больше и больше. — И как вы замечательно сказали: отчего люди не летают! Прямо гоголевская фразочка! Он любил такие обороты!

Вспомнив покойного, Островский притих и перекрестился. И Косицкая, которая слушала его с закрытыми глазами и представляла себя на сцене: как она стоит на краю обрыва с распростертыми руками, готовая взлететь, и зал замер в ожидании... — также очнулась, открыла глаза. Оба почувствовали неловкость от своих фантазий. Но это было лишь секундное замешательство. Островский первый пришел в себя и вновь обнял молодую женщину.

— Ах, Александр Николаевич! Потихе! Поспокойнее! — останавливала Косицкая ласки Островского. — И куда мы едем? Я хотела вас просто подвезти!

— У меня здесь... неподалеку... приятель живет... едемте туда... мне откроют... — шептал Островский. — Ни о чем не беспокойтесь!

— Александр Николаевич! Мы оба безумны! — слабо сопротивлялась Косицкая. — Ну хорошо! Пусть будет по-вашему! — наконец и вовсе уступила она. — Побудем на миг вольными птицами! Едемте!

— Нет, летим! Летим! — воскликнул Островский, радуясь жизни и счастливым минутам.

За Каменным мостом процессия остановилась. Студенты возложили гроб на повозку и принялись растирать от мороза щеки, притоптывать ногами. Февральское солнце набирало высоту, разгорался день над Москвою. Подъехали Грановский с Боткиным.

— Отдыхаем? — спросил профессор студентов и обратился к своему спутнику: — Ты, Василий Петрович, распорядился бы чаю подать молодым людям!

Боткин послал в ближайший трактир. И вскоре студенты, обжигаясь, пили горячий чай и со свойственной молодости забывчивостью смеялись, шутили и дерзко поглядывали

на гроб с мертвым телом, в то время как их юные тела наливались приятно живительной силой.

Народ потихоньку подтягивался. Люди останавливались, переговаривались, ожидая продолжения шествия, а кто-то не выдерживал, шел вперед.

Гоголь обиделся оттого, что интерес к нему утрачен, и, воспользовавшись паузой, воспарил над Москвой.

— Отчего люди не летают? — проворчал он, поднимаясь все выше и выше. — Да оттого, что это удел душ! Если не летать после смерти, то и сама смерть тогда теряет смысл!

Гоголь расправил черный сюртук, вытянулся и прикрыл собою половину Москвы.

«Ах, оказывается, какая это прелесть — свободно парить! — увлекся он полетом. — Ах, какая прелесть — разглядывать город сверху!»

Сюртук Гоголя зацепился за колокольню Ивана Великого. Ветер раздул фалды и затемнил ими солнце. Тень пала на Замоскворечье.

Чаадаев заметил перемены на небе, остановился, поднял голову. Он так пристально разглядывал Ивана Великого, что Гоголю почудилось, что Чаадаев видит его. Гоголь даже махнул философу рукою сверху. И показалось ему, что и Чаадаев кивнул в ответ и вновь погрузился в свои невеселые думы. А Гоголю, наоборот, стало необычайно весело! Вон промчались сани с Островским и Косицкой. Перед Гоголем мелькнули их радостные лица. А вон студенты пьют чай возле его гроба. Разумянившиеся от мороза, о чем-то говорят, смеются!

Гоголь окинул взглядом Москву, дивясь все более и более.

Ах, какие маленькие домишки и удивительно ровные улицы! Это там, внизу, ухаб на ухабе, а отсюда, сверху, — ровные, как по линейке! А московские церквушки! Какое их множество! И какие они аккуратненькие! А люди! Люди! Как черные букашки! Забавно! А поди мнят из себя — венец природы! А из космоса, даже такого еще недалекого, всего-навсего крохотные точки!

Но Гоголя умиляли московские виды, он с любопытством разглядывал город. А ветер теребил его одежду, словно пригласая за собой. Гоголь отцепил сюртук от колокольни.

— Лечу! — крикнул он ветру.

И в неповторимых выражениях, поворотах, то поднимаясь, то опускаясь, закружился над Москвою.

— Хорошо-то как! Красотища-то какая! — упивался он полетом. — Как жаль, что люди не летают!

Вдруг внимание Гоголя привлекла взлетающая с земли

тень: прозрачная, словно дым, с большой головой и маленьким туловищем, похожая на православную икону...

— Ты кто? — спросил Гоголь.

— Душа новопреставленной рабы Божьей Екатерины! — ответила та и стремительно взмыла вверх. — Постой! — попытался задержать ее Гоголь.

— Не могу! Сороковой день пошел... возношусь я! — только и успела крикнуть душа Екатерины, как скрылась в облаках.

Гоголь было расстроился, но пригляделся и обнаружил, что далеко не одинок. На крыше одного из домов заметил он похожий дымок. Гоголь пронесся над ним, сделал круг, затем еще один.

— Ну чево порхаешь, туды-растуды! Помер и веселишься! А я вон горюю!

Гоголь приблизился к крыше.

— Я говорю, не мешай скорбеть! — отшила его чужая душа и вновь погрузилась в созерцание, стелясь еле видимым дымком по кровле.

— Подумаешь! — обиделся Гоголь.

— Да вы не сердчайте на него, господин Гоголь! — вдруг раздался рядом детский голосок.

Гоголь огляделся и увидел, как к сюртуку его прицепилась маленькая, похожая на мыльный шарик, душенька.

— А ты кто такая или такой?

— Я еще и сам не знаю! Полетать захотелось! Может, я сплю и вы мой сон?

— А меня откуда знаешь?

— Учитель об вас рассказывал... сказки ваши малороссийские читал — вот вы мне и снится.

Детская душенька вцепилась в края сюртука Гоголя.

— Покатайте меня! Я люблю кататься! Давайте Москву сверху посмотреть! Вон Кремль! Вон дома! Ой, как красиво! А из труб дым идет, пироги пекут... моя матушка страсть как пироги любит!

— Постой, голубчик, постой! — забеспокоился Гоголь. — А где твой дом?

— Там, видите, белый с колоннами.

— Погоди, а кто же днем спит? — еще больше встревожился Гоголь.

— Не знаю! Ну что ты такой скучный! Зачем спрашиваешь? Давай летаем!

— Я тебе летаю! — Гоголь изловчился, схватил душеньку и поволол ее вниз, к земле.

— Ой, ой! — капризничала душенька. — Не хочу! Не буду!

— Рано тебе еще улетать! — Гоголь приблизился к окну

большого белого дома и посадил душеньку к открытой форточке. — Ступай на место!

— Ладно! — согласилась душенька. — А ты мне в следующий раз приснишься?

— Да.

— Не обманешь?

— Не обману.

— Прощай!

— Прощай!

Душенька нырнула внутрь. Гоголь заглянул в окно и увидел, как засуетились люди в комнате, забегали, а потом послышался радостный женский крик:

— Ожил наш Митенька, ожил!

Гоголь оттолкнулся и взмыл ввысь, довольно расправил грудь. «Молодец, спас дитя!» — похвалил он сам себя.

— Да не кружись ты над Москвою! Еще кого ненароком зацепишь! — урезонила Гоголя скорбная душа. — Думаешь, спаситель? А может, наоборот, своими круговертями выхватил душу приболевшего ребенка! Мир хрупок! Успокой дух-то! Эвон как всю Москву взбаламутил!

Гоголь подобрал полы сюртука и уже робко, осторожно, чтобы не задеть чего, подлетел к крыше.

— Скоро сорок ден будет, как я преставился, многое уже повидал: и вверх души взлетали без задержки, и, напротив, по земле стелились, покуда их в болота или щели земные не засосет... всякое было, а вот такого мельтешения, как у тебя, не припоминаю. Видать, ты большой человек при жизни был? Из образованных. У них все наособицу. Однако осторожнее надо быть! — с укоризной добавила душа.

Гоголь и вовсе от подобных слов сник. Стыдно ему стало за то, что в мире этом незнакомом он никак прижиться не мог, чуть беды не натворил озорством своим да полетами.

Закручинился Гоголь, притих, голову опустил, нос свой острый в воротник уткнул, нахохлился, словно птица.

— Не огорчайся, — вновь заговорила скорбная душа. — Привыкнешь. Бывает такое: тело омертвевает, похоронят его, а дух, ежели он сильный, еще долго живет и бродит между мирами, бывает, годами бродит... я уже встречал таких там.

— Где?

— За пределами. А вот мой дух вдова моя Нюра держит. Убивается обо мне. А чего убивается, глупая, если мне хорошо и покойно! Богу надо помолиться да отпустить меня с миром. Грех обижаться-то: детишек и семью обеспечил. — Душа вздохнула. — Не замечал прежде, что Нюра так меня любила! Не замечал! Все в делах, в торговле занимался. Мне бы с ней поласковее быть, а я... Эх!

Скорбная душа начала переливаться, фигурки различные причудливые строить из дыма, а то и вовсе рассыпаться на части и вновь собираться в целое, словно пыталась оторваться от родной крыши, да что-то не пускало ее.

Гоголь дивился подобным превращениям, и подумалось ему: этого несчастного всего лишь жена удерживает. А сколько же его, Гоголя, людей поминать будет? И что же? Выходит, не скоро на вечный покой он отправится?

И грусть охватила Гоголя, и летать ему расхотелось, и он тихонько, бочком — юрк на место.

Студенты перекусили. И теперь с другим настроением, бодрые, энергичные взялись за гроб. В замоскворецких переулках скрылись виды на Кремль. Плотно стоящие купеческие дома вперемежку с многочисленными трактирами поджимали со всех сторон похоронную процессию, словно выстроились в почетном карауле, а то вдруг расступались Большою Полянкою или круто поворачивали совсем в другую сторону. Но не заплутал народ в замоскворецких переулках. В этот день все переулки и закоулки вели в Свято-Данилов монастырь.

ПЯТАЯ ВЕРСТА

— Ну и что, что Гоголь! — лениво пробурчала кондуктор. — За проезд все равно надо платить!

— И что вам, жалко? — вступился за Гоголя его сосед. — Ему всего-то, может, одну версту ехать, а вы так грубо: «платить!»

Кондуктор зевнула и отстала.

Гоголь сидел на жесткой скамье в диковинном самодвижущемся экипаже и с любопытством разглядывал все вокруг. По матовому свету, льющемуся с потолка, по одежде людей, сделанной из неведомой ткани, да и по самому духу, царившему здесь, Гоголь догадался, что на сей раз он прибыл в будущее и, похоже, весьма далекое.

— А вы, Николай Васильевич, — обратился его заступник, — полы-то сюртука подобрали бы! Не ровен час, испачкаете! Снег с солью — адская смесь! Ничем не отстираете! А у вас вон подкладка-то атласная!

Гоголь опустил голову и увидел серо-бурую грязь.

— Почему соль? — спросил он.

— А как же! От гололеда посыпаем!

«Богато живут!» — подивился Гоголь и подобрал полы повыше.

— Так-то лучше! — заметил сосед.

Трамвай (а это был именно он), раскачиваясь и дребез-

жа стеклами, тронулся с места. Пассажиры дружно достали из сумок и авосек книжки.

— Что читают? — полюбопытствовал Гоголь.

— Как что? — удивился сосед. — Вас, Николай Васильевич!

И Гоголю стало приятно оттого, что его не забыли, что его помнили, и он, довольный, откинулся на спинку скамьи и, как бы между прочим, спросил:

— И какое тут у вас время?

— Наше!

— А город какой?

— Москва.

— Ах да! — смутился Гоголь и все же задал еще вопрос:

— Ну, и как у нас теперь, в России?

— Зима у нас, Николай Васильевич! Морозы нынче крепкие, трескучие! Лет пятьдесят, говорят, таких не было!

— А я не люблю холод! — заметил Гоголь.

— Кто его любит!

На сем разговор прервался.

Трамвай натужно взбирался в гору. Замерзшие стекла не позволяли Гоголю взглянуть за пределы, и ему ничего не оставалось делать, как наблюдать.

Кондуктор дремала возле дверей. Вагон разогнался и раскачивался. Пассажиры увлеченно читали, иногда поднимали головы и блаженно улыбались. И никто не обращал на Гоголя внимания, словно его появление здесь было делом обычным.

— Привыкли, вот и не замечают, — пояснил все тот же общительный пассажир. — Ваши портреты и памятники у нас всюду, примелькались, глаз-то и не видит. Я бы вас тоже не приметил, да вы сюртук в грязи испачкали. Не люблю, когда вещи портятся.

И тут Гоголь увидел в центре вагона свой портрет. Тот самый, как и завещал, работы Ф.Моллера, гравированный Иордановым, но уж очень нарядный, какой-то разукрашенный, в дорогом обрамлении. Но Гоголю понравилось собственное изображение.

— Гм-м, а я неплохо выгляжу!

Вагон в очередной раз тряхнуло. Гоголь прекратил любоваться собственным портретом, бросил взгляд через плечо читающей женщины и тотчас узнал текст «Мертвых душ». Ее сосед тоже читал «Мертвые души». И у других пассажиров в руках были «Мертвые души». Все читали «Мертвые души»!

— Октябрьская площадь! — раздался громогласный голос над головой. Гоголь от неожиданности вздрогнул.

— Специальное устройство, — пояснил услужливый со-

сед. — Объявляют, чтобы люди знали, когда им выходить, что они приехали.

— Скажите, как умно! — похвалил Гоголь и добавил: — А моей остановки еще не было.

Трамвай затормозил, двери с шумом распахнулись, и Гоголь увидел город: грязные сугробы, людей, стоящих на тротуаре, большие многоэтажные дома с обшарпанной штукатуркой. Но больше всего Гоголя поразили голые деревья с коротко опиленными сучками. Эко изуродовали природу. Сквозь открытые двери до Гоголя донесся гул большого города, и ему стало ужасно любопытно: а что там, за домами. Гоголь попытался отклониться в сторону, но входящие и выходящие пассажиры закрывали обзор. Да и двери вдруг с таким же шумом захлопнулись, и трамвай тронулся дальше. Пассажиры оплачивали проезд, проходили в салон, усаживались поудобнее и дружно доставали уже знакомые томики «Мертвых душ». И вскоре весь вагон мирно блаженствовал, читая бессмертную поэму.

Раздосадованный Гоголь тяжело вздохнул.

— Да вы не печальтесь, Николай Васильевич! Невзрачный городской пейзаж. Ничего интересного. Окраина Москвы! — продолжил разговор сосед Гоголя. — Эх, если бы вы увидели центр столицы! Витрины, зеркала, реклама на Тверской! Гостиницы, рестораны, театры!

— Кстати, а что идет на театре? — поинтересовался Гоголь.

— Ну что там может идти? — удивился сосед. — Разумеется, ваш «Ревизор»! Да у нас во всех столичных театрах ставят «Ревизора»! Драма — «Ревизор», опера — «Ревизор», балет — «Ревизор»! Конечно, измененные до неузнаваемости, но вы не обижайтесь... к чужой славе, сами понимаете, многие хотят пристроиться. Но неплохие постановки, я вам скажу!

Гоголю польстило, что его «Ревизора» играют в первопрестольной.

— Скажите, а другие спектакли бывают? — из вежливости поинтересовался он.

— Бывают... — ответил сосед. — Этот месяц «Ревизор» идет, следующий месяц будет «Женитьба», а потом — «Игроки».

— Я имел в виду других авторов, — в приятном смущении поправился Гоголь. — Помню, в бытность мою был драматург Островский. Даровит!

— Нет, других авторов у нас не ставят. Никто не достиг такого уровня мастерства, такой глубины образов, как вы, Николай Васильевич! — последнюю фразу любезный сосед

произнес нарочито громко.

Пассажиры оторвались от чтения и согласно закивали головами, а затем вновь уткнулись в книги.

Гоголю стало и вовсе приятно, не замечал он грубой лести и крайне удивился, когда услышал шепот:

— А вообще-то мне не все нравится в вашем творчестве!

Гоголь поразился произошедшей перемене. Сосед его, бледный и испуганный, вскочил с места.

— Не все! — дерзко бросил он напоследок и устремился к выходу.

Гоголь пожал плечами, но его задело такое высказывание.

— Шаболовка! — объявил металлический голос.

Трамвай распахнул двери, и увидел Гоголь иной мир, и забыл обо всем.

Прямо перед трамваем возвышалась ажурная металлическая конструкция, похожая на северную красавицу ель. Верхушкой своей уходила она в небо. И вся была настолько естественна здесь, что казалось, выросла среди домов сама по себе, без участия рук человеческих.

Гоголь поневоле залюбовался изящной башней.

Но людской шум отвлек его внимание. На площадке возле трамвая шла бойкая торговля. Среди сугробов на ящиках лежали заморские фрукты. Гроздь бананов, ананасы, кокосы — все было покрыто снегом. И в этом неестественном сочетании снега и южных плодов чудилось нечто бесшабашное, российское!

— Эх, сюда бы еще пару гарбузов с Украины — веселенький бы получился натюрморт! — пришел Гоголь в восторг от увиденной картины.

И уж совсем насмешила его бабенка, что рассыпала на снегу яркие мандарины и теперь ползала, собирала их, а они не слушались замерзших пальцев, выскользывали и отлетали в сторону, словно стайка снегирей, которую баба безуспешно пыталась поймать руками.

К сожалению, двери уже закрывались, и в последний момент в трамвай вскочил паренек-офеня с сумками наперевес.

— Эй, граждане любезные! Покупайте книги, журналы, газеты! — начал выкрикивать он. — Сенсация недели: доблестные органы разоблачили тайный съезд «пушкинистов»! Россия подарила Украине памятник Гоголю, но Киев от подарка отказался!

Пассажиры охотно брали газеты.

— Не желаете ли, барин, книг приобрести? — спросил офеня Гоголя и принялся расхваливать товар. — Есть потрясающий триллер: Тарас Бульба убивает собственного сына!

А вот мистика и ужасы: «Пропавшая грамота», «Вий»! Вы только посмотрите: какое издание! Какой супер! Какая бумага!

Гоголь взял книгу. На ней была нарисована обнаженная красавица в луже крови и с кинжалом в груди. Гоголь открыл и начал листать страницы. Текста и вообще каких-либо букв в книге не было, а вся она состояла из картинок не менее жутких, чем на обложке. И лишь на титуле стояло имя автора — Н. Гоголь.

— Комиксы! Упрощенный вариант для народа! — заметив изумление Гоголя, пояснил офеня.

— А что, у нас по-прежнему все малограмотные? — переключился Гоголь с собственной персоны на дела общероссийские.

— Да что вы! Неграмотность давно ликвидировали! — в тон ему ответил паренек. — Все образованные стали, да вот читать больше не желают. Лениятся. И, скажу вам, от лени своей вмиг с высот литературы до такой наскальной живописи опустились! Да... нравы! Половину Москвы обегает, пока душу найдешь. Захиреет мой бизнес. — Офеня вздохнул, принялся копаться в сумке. — Вот, барин, специально для вас: бестселлер всех времен и народов — третий том «Мертвых душ»!

— Постой! — возмутился Гоголь. — Какой третий том, если я второй сжег?!

— Ой! — наконец узнал Гоголя офеня. — То-то я смотрю — знакомый портрет! Живой классик! Николай Васильевич, да с вас автограф!

— Что?

— Томик подпишите, пожалуйста! — закланчил паренек. — Вам это ничего не стоит, а я потом продам! Такой бизнес сделаю!

— В наше время подписывали на память, а не на продажу! — назидательно заметил Гоголь. — И к тому же то, что вы мне подсовываете, — не мое вовсе, никакого отношения ко мне не имеет, — сказал Гоголь, разглядывая диковинные рисунки.

— И что вам — жалко? — продолжал клянчить паренек-офеня.

— Да! — оживилась вдруг старушка, стоящая рядом. — Забавные карикатуры! Подписывайте, Николай Васильевич! Все одно, как говорится: хуже не будет. А то не отстанет. Они, молодые, хваткие, особенно когда дело денег касается!

Гоголь подписал книгу. Довольный офеня схватил ее и исчез, даже спасибо не сказал.

— Эх, Николай Васильевич, Николай Васильевич! — с

упреком продолжила старушка. — Вот вы — писатель-сатирик, и так потрясли Россию своими творениями! Перевернули ее, можно сказать. Благодаря вам до сих пор не живем, а смеемся. И все сквозь слезы! Прямо не страна, а сплошной анекдот! Помню, большевики к власти пришли. Мы, на ваших произведениях воспитанные, отнеслись к этому явлению снисходительно, с юмором: ах, это несерьезно, ах, это ненадолго, потому что этого не может быть никогда! Ага! Просмеялись! Особенно весело по тюрьмам и лагерям было! — старушка вдруг сама захихикала. — Ну ладно, ошиблись, так ведь ничему и не научились! Чуть начнут нас смешить, а мы и рады! Снова юмористы власть захватили, объявили перестройку, и такая потеха началась, куда уж вам с вашими романами! Пока одни смеялись, сатиры на прежнюю жизнь писали да красноречие свое на митингах оттачивали, другие потихоньку пол-России растащили. И тоже с юморком. Дескать, вы нас не тревожьте, потому что мы хорошие. И все. — Старушка засмеялась. — Юмористы! Ну, а простому люду опять один ваш «смех сквозь слезы» достался.

Старушка достала платок и промокнула им мокрые глаза. Гоголь, хотя не понимал и половины из ее речей, но почувствовал себя уютно.

— А все это потому, Николай Васильевич, — продолжила старушка, — что герои ваши до сих пор всем на Руси заправляют. И до чего живучи оказались! В одном месте их вытравят, глядишь — в другом народятся. И все то рыжий Басаврюк, то чернобровый Сквозник-Дмухановский, — старушка зашмыгала носом. — Вы бы их ужо приструнили, Николай Васильевич! Ведь никто, кроме вас, не уничтожит гоголевских персонажей... вашим гением рождены!

— Так я же и описал их, чтобы ни у кого в России даже одной ничтожной части Чичикова и им подобных не осталось! — процитировал себя Гоголь.

— Благие намерения! — ответила старушка. — Выпустили бесов гулять по России! Аккуратнее надо было со словом!

Старушка достала том «Мертвых душ», замерла и не произнесла больше ни слова.

А трамвай вдруг поддал скорости, понесся вниз под уклон, закачался на поворотах. Гоголь ударился о стекло, но боли не почувствовал.

— Тише, господа! Что вы, право, разогнались!

Шевырев с Бергом не успевали за студентами, которые после чаю бодро и ретиво взялись нести гроб.

— Неудобно! Что люди подумают! Всё бы с покойником бегали!

— Не волнуйтесь, Степан Петрович! Молодость! Скоро

выдохнутся и замедлят ход, — успокоил Берг.

— Все одно — неловко! — Шевырев оглядывался по сторонам.

Но народ, казалось, тоже взбодрился, ускорил шаг и не отставал от студентов.

Лишь Гоголя в гробу изрядно болтало. Но кого это волновало? Не дитя малое в люльке несли.

— Родной ты наш! Пиит! — Гоголя тряс и пытался облобызывать подвыпивший гражданин. — Мы... мы тебя так любим! Так любим!

Гоголь попробовал вырваться из объятий, но ему удалось освободиться только после того, как трамвай в очередной раз тряхнуло. Гражданин с трудом устоял на ногах, схватился за поручень и погрозил Гоголю пальцем.

— А скажи-ка ты, разлюбезный наш, на кой ляд сжег второй том «Мертвых душ»? Обидел российский народ! Обидел!

— Разочаровался я, вот и сжег! — ответил Гоголь, чтобы от него отстали.

— Так я и поверил! — продолжал гражданин. — Это ты специально сделал! Чтобы мы, — он с размаху ткнул себя в грудь, — простой народ, за тебя... его всю жизнь дописывали!..

Гоголь открыл рот от удивления. Он не ожидал такого оборота.

— А что, думаешь, нам слабо? — распаялся гражданин. — Я тебе правду скажу: ничего в твоём писательском ремесле особенного нету! Вот ты помер, а после тебя прямо все стали писать романы и поэмы. Да у нас на Руси сейчас и дел-то особых никаких нет, как писательством заниматься! Все пишут, никто не читает. Идеальное состояние души!

Гражданин воспользовался растерянностью Гоголя, изловчился, ухватил его за руку.

— Я не пьян! Я в пивную заходил! Думал, жизнь там идет! Сел с кружкой за столик, а рядом мужик пиво пьет, воблу распотрошил, закусьвает и что-то пишет, пишет на салфетках. Глянул, ну точно — седьмой том «Мертвых душ» катает, засранец! Обидно, Гоголь! Веришь? «Официант, — кричу, — еще пива!» А он отвечает: «Счас фразу в рукописи закончу и подам!» Ну не сволочь ли! И так всюду, представляешь!

Гражданин нагнулся к Гоголю и просительно зашептал:

— Может, хоть ты взглянешь, а? Я тут очередную версию твоего второго тома накатал. Мне твое мнение интересно. Ты все-таки тоже писателем был!

Гражданин ловко извлек из-за пазухи клеенчатую тетрадь. Гоголь узнал переплет. Это была та самая тетрадь. Гоголь невольно протянул руки. Но гражданин так же ловко

спрятал ее.

— А ну к лешему эту литературу! — произнес он и отпустил Гоголя. — Давай-ка лучше выпьем! За твой второй том, что перевернул и направил по правильному пути развития всю нашу великую матушку Россию! А то? Как красиво сказал! — Гражданин извлек откуда-то бутылку, приложился к ней, шумно глотнул, затем хлопнул Гоголя по плечу. — Ну все, Гоголь! Прощай! Мне пора выходить!

Гражданин дернул за красный рычаг. Трамвай резко остановился. Двери открылись, и гражданин буквально вывалился в пустоту.

— Налопаются, черти! — пробурчала кондуктор. — Все-то им позволено, писателям! Но зачем имущество портить!

Она что-то покрутила, нажала какие-то кнопки, трамвай вновь качнулся и продолжил движение.

— Вот всегда все опешлят! — обратился к Гоголю еще один оживший пассажир. — Присвоили себе право вещать от вашего имени! Гоголь сказал! Гоголь завещал! А я... поклонник вашего таланта, Николай Васильевич! Вы — гений!

— Ну, что вы... — скромно поправил его Гоголь. Он был рад, что наконец-то встретил искреннего ценителя своего творчества.

— Да-да! — страстно продолжал оживший пассажир. — Поражаюсь, как вы все метко описали! Как предостерегали Россию от ошибок! Про коммунизм, что его нельзя построить в отдельно взятой стране, про революцию, про коллективизацию, наконец! Как своевременно! Как метко! Позвольте обнять вас и поклониться в пояс!

— Встаньте! Право, неудобно! — От похвал и комплиментов Гоголь не очень-то и разобрал, о чем шла речь.

— Не могу! Не могу! — с пафосом продолжал пассажир, но с колен встал. — Я изучил все ваши труды! Гениально! Каждая фраза! Взять эти строчки: «Учиться, учиться и учиться!», или вот эти: «Под мудрым руководством великого Гоголя!», или: «Пятилетку в два года!» — это же высшая математика, алгоритм! А аксиомы ваши — вообще нечто непревзойденное: «Учение Гоголя всесильно, потому что оно верно!» А, каково сказано! Ни добавить, ни убавить! Bravo! Превосходно! «Экономика должна быть экономной!» А из последних ваших изречений: «Социализм с человеческим лицом!» Как это по-украински, по-малороссийски верно! И никаких свиных рыл!

— Позвольте! — перебил его Гоголь. — О чем вы говорите? Я ничего не понимаю! Я никогда подобного не изрекал!

— Эх, а еще писатель-сатирик! — обиделся в свою оче-

редь пассажир. — Могли бы... ги-по-те-ти-че-ски! — по слогам выговорил он.

Гоголь замер в недоумении. Пассажир воспользовался его замешательством.

— Представляете, — продолжил он, — рассказывают, что Сталин ночами через подземный ход спускался в Мавзолей и на мумию Ленина мог вызывать различных духов. От Ивана Грозного до графа Толстого! Ну а кто ему, кроме вас, сатирика, мог подсказать и вовсе гениальное: «Жить стало лучше, жить стало веселее!»

Пассажир вскочил со своего места. — А ведь как верно-то! — воскликнул он. — Чем дольше живем в России, тем становится все лучше и веселее! — пассажир пустился в пляс вокруг Гоголя.

— Лучше и веселее! Стабильно и дебилно! — выкрикивал он. — Ну а от тройки своей, чай, не отречетесь?

— Не отрекусь! — ответил Гоголь и тут же пожалел, что так сказал.

— По Руси гуляет тройка: Миша, Рая, перестройка! — на манер частушки пропел пассажир и бросился обнимать Гоголя. — Ах, как актуально! Как проникновенно! Малороссийские мотивы: гульба и разбой! Вы — гений! Каждая ваша строчка! Каждое ваше слово!

— Что вы мне приписываете? — оттолкнул его Гоголь.

— Как что! — обиделся пассажир. — Да все, что случилось с Россией после вас! Какой вы непонятливый! Вы же наш классик!

— Но были же другие писатели, другие пророки? — спросил Гоголь.

— Вы — первый, с вас спрос особый!

И пассажир, не скрывая своего разочарования, быстро сел на место, достал томик «Мертвых душ» и как ни в чем не бывало занялся чтением.

Трамвай с замерзшими стеклами и пассажирами мчался по Москве. И сидел в нем Гоголь, и смотрел на свой парадный портрет. И не нравилось ему собственное изображение: прилизанные волосы, явно уменьшенный нос, а главное, эта вызывающая ухмылочка и всезнающий взгляд. Бр-р! Как он не замечал прежде!

— Господин Гоголь, подайте Христа ради!

Невесть откуда появившийся нищий теребил Гоголя за рукав. Нищий как нищий, даже одет был как все, да одежда эта сидела на нем по-особому небрежно и нелепо. Гоголь достал завалявшуюся монету и опустил ее в протянутую ладонь.

— Благодарствую! — поклонился нищий. — Вот что значит человек старой закалки! А они, — кивнул он в сторону

пассажиров, — за ради Христа не подают, им надо что-то придумать.

Нищий вдруг преобразился и громким выразительным голосом потребовал:

— Граждане! Подайте жертве перестройки! Инвалиду социализма и капитализма!

Он сбросил ветхую шапку, волосы грязными пучками рассыпались по воротнику драпового пальто, руки у него задрожали, и сам он стал несчастен и жалок.

Но пассажиры не торопились за кошельками.

— Граждане, дорогие, пожалейте! — артистически поставленным голосом продолжал нищий. — Я расскажу правду о своей тяжелой судьбе. Всю жизнь я корпел на производстве, вкалывал день и ночь за жалкие гроши, недоедал, недосыпал, откладывал по копейке и хранил денежки в сберегательной кассе. Я копил себе на шинель! Как я мечтал о своей собственной шинели! Как укроюсь ею от студеного ветра и согреюсь ее теплом на старости лет! Но грянула перестройка и в один миг обесценила мои сбережения гайдаровской реформой! Горе мне, бедному! Горе мне, несчастному! Но я не сдался! Не пустился в сомнительные аферы с «МММ» и прочими компаниями. Я не отказался от своей мечты! Я опять стал работать, день и ночь! Недоедал, недосыпал! И наконец сшил себе шинель! О, это был самый счастливый миг в моей жизни! И, увы, последний!

Нищий взял паузу. Пассажиры также притихли. Даже трамвай перестало болтать. Все ждали кульминации.

— Да! Да! — продолжил нищий. — Не учел я особенности России и политический момент! Покрой моей шинельки оказался старорежимный! Как говорят французы: «А-ля красноармеец!» Пришли демократы к власти и конфисковали мою шинель за неудобный фасон! Так лишился я своей мечты! Подайте, кто сколько может!

И вняли пассажиры, и принялись бросать деньги в протянутую шапку, и всхлипывали при этом, и жалели, и вздыхали сочувственно.

— Спасибо, граждане, спасибо! — кланялся нищий, а когда закончил обход, то подошел к Гоголю.

— Ну как, жалостливую историю я рассказал? — спросил он. — Сюжет, конечно, не нов, но волнительный!

Гоголь скривил губы.

— А вот это вы напрасно, господин Гоголь, —отреагировал нищий. — Между нами столь много общего: и вы, литераторы, и мы напоминаем людям о совести, о Боге.

И нищий так же, как и появился, незаметно исчез из трамвая, растворился в воздухе.

А трамвай вдруг резко завизжал тормозами, повернул в сторону Мытной улицы и вновь помчался под гору, подпрыгивая на стыках рельс. Свет в салоне начал мигать от перебоев с подачей тока. Но трамвай скорости не снижал, разогнался так лихо, что замерзшие стекла прекратили дребезжать, и весь вагон загудел, овеваемый зимним холодным ветром.

— Серпуховской вал! — хрипло и натужно объявили в динамике. — Следующая Староданилов переулочек! Конечная!

— Надо же! Сколько ни бродил по Замоскворечью, но чтобы так заплутать! — расстроился Шевырев.

Именно он дал команду свернуть в переулочек. Уже видать было из-за домов купола храмов и белые стены Свято-Данилова монастыря, и вот так неудачно решили сократить путь, оказались в тупике.

Выручил Василий Боткин. Он подъехал на санях вместе с Грановским и показал дорогу.

— Эх, Степан Петрович! — пожурил Боткин рассеянного профессора. — Бес попутал! А вы, господа, доверьтесь мне! В Замоскворечье, как в лабиринте: цель рядом, да путь неблизок. Теперь налево! — скомандовал он студентам. — Меньше версты осталось! А вон и нищие показались! Значит, верной дорогой к Богу идем! — хохотнул Боткин, но тут же перекрестился. — Трогай! — приказал он кучеру.

И сани его, поднимая снег, помчались в сторону Свято-Данилова монастыря.

Студенты подняли на руках гроб с Гоголем и медленно отправились следом.

— Николаю Васильевичу Гоголю — мое почтение!

В трамвай вошел приятный господин, окруженный многочисленной свитой. Свита властно раздвинула народ по углам, и в вагоне сразу же стало просторнее. А приятный господин засветился в любезной улыбке и направился к Гоголю.

— Сидит здесь в уголочке наш великий, наш обожаемый классик! Учитесь, господа, скромности! — обратился он к своему окружению. — А ведь, поди неспроста к нам пожаловал! Поди с ревизией... инкогнито! Но мы не боимся! Мы открыты для любой инспекции! Потому что мы власть народная, демократическая! Кстати, позвольте представиться — московский мэр!

— Почему мэр? — Гоголь наконец оправился от такого натиска и полюбопытствовал: — Неужто французы опять Москву взяли?

— Нет, мы, как всегда, сами чудим! — не растерялся господин. — Увлекаемся иностранщиной! Видите, господа, —

опять обратился он к своим людям, — как учит нас классик! Сразу быка за рога! Но и мы не лыком шиты — объявляю себя прямо сейчас городничим! Ясно? Пора покончить с иностранным засильем!

Мэр-городничий присел на скамью.

— А вам у нас понравилось? — бросил он тревожный взгляд на Гоголя.

— Собственно, я и не выходил из... трамвая, — с трудом выговорил Гоголь незнакомое для него слово.

— Ничего страшного! — ответил мэр-городничий. — Я вот тысячу лет в трамвай не входил! Ха-ха! Простите за каламбур! И что же вижу: все прилично, можно сказать, красиво, белый пластик, кожаные сиденья и стекла... стекла даже не выбиты. А народ! Посмотрите, какой у нас замечательный народ! Едут и читают Гоголя! Благодать и покой! Уютно! Хорошо! Сам бы с вами этак век ехал. — Окружение мэра дружно заулыбалось в знак согласия. — Но государственная служба — превыше всего! — решительно произнес мэр-городничий. — Так и передайте туда, наверх, что в Москве, как и в любом другом городе России, свято выполняют установки и приказы из Кремля!

— И какие же нынче установки? — неожиданно спросил Гоголь.

— Батюшки! — воскликнул мэр-городничий. — Да вас любить — Николая Васильевича Гоголя!

— Любим! Любим! — согласно закивали чиновники.

— Любим! Любим! — подтвердил народ из углов. — Только Гоголя! Только его одного! — брякнул один из чиновников и покраснел от своей дерзости.

— Почему меня? — поразился Гоголь.

— А кого же еще? — удивился в ответ мэр-городничий.

— Пушкина, например! — сказал Гоголь.

— Ой, что вы! Разве можно вас сравнивать с Пушкиным! — Мэр-городничий источал елей. И Гоголь поддался ему, и оба они расплылись в улыбках. — Пушкин легковесен, игрив, — продолжал мэр-городничий. — То ли дело вы. — Гоголь в знак согласия склонил голову. — Вы — великий сатирик! Вы уже все сами в России обличили. Да нам после вас и критиковать-то некого. И в Кремле вас утвердили как самого главного из писателей, и велели нам жить, как вы описали и учили в бессмертном втором томе «Мертвых душ»!

— Так ведь я сжег второй том! — восторженно было Гоголь.

— Рукописи не горят! — успокоил его мэр-городничий.

— За вас второй том дописали и довели, так сказать, до ума и народа! Признайтесь, вы задумывали первый том как ад, а

второй — как рай? То есть описали в нем идеальную Россию, как нам надобно жить. Верно?

— Допустим, — замылся Гоголь. — Было желание устремить все общество наше к прекрасному.

— И мы устремились! — подтвердил мэр-городничий. — После различных экспериментов и заблуждений, ошибок с социализмом, авантюр с капитализмом, решили — хватит! Единственное, что создала Россия, — это великую русскую литературу! Так почему бы нам не жить по завещанию наших писателей-классиков! И так всем эта идея понравилась, так понравилась! Сразу же собрания, митинги по всей стране. И народ выбрал вас, Николай Васильевич!

— Ура! Слава Гоголю! — закричали чиновники.

— Слава Гоголю! — поддержал народ.

— Мы буквально во всем последовали вашим заветам. Взять, например, сельское хозяйство — эту извечную российскую проблему, — все сделали, как вы завещали. Помещики у нас стали добрыми и отзывчивыми, как отцы родные заботятся о крестьянине. Да-с! А чиновники!

Свита мэра-городничего встала во фронт.

— Чиновники и вовсе перевоспитались, согласно вашему учению! Мы теперь не страшные бюрократы, а слуги народа! И народ нас любит и славит!

— Слава чиновникам! — воскликнул народ.

— Вот видите! — мэр-городничий смахнул слезу умиления.

— Никто, кроме вас, Николай Васильевич, так тонко и проникновенно не понимает душу российского чиновника! Эх, помню, приказали нам построить самое справедливое общество на земле, в котором бы не было этих омерзительных богачей, а все бы были бедные, но счастливые. Согласитесь, привлекательная христианская идея? И кому, думаете, было тяжелее всех? Разумеется, нам, чиновникам! Старались не богатеть, вели аскетический образ жизни! Все для народа, все во имя народа! А если выявлялись у кого скрытые счета за границей, дачи, то тех судили строго, невзирая на лица! Да-а, — вздохнул мэр-городничий, — нелегко было отказывать себе во всем, избегать соблазнов. Не оценили наш подвиг. Но изменились времена, и поручили нам же, российским чиновникам, построить на Руси другую жизнь, где все будут богаты и счастливы! Представляете, какая грандиозная задача: все богатые и все счастливые!

— А кто богатым не захочет становиться, тех в коммунистическую резервацию! — неожиданно поддакнул все тот же ретивый чиновник.

Мэр-городничий строго посмотрел на него, тот сник.

— То-то! — погрозил он. — Только народ у нас стран-

ный, Николай Васильевич! Не желают понимать все прелести грядущего богатства... тоскуют по бедности.

— Может, по нормальной жизни? — вмешался в разговор гражданин из толпы.

— Молчи, диссидент! — одернул его служака.

— Нехорошо! — уже более спокойно пожурил мэргородничий своих приближенных. — У нас все-таки демократия, господа! Пора бы привыкнуть!

— Ага! Пускай собака брешет, лишь бы не кусала! — усмехнулся гражданин и замолчал. Не пожелал больше сотрясать воздух. Но слова его обидели мэра-городничего.

— Ну что за страна — Россия! Стараешься, объясняешь им, что надо потерпеть, что сразу все богатыми не станем, что сначала богатыми будут избранные, а потом, в будущем, со временем, постепенно... и все остальные. И вот тогда всем будет хорошо! Ведь вам, господин Гоголь, сейчас стало наконец хорошо?

— Я еще не разобрался, — ответил Гоголь и удивился на себя. Зачем он так сказал? Разве ему хорошо? И что имеется в виду под этим «потом», если он, Гоголь, умер?

— Ой, а знаете, какой нынче на Руси государственный гимн! — не дал задуматься Гоголю мэргородничий. — Как же я забыл о гимне! С него надо было начинать и им заканчивать! Ай-я-яй! Вы простите!

И тотчас по его приказу включился динамик и послышалась разудалая музыка. Чиновники быстро образовали полукруг. Мэргородничий, как опытный дирижер, выдержал паузу и взмахнул рукой.

«Выбери меня, выбери меня! Завтра будет лучше, чем вчера!» — пропел хор чиновников.

— Гениальные слова! — похвалил мэргородничий. — Вслушайтесь: «завтра будет лучше, чем вчера!» Схвачена вся суть многовековой российской политики! Ай да Гоголь, ай да молодец!

— А при чем тут мое имя? — насторожился Гоголь.

— Опять вы за свое, Николай Васильевич! Нашли где-то в архивах. Кто и когда написал — не вспомнили, но научное исследование провели. Ученые-гоголеведы доказали, что эти бессмертные строки навеяны вашим творчеством! И, возможно, были в вашем сгоревшем втором томе. Мы так и считаем: гимн России, слова Гоголя!

Мэргородничий остановил хор.

— После пения гимна положены здравицы! — торжественно объявил он.

— Ура! — закричали чиновники.

— Слава Гоголю! — поддержал народ.

— Слава! Слава! Слава! — раздалось многочисленное эхо.

Трамвай от возгласов раскачивался и разгонялся, и болтало в нем неимоверно. Гоголя вновь сильно ударило о стекло, и почувствовал он боль, но не земную, физическую, а душевную, слетела с него шелуха елейных речей, и открылись очи.

И увидел Гоголь, что это не трамвай с публикой едет, а несется огромный светящийся стеклянный гроб с мертвыми душами, и тянутся они к нему, и норовят схватить, и скалятся, и зияют пустотами. Ужас и страх объяли Гоголя.

— Неужели я повинен в том, что случилось с Россией? — вскричал он. — Да, я хотел научить людей, как надо жить, как хозяйствовать, как нам обустроить Россию! В гордыне своей даже учил, как правильно молиться Богу! Но я же все понял! Я все сжег!

Гоголь вскочил и с силой открыл трамвайное окно. Холодный воздух скользнул вниз по вагону. И замерли мертвые души, и начали принимать нереальные очертания в морозной дымке. Даже мощная фигура мэра-городничего расплылась вдруг прозрачным киселем, а безмолвные пассажиры и вовсе превратились в сосульки и разбивались от толчков трамвая на мелкие ледяные осколки.

— Получайте! — воскликнул Гоголь и с шумом распахнул двери.

Трамвай несся высоко в небе. Внизу простирался огнями огромный город. Гоголь схватился за поручни и принялся раскачивать вагон.

— Это не моя Россия! Это не мое Будущее! — упоенно выкрикивал он. — Я хочу, чтобы вы были живые, а не мертвые души!

Вдруг Гоголь увидел, как из-за леса надвигается на город пламя, быстро разрастаясь и охватывая все больше и больше пространства. Через какое-то мгновение огонь начал пожирать дома и целые улицы. Но зрелище это не было страшным! Казалось, что пламя словно стирает город с лица земли, словно это был не настоящий город, а нарисованный. И как художник, недовольный своими набросками, пламя огненными кистями стирало город — как будто на картинке, как бы понарошку, как бы ученическим ластиком.

Огонь поднимался и жаром своим уносил попутчиков Гоголя из трамвая. Одного за другим. Дольше всех держался мэргородничий, но и он не выдержал: пшикнул и испарился.

Гоголю стало весело! И уж совсем смешно, когда он увидел за отблесками огня рожу черта!

Черт, извиваясь и кривляясь, пытался проскочить сквозь огонь, но языки пламени не пускали его. Черт злился, гримас-

ничал в своем бессилии.

— Обманул я тебя! — закричал Гоголь. — Не достанешь! Не достигнешь!

Огонь в печи разгорался медленно, неохотно. Несколько сухих поленьев да две обгорелые головешки то зачинались робкими синими огоньками, то угасали. Черная кочерга в руках Гоголя напоминала скрюченного черта. Гоголь в сердцах отшвырнул ее и, не боясь обжечься, пошевелил угли голыми руками. От такой ласки огонь вдруг ожил, вспыхнул ярким пламенем.

— Семен! — позвал Гоголь. — Поди-ка сюда!

— Я боюсь, барин! — ответил дрожащий от страха мальчик.

— Сходи ко мне в комнату и принеси те... последние тетради!

Огонь набирал силу. Печь загудела протяжно и жалобно, словно в ней завывал и стонал черт. Гоголь перекрестился, потом еще, еще. Вернулся Семен.

— Барин, может, подождем до утра? — робко спросил слуга-мальчик.

Когда он шел с тетрадями по первому этажу большого холодного дома, то нарочно шумел, задевал мебель. Это единственное, что он посмел сделать. Мальчик надеялся, что кто-нибудь там, наверху, в покоях графа, проснется и остановит барина. Но никто не проснулся.

Гоголь взял тетради, открыл их, замер в минутном замешательстве, но затем решительно бросил в печь. Огонь, как голодный зверь, налетел на бумаги, но вдруг погас, словно обломал свои зубья о спрессованные в брошюры листы.

— Что вы делаете? — не выдержал мальчик и упал на колени перед Гоголем. — Вы потом пожалеете!

В подтверждение его слов огонь наконец преодолел сопротивление тетрадей, начал корезить их, превращать в черно-коричневые хлопья.

— Ушел я от тебя! — вдруг озорно и с усмешкой погрозил Гоголь. — Теперь не достанешь! Не выйдет!

В ответ огонь зафырчал, заохал. Казалось, он пожирает не только тетради, но и самого Гоголя. Бледное лицо его таяло в отблесках пламени, словно восковая свеча. Но сам Гоголь светился неведомым внутренним светом, словно познал некую тайну.

— Все-таки успел... — тихо сказал он, когда все было кончено и тетради его сгорели.

После чего встал и велел Семену вести его к себе. Слуга укутал барина пледом. В доме по-прежнему было тихо. Все спали. Гоголь с помощью Семена добрался до своей угловой комнаты, лег на кушетку и не сказал больше ни слова.

— Я допытывал гоголевского мальчика, Семена, — обратился Шевырев к Бергу. — Он уверяет, что пытался остановить барина, уговаривал его не сжигать второй том. Жаль, что никого не оказалось в эту минуту рядом, авось остановили бы. Но я думаю, это было осознанное действие покойного... рассказ мальчика меня в этом убедил.

— Кто его знает, как было на самом деле, — ответил Берг. — Я изучал верования южных славян, у них обряд сжигания имеет значение оберега от всяких темных сил. Не зря в храмах жгут свечи. Пламя сжигает все бесовское и очищает путь к Богу.

— Дай Бог, чтобы ему это помогло, — искренне отозвался Шевырев. Он любил Гоголя.

Впереди показались Свято-Данилов монастырь. Профессор и поэт перекрестились на его купола. Ударил колокол.

ШЕСТАЯ ВЕРСТА

Перед Гоголем сидел черт. Самый настоящий: в шерсти, с хвостом и рожками. Закинув копыто на копыто, черт с любопытством поглядывал на Гоголя и грыз длинные ногти. Был он неопрятен, шерсть свисала клочьями, да еще сплевывал, потрясывая своей жидкой козлиной бородкой. Надо бы хуже, да некуда!

— Ну что вы, Николай Васильевич, на меня так смотрите? Мой внешний вид, так сказать, — плод вашего ко мне отношения. Какovým вы меня изобразили, таковым я к вам и явился! Другие литераторы гораздо лучше ко мне относились, для них я был таинственный интеллигент в пальто и шляпе, в костюме на иностранный манер, а вы, Гоголь, эдак прозаически — рога, копыта! Обидно! Да ладно бы внешний вид! А как вы издевались надо мною, какие гадости совершали! Один ваш Вакула чего стоит! Эх, до сих пор бока болят! — Черт закряхтел, почесался. — Впрочем, как у вас говорят, кто старое помянет, тому глаз вон! — И он тут же вынул у себя глаз, повертел его, затем вставил на место, но как-то несуразно, вкось, и от этого сделался еще омерзительнее. — Признаюсь, я против вас, Николай Васильевич Гоголь, также много зла совершил... и при вашей жизни, а уж после особенно! Прах ваш перевернул в гробу, затем заставил могилу вскрыть и перезахоронить. Такие пустяки, а страху на Москву нагнал! Я, признаюсь, не шибко люблю физические опыты, даже на мертвых телах... меня более прельщают духовные эксперименты... различные сплетни, толкования... что вас живым похоронили... или еще забавнее: я вас сумасшедшим объявил! Всему миру! Ох уж эти психические болезни! Психиатрия —

самая точная из наук, потому что основана... на мистике! Ой, не могу я о таком благородном предмете, как психика, в подобном обличье разговаривать! Вы не возражаете, если я приму облик профессора? Спасибо!

Черт преобразился и предстал перед Гоголем во фраке, в белой сорочке с галстуком. Правда, из-под брюк высовывались копыта. Черт взглянул на ноги и спокойно заметил:

— Атавизм! Беседе нашей не помешает. Так на чем мы остановились? Ах да! На сумасшествии! Знакомо ли вам такое заболевание нервной системы, как периодический психоз? Ну что вы вздрагиваете? Это, между прочим, ваша болезнь и есть. И открыл ее французский врач-психиатр Байярже. Кстати, как раз в день вашей смерти. Люблю, знаете ли, подобные совпадения! — Черт зловеще хохотнул и продолжил: — Суть явления проста: смена одного вида настроения на другое. Простите, подружился с господами учеными — такого набрался! Резонерствую тут с вами, как заштатный психиатр! Изъяснюсь проще: перепады плохого и хорошего настроения. Свойственно всем людям, а вот сумасшедшими объявляют далеко не всех! Все дело в продолжительности и глубине этих самых перепадов настроения, а главное, что за подъемом всегда следует упадок, или, по-научному, депрессия. Закон сохранения энергии. Чистая физика, вам скажу. Вот приятель ваш, Пушкин, столько положительной энергии в Болдино хватанул! Или вы сами в Италии, помните? Вы-то расплатились сполна... А дружок ваш улизнул! Не пожелал в депрессию впадать, смерть себе организовал. Что ж, его право. А доктора все упрощают, низводят до психоза. Бр-р! Скажу вам как специалист высшей категории, психозов вообще в природе не существует, а есть особая форма жизни, непонятная остальным. Ой, как красиво сказал! — залюбовался черт сам собою, извлек откуда-то пенсне, нацепил его, оперся на кафедру, напоминающую крышку гоголевского гроба, и продолжил свою речь.

— Меня до сих пор удивляет, почему людей так коробит от ярлыка сумасшедшего? Общественное мнение? Напрасно! Сумасшествие человечеству необходимо — оно рождает гениев! Ну, это банальная истина, об этом многие догадываются. А вот зачем гении человечеству? Чтобы своими открытиями, изобретениями привести его к краху, к пропасти, к тому, что именуется «страшным судом», или, по-научному, инстинктом саморазрушения. Ну, приведут в конце концов, а дальше что? Всеобщая гибель? Катаклизм? Да! Но не для всех! Выживут и останутся на земле лишь одни психически больные. Другой полюс сумасшествия, в отличие от гениев. В природе не бывает нецелесообразного. Сумасшедшие

в силу своего особого устройства психики устоят перед космическими лучами, их не коснется мутация. Простите, это из генетики. В общем, выживут, и будут ползать по земле как дети, и рождать новых людей с детским разумом, чтобы все началось и повторилось сначала!

Раздались бурные аплодисменты. Черт поклонился, наигранно изображая смущение.

— Ну будет, будет! — остановил он им же самим организованную овацию. — Я вижу, тема вас затронула, а по сему разрешите ее углубить. Так вот, ближе к концу света число гениев и сумасшедших будет пропорционально увеличиваться. Это в ваш романтический век, Николай Васильевич, гении были наперечет, каждый заметен и ярок. Кстати, и сумасшедшие также были весьма заметны и буйны! Ха-ха! Но увы! Со временем гении измельчают, психозы начнут протекать мягче и спокойнее, и вскоре грань между гением и сумасшедшим вообще сотрется, и они будут переходить один в другого. Но мы-то с вами теперь знаем, что сумасшествие в любом его виде во благо, ибо цепь жизни непрерывна! Будет много гениев — быстрее наступит конец света, и мир обновится. Будет много сумасшедших — и у человечества сохранится больше шансов выжить в этом обновленном мире!

Гром аплодисментов прервал речь черта. Он театрально раскланялся, слез с кафедры и принял прежний неряшливый вид.

— Ну вот, Николай Васильевич, — уже фамильярно обратился он к Гоголю. — А вы боялись сумасшествия! Все в мире можно объяснить и оправдать игрою ума и логикой. Переложите мою теорию на излюбленную тему — российскую политику, — и вы увидите, что русский народ самый нормальный в мире, ибо только он может снисходительно терпеть своих политиков-гениев с не совсем здоровой психикой. Но это скучно, скажу вам! Поговорим лучше о чем-нибудь возвышенном! О литературе, например.

Черт вновь преобразился: элегантный костюм, самописка, блокнот. На сей раз даже на ногах у него были вполне приличные ботинки. Правда, рога шибко выделялись на голове, не соответствовали моменту. Черт провел рукой по волосам.

— Никак от этих атавизмов не избавиться! Прикроюсь-ка цилиндром! А что, красив! На Пушкина смахиваю! Или он на меня! — Черт захихикал. — Литература — дело бесовское. Не зря даже священные книги прежде взаперти держали! Почему-то принято считать, что литература отражает жизнь, как зеркало. В корне неверное утверждение! Вспомним нашу самую первую книгу! — Черт ловко извлек из-за

пазухи толстый том. — Да, я имею в виду Библию! Обожаю перечитывать! Невежественные люди полагают, что черт от нее шарахается! О, сколько заблуждений в умах! Что бы я без Библии делал! Меня бы просто не существовало! — Черт бережно открыл книгу. — Вот, пожалуйста, на первой странице сказано: в начале было слово... Совершенно верно! А далее по этому слову все и развивалось в мире. Точно так же и господа-литераторы: вначале произнесут, а уж затем жизнь идет по написанному ими.

Вы, Николай Васильевич, единственный, кто понял это! Вы сожгли второй том! Вы правы! Нельзя построить идеальное общество — оно будет изначально мертво! Браво, Гоголь! Жаль, что этого не поняли остальные. Представляете, до сих пор вместо естественного божественного развития пытаются выстроить нечто искусственное. Провозглашают различные лозунги, слова. И с каждым словом приближается конец света! Да, забыл сказать еще одну фразу: в начале было слово — и в конце тоже будет слово. И слово уже произнесено. И все мы — человечество и наша, так сказать, субстанция (да-да, куда мы без вас, людей!) — начали отсчет и приближение!

Черт облокотился на гроб Гоголя.

Студенты замерли, не в силах сдвинуться с места под внезапно появившейся тяжестью. Длилось это замешательство секунды. Но каждому из них запомнилось на всю жизнь, и каждый подумал: «Что это со мной? Отчего я не могу идти? Неужто устал? Боже, как стыдно! Что подумают товарищи!»

— Ах, простите, господа! — спохватился черт и отпустил гроб.

Студенты почувствовали облегчение. Оцепенение снялось. Только ноги еще некоторое время дрожали от напряжения. Похоронная процессия отправилась дальше.

— Извините, Николай Васильевич, чуть не испортил ваши похороны. Хотя, признаюсь честно, есть мероприятия, которые не подвластны даже мне!

Черт склонился над Гоголем и проникновенно зашептал:

— Однако надо спешить. Спасибо, господа студенты напомнили! Поражаюсь на них: молодые, умные! Все-то знают, все-то понимают! Даже не верится, что настанут времена, и люди разучатся читать, заменят живое слово другими знаками и символами, зрелища заполнят их дома (а не площади, как когда-то). Человек разучится думать, все блага будут подаваться ему в сладкой упаковке. И позабудет он Бога, и омертвеет его душа. Поражаюсь, Николай Васильевич, вашему определению «мертвая душа»! Как точно сказано! Как правильно вы предупреджали! А дальше — больше. Не стало

Бога в душах, не стало и самих душ! Мы не сразу спохватились! Представляете, Николай Васильевич, вдруг перестали по нашему ведомству души поступать. Что же, думаете, мы забили тревогу? Почему в ад народ не идет? Как бы не так! Мы обрадовались: меньше работы будет! Лукаво решили: значит, души пошли в рай, значит все стали праведниками! Дескать, пусть конкурирующая фирма вкальвает! Ох уж эта наша лень-матушка! А что же в раю? Туда тоже перестали поступать души. И они так же лукаво решили: все люди впали в грех и идут прямо в ад, туда им, грешникам, и дорога! И успокоились! И довольны безработицей! И вот, пока мы сидели сложа руки и ничего не предпринимали, у вас на земле все начало вырождаться и приходить в упадок. Круг замкнулся. Мы же часть вас, людей. Если у вас плохо, то и у нас тоже. Захирели наши конторы. У нас, чертей, котлы полопались, сковороды заржавели. В раю — не лучше. Позолота отвалилась, цветы завяли. Полнейший упадок и запустение всюду. Райское дерево засыхать начало, сук отвалился да и упал к нам. Сверху кричат: «Верните имущество! У вас там столько работы, что вы уже райскими сучьями собираетесь котлы растапливать?» А мы кричим! «Какие котлы? У нас угля у самих полно! Нету никакой работы!» Вот так, слово за слово, выяснилось, что и они, и мы в жутком простое! Что тут началось! Созвали симпозиум. Шуму, крику было! Взаимные обвинения, упреки! Н-да!.. Попробовали срочную реформу на земле организовать. Революции всякие. Поздно! Отвык человек, материальным миром занят. Никто об душах не беспокоится, никто души не растит. Кто знал, что все так обернется, что такая будущность на земле предстоит! А главное, даже я не знаю, что же дальше будет. Может, возродятся души и начнут нас подпитывать: ад загудит, рай зацветет? А может, все придет в хаос и наступит конец и человечеству, и нашей, повторюсь, субстанции. Мы ведь тоже не всемогущи! И от людей кое-что зависит. Да-с!..

Черт вновь изменился. Перед Гоголем сидел небритый, нечесаный Пан со свирелью в руках и играл нечто заунывное.

— Простите, не люблю философии! Музыкальные упражнения — вот мое увлечение, хобби, как выразятся позднее. Музыка, в отличие от литературы, — от Бога, очищает и облагораживает. Я тоскую по божественному. Обожаю хоровое пение в церквах. Но не будем отвлекаться.

Черт преобразился на сей раз в почтенного господина с седой бородой, брюшком. Правда, позади из-под брюк у него торчал хвост, но безобидный, безвольный такой, болтался, как лопнувшая подтяжка.

— Вы удивлены, что с вами происходит, Николай Васильевич? — продолжил черт, склоняясь все ближе и ближе к Гоголю. — А ничего особенного. Это все иллюзии! Ваши иллюзии и заблуждения! Вы блуждаете в самом себе. После физической смерти такое бывает. Вы перемешиваете время, и время еще больше затягивает вас. Не просто вырваться к «чистому свету» или пасть в «вечную тьму», сие зависит от прожитой земной жизни, от той энергии, что вы накопили добрыми или иными делами. Многие теряются и вечно блуждают в собственном «Я». Скажу вам, это пострашнее адских сковородок и котлов.

Ударил колокол!

Густой тяжелый звон его долетел до черта. И черт задрожал, словно от здоровенной оплеухи, начал двоиться, трюиться, с большим трудом удалось ему удержаться, не рассыпаться.

— Поражаюсь на людей! — воскликнул черт. — Вы иногда делаете величайшие открытия, причем интуитивно, не понимая сути. Ну на что вам сдались эти колокола? Нет, повешали везде и звоните. А ведь я эфирное создание! Звук колокола совпадает с моей волновой структурой, происходит резонанс и разрушение. Элементарные физические законы, а ничего поделывать не могу! Если с огнем за тысячу лет кое-как научился бороться, то здесь я бессилен. Да... — заспешил черт. — Будете там, замолвите и обо мне словечко. Я тоже хочу, чтобы были живые, а не мертвые души. Тут мы с вами совпадаем, Гоголь!

Вновь ударил колокол в Свято-Даниловом монастыре! Черт не устоял и рассыпался на части: на Ивана с деревенькой на краю Света, на нищего в красноармейской шинели, на офеню с книжками-картинками, на мэра-городничего со свитою... да и другие лица замелькали, закружились и исчезли под следующий удар колокола. Наступила тишина.

И увидел Гоголь неяркий свет, нежно струившийся сверху, и лучи света причудливо переплетались, образуя лестницу, и манила лестница ввысь, в царство покоя, где все оставалось в прошлом и прошлого этого было не жаль.

— Лестницу мне, лестницу! — обрадовался Гоголь. И рванулся из последних сил навстречу к свету. Но физическое тело, земная жизнь еще крепко держали его.

— Лестницу мне, лестницу! — прошептал умирающий Гоголь свои последние слова.

Зима прихорошила Замоскворечье. Свежий снег подравнивал заборы и изгороди, залепил неровности срубов и каменных стен, подновил крыши. Благодаря снежному покрову

даже самый жалкий и убогий домишко торчал из сугробов, словно снеговичок с двумя глазками-оконцами и белой шапкой-кровлей.

Перед высокими белокаменными стенами Свято-Данилова монастыря замоскворецкие постройки расступались, а не лепились поближе, как в Китай-городе, и давали волю простору и движению.

Гроб с Гоголем внесли через ворота и возложили возле могилы Хомяковой.

— Он знал, что его будут хоронить здесь, — сказал Шевырев. — Когда в январе внезапно умерла она, беременная дитем, Гоголь тяжело воспринял ее смерть. Он сказал мне, что тоже вскоре отправится вслед за ней. Я тогда не понял, а теперь стало ясно, что он имел в виду. Будут покоиться рядом.

— Да, поражаюсь его предчувствию! — согласился Берг.

Священник отец Алексей и дьякон Иоанн отслужили панихиду. В молчании стояли у гроба все сопровождающие Гоголя и прошедшие с ним его последний путь. Были здесь близкие друзья Шевырев и Щепкин, московская интеллигенция во главе с профессорами Грановским и Соловьевым, прибыл Островский с актрисой Косицкой, подошел Чаадаев, молча стоял, сняв шапку, обычно нетерпеливый и подвижный Боткин.

Много люда собралось у храма Святых отцов Семи Вселенских соборов Свято-Данилова монастыря. Некрополь был небольшой. Народ теснился, но вел себя благопристойно.

Ударил колокол. Пробыло полдень над Москвою. И наступили тишина и просветление.

Никто ни о чем не думал, не слышалось ни слов, ни речей, тихо и покойно опустили гроб в глубокую могилу.

Михаил Щепкин со слезами бросил первый ком земли, за ним еще кто-то опустил горсть, а далее дьякон с монахом-помощником взяли за лопаты.

— Умер он для жизни, Ожил он душой. Господи, помилуй, Даруй ему покой! — прочитал нараспев стихи собственного сочинения священник Алексей.

И все подивились: как точно сказано, как это подходит к нему, Гоголю...

В тишине и просветлении постояли еще несколько минут, потом начали расходиться.

24 февраля 1852 года Москва похоронила великого писателя Николая Васильевича Гоголя.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Серафим Межбогов
 Саша Ковчegov
 Вера, его жена
 Лена }
 Сергей } друзья Ковчegovых

ДУШИ:
 Жалостливая
 Партийная
 Иностранная
 Мафиози
 Челночница
 Бизнесмен и другие.

Осень. Свинцовые тучи. Березки на порушенном кладбище. На заднем плане пивная бочка. Выходит Саша Ковчegov с кружкой пива. Запинается о поваленный крест, чуть не падает.

КОВЧЕГОВ. Тьфу, черт! Кладбище и то разровнять не смогли! (*Садится на могильный холмик, пьет пиво, затем разгребает листву, читает.*)

«Прохожий, ты идешь,
 Но ляжешь, как и я.
 Присядь и отдохни
 На камне у меня.
 Сорви былиночку
 И вспомни о судьбе.
 Я — дома, ты — в гостях...
 Подумай о себе».

... Н-да! С «ятями» написано. Поди, купец был какой-нибудь... Как плита-то еще уцелела?! И зачем надо было нарушать старинный некрополь? Какому идиоту такое в голову пришло? Люди вон о вечном писали, на память надеялись... И на тебе! В один день бульдозером! Место под почетную аллею понадобилось... Даже здесь не хотят быть едины с народом, даже здесь норвят обособиться... Только не мрут, как мы. Вместо аллеи — покореженные кресты да крапива... (*Вздыхает, пьет пиво.*)

Появляется Серафим Межбогов, так же с кружкой пива.

СЕРАФИМ (*пытается сесть*). Разрешите примогилиться?

КОВЧЕГОВ. Валяйте! Могила большая, места всем хватит!

СЕРАФИМ. Ха-ха! Вы абсолютно правы! (*Отклонивается.*)

Серафим Межбогов!

КОВЧЕГОВ (*лениво*). Саша Ковчegov.

Пауза. Серафим Межбогов усаживается, с наслаждением пьет пиво.

СЕРАФИМ (*философски*). Хорошо!

КОВЧЕГОВ (*поеживаясь*). Дует только. Осень ранняя, будь она неладна! Долго не сидишь! (*Достает из авоськи пачку газет, подсовывает под себя.*)

СЕРАФИМ. Позвольте газетку?

КОВЧЕГОВ. А-а... чего в них читать? Одно вранье!

СЕРАФИМ. Почему же, бывает и правда... Извещение о смерти, например.

Ковчegov поперхивается пивом, а Межбогов, наклонив

голову, читает газету.

...С прискорбием сообщает, что семнадцатого сентября... скончался А. Б. Курков... н-да... видный, много сделавший, внесший вклад... Ага, вот самое главное... Вечная память о нем навсегда сохранится в наших сердцах!

КОВЧЕГОВ. Сохранится, сохранится... И трех дней не пройдет, как грязью обольют!

СЕРАФИМ. Вы так думаете?

КОВЧЕГОВ. И думать нечего! У нас традиция: как руководитель умрет, так его вскорости и начинают поливать на чем свет стоит! Кто гаже скажет, тот и молодец!

СЕРАФИМ. Станный обычай! О покойниках: или хорошо, или ничего...

Появляется парень с неполной кружкой пива. Облик его неприятен, грязен, неряшлив.

ПАРЕНЬ (*по-идиотски радостно*). Э-э, мужики!.. Э-э, мужики!

Молчание.

... Э-э... эта, как ее, блин... не долила...

Молчание.

... Э-э... вот сука, да... не долила... во... э-э, мужики!

Парень пьет пиво, икает. Межбогов достает воблу, отламывает кусок.

СЕРАФИМ (*манит парня, как собаку*). Тю-тю-тю! (*Парень оборачивается и садится на четвереньки.*) На, лови! (*Парень ловит кусок, с жадностью запихивает его в рот. Серафим встает, вытягивает руку. Падень покорно подползает к Серафиму. Тот треплет у него за ушами, приговаривая.*) ... Хороший, хороший! (*Парень блаженно улыбается. Наконец, Межбогову надоедает, он резко убирает руку.*) ... Ну и ладно, беги к дружкам!

Парень послушно встает с четверенок и медленно идет в сторону пивной бочки, постепенно до него доходит, что с ним произошло что-то необычайное, испуганно оглядывается и с криком убегает.

СЕРАФИМ (*спокойно*). Не пробудилась еще душа!.. Бедняга! Недавно помер такой же, похожий на этого, предстал перед Всевышним...

КОВЧЕГОВ. Перед кем?

СЕРАФИМ. Перед Богом... Всевышний его о грехах расспрашивает, а он и не знает, что такое — грех!.. Всевышний ему разъясняет: сквернословил, людей обижал, хамил?.. А он: «Не помню!» — отвечает... Ему о подлых его делах говорят.

А он опять: «Не помню!» Всевышний осерчал: «А седьмого апреля, — говорит, — женщину отматюгал, она расстроилась и на следующий день в больницу угодила!»... А этот знай свое: «Не помню! Мало ли чего спяну ни бывает!» (*Вздыхает.*) Бились-бились с ним, и все без толку... Да ладно бы грехи скрывал, а то ведь в самом деле ничего не помнил: как жизнь прожил, кого обижал... Вот таких «безгрешных» вы нам сейчас поставляете... Трудно работать там, где забыли Бога!

КОВЧЕГОВ. А, простите, где это вы работаете?

СЕРАФИМ (*буднично*). Совместитель я. На основной ставке в раю числюсь, а еще на полставки в аду подрабатываю...

КОЧЕГОВ. Позвольте-позвольте! Разве можно работать сразу в двух взаимоисключающих и непримиримых организациях?!

СЕРАФИМ. Чему удивляетесь? Работают же у вас депутаты и на правых и на левых одновременно!

КОВЧЕГОВ. Так то люди!

СЕРАФИМ. Во-во! Наобещают райские кущи, а на поверку адские муки выходят... Такие же совместители-любители!

КОВЧЕГОВ (*виновато*). Людское несовершенство... Но вы же наш идеал!

СЕРАФИМ. Ах, отстаньте! Умеете вы, право, идеалами увлекаться! То церкви сшибали, то вдруг креститься и веровать бросились! Каково нам... ТАМ... разбираться?.. Вот взять Куркова этого... (*Межбогов ткнул в некролог.*) Окрестился за две недели до смерти! Установка из центра пришла в Бога верить, он и поверил сразу. Священника прямо на дом вызвал, приказал себя окрестить. В купель не окунался, а так, побрызгали слегка... Креста ни разу не наложил! Небесная канцелярия теперь озадачена: верить или не верить такому крещению?

КОВЧЕГОВ (*сочувственно*). Да-а... дела...

СЕРАФИМ. А ведь прямехонькой дорогой в ад шел! За одно только кладбище, порушенное по его приказу!.. А теперь — крещеный! К крещеной душе отношение другое, с ней сам Иисус разбирается! А он, надо сказать, мягок до людей. Больше прощает, чем наказывает.

КОВЧЕГОВ (*медленно*). Интересно...

СЕРАФИМ (*резко*). Развязался с пивка язык! Однако пора и честь знать. Пойду за курковской душой. Куда ее вес-

ти прикажут: туда или сюда? Эх, людишки-грешники, запутались совсем... *(Протягивает Ковчегу руку.)* Приятно было познакомиться!

КОВЧЕГОВ. Мне тоже.

СЕРАФИМ. Еще бы! Не за тобой пришел! *(Смеется.)*

Вспыхивает и гаснет свет. Межбогов исчезает. Ковчегов держится за сердце, медленно уходит.

Квартира Ковчеговых. Вера сидит в кресле, читает. Входит Саша.

ВЕРА. Ой, Саша! Что случилось? Так поздно.

КОВЧЕГОВ *(снимает куртку, расстегивает ворот рубашки)*. Устал!.. Тревожно что-то на душе...

ВЕРА. Да что с тобой?

КОВЧЕГОВ. Вера, у меня предчувствие беды... страх, что может нечто случиться...

ВЕРА *(обнимает мужа)*. Успокойся, успокойся!.. Я сейчас ужин разогрею... И вообще, кончай эти подработки...

КОВЧЕГОВ *(успокаиваясь)*. Да... да... и то верно...

ВЕРА. Вот и хорошо, вот и замечательно...

КОВЧЕГОВ *(берет книгу)*. А что это ты читаешь?

ВЕРА. Да так, книжка любопытная подвернулась. Раймонд Моуди «Жизнь после жизни». *(Оживляясь.)* Оказывается, когда человек умирает, он попадает как бы в туннель, в конце которого свет... Так рассказывают те, кто был на краю гибели...

КОВЧЕГОВ. Надо же... Странный день... Этот Серафим — полуангел, получерт... И эта книжка?!

ВЕРА. Ты о чем?

КОВЧЕГОВ. Так... после... Дай-ка полистаю...

(Берет книгу, читает, Вера уходит. Ковчегов дремлет за книгой. Возвращается Вера.)

ВЕРА. Саша, ужин готов! ... Ой, спит! *(Гасит свет и уходит.)*

Вспыхивает луч прожектора, который высвечивает канцелярский стол. За столом восседает Межбогов. Появляются души. Звучит медленная музыка. Души исполняют пластический танец. Межбогов манит рукой одну из душ.

СЕРАФИМ *(громко)*. Следующий!

ДУША. Я!

СЕРАФИМ. Грехи есть?

ДУША. Нет.

СЕРАФИМ *(укоризненно)*. Обманывать нехорошо... Прелюбодействовала!

ДУША *(возмущенно)*. С кем?

СЕРАФИМ. С соседом.

ДУША. А что, запрещено? Разве это грех?

СЕРАФИМ. В Библии сказано...

ДУША. А я не читала.

СЕРАФИМ. Незнание не освобождает от ответственности.

ДУША *(усаживается на стол к Серафиму, закидывает ногу на ногу, кокетничает)*. Какие глупости говоришь!

СЕРАФИМ. Но-но! Счас в прах превращу!

ДУША *(соскакивает со стола)*. Ну чего ты! Не сердись! Я на самом деле не знала... Мы это... духовное в школе не проходили... и секс тоже... Не то что сейчас! До всего самой приходилось доходить... Если и ошибалась в чем, то по заблуждению, а не со зла... И с соседом из этой... из жалости, вот!

СЕРАФИМ. Тьфу ты, баба!

ДУША. И не только с соседом! Я жалостливая!

СЕРАФИМ. Тиха! Про остальных-то не трепись!.. У тебя, вон в деле *(достаёт папку)* только один сосед записан.

ДУША. Одним больше, одним меньше — какая разница!

СЕРАФИМ *(грозно)*. Опять! А ну, проваливай! *(Хлопает ее по заду.)* Вертихвостка! ... Следующий!

Появляется другая душа, раздвигая толпу.

ДУША. Господа! Товарищи! Разрешите пройти!

ДУШИ В ТОЛПЕ. Куда без очереди?

ДУША. Я — иностранец!

ДУШИ В ТОЛПЕ. Это ты на земле иностранец, а здесь все равны!

ДУША. Товарищи! Господин Ангел! Я умер в России во время туристической поездки.

ДУШИ В ТОЛПЕ. Нашел где умирать! У нас своих покойников хватает!

ДУША. Боже мой, у нас в Европе все цивилизованно, гробы приличные, бархат, вензеля...

ДУШИ В ТОЛПЕ. Гроб ему не нравится! Поди как интуристу, самый лучший отвалили. Меня вон вообще за счет ЖЭКа в дощатом, без материи — и ничего!

ДУША. О-о! И зачем я поехал в эту Богом забытую стра-

ну! Не зря мой папа говорил, что умереть красиво и вовремя — это искусство! Но он не знал, что такое Россия!

ДУШИ В ТОЛПЕ (*возмущенно*). Ну, ты, поаккуратнее в выражениях!

СЕРАФИМ. Ти-ха! Иностранец — давай проходи! В России вас всегда любили, а сейчас тем более... (*Указывает*). Вон туда!

Иностранная душа исчезает. Толпа душ напирает, шумит. Возгласы: «Ты здесь не стояла!» — «Мы тоже хотим на небеса!» Одна из душ ловко вырывается из толпы.

СЕРАФИМ. А ты кто такой?

ДУША (*гордо*). Партийный я! Секретарь!

СЕРАФИМ. У-у! А партбилет сохранил?

ДУША. Да. С риском для жизни!

КОВЧЕГОВ (*вмешиваясь*). Боже мой, и здесь партийные секретари!

СЕРАФИМ (*раздраженно*). Ты же спишь! Чего суешься?!

КОВЧЕГОВ. А меня и во сне от партии тошнит!

СЕРАФИМ. Быстро вы от нее откристились!

КОВЧЕГОВ. Осудили и перестроились!

СЕРАФИМ. Наслышаны, наслышаны о новых веяниях... А мы еще по старинке... (*Дает знак душам*.) Прошу, господа-товарищи!

ДУШИ В ТОЛПЕ. А чего его судить?! Раз начальник, значит, шкура, сволочь и дерьмо!

— Да я бы этих начальников!

— А я бы этих начальников!

— Попил нашей кровушки!

— На «волгах» разъезжал! Икру ложками жрал, гад!

Пять квартир сменил! Коттедж на берегу Волги на народные денежки отгрохал!

— В ад его! (*Хором*.) — В ад!

ПАРТИЙНАЯ ДУША (*пренебрежительно*). А судьи кто?

СЕРАФИМ. Народ! Народная любовь, так сказать, в действии!

ПАРТИЙНАЯ ДУША. Толпа!

СЕРАФИМ. Ай-яй-яй! Иисуса тоже толпа судила, но он не был столь высокомерен. Нехорошо... К тому же, ты сам любил различные судилища! Любил. Бывало, властно крикнешь: «Исключить из партии!», и кондрашка человека хватит. А вспоминаешь, сколько на тот свет отправил, а!.. Так

что по заслугам, вон туда проходи!

Партийная душа под улюлюканье исчезает. Звучит дедуктивная музыка. На сцене появляются мафиози в черных очках и куртках.

СЕРАФИМ (*испуганно*). Ой! Где у меня портрет, труды вождя? Сейчас все исправлю!

1-й МАФИОЗИ. Ты чего макулатуру достаешь?

СЕРАФИМ. А вы разве не из ЧеКа?

2-й МАФИОЗИ. Ну насмешил! ЧеКа и КГБ — все давно уж отменили!

СЕРАФИМ. А-а... не знал!.. Тогда попрошу вас, товарищи, в общую очередь!

1-й МАФИОЗИ. Ну ты совсем того, папаша! Чтобы мафия да в очередь! (*Ходит по сцене*.) К тому же мы на минутку заглянули.

2-й МАФИОЗИ. Босс прислал! Условия проверить... Какова обстановка? Вместимость? Сколько душ за раз принять можешь?

1-й МАФИОЗИ (*заканчивая обход*). Так... непорядок у тебя тут! (*Водит пистолетом*.)

СЕРАФИМ. Ах, извините, не признал! Так времена круто меняются! Не успеваю в запарке! Секундочку, секундочку... Все исправим! (*Разгоняет души по углам*.) Пожайлуйста! Добро пожаловать!

2-й МАФИОЗИ. Успеется!

1-й МАФИОЗИ. Вот , совсем другое дело! Приемка душ налажена. Теперь можно и на разборку ехать! Готовьсь, папаша, штук этак полсотни к тебе отправим!

2-й МАФИОЗИ. Ох и постреляем! Тра-та-та!

1-й МАФИОЗИ. За мной, братаны!

Уходят.

СЕРАФИМ. Уф! Тяжело стало работать... Устал! (*К душам*.) А вы чего уставились? Все! На сегодня прием закончен!

ДУША. Простите , но я умерла сегодня в 23 ноль-ноль.

СЕРАФИМ. Безобразия! Опять сверхурочные! Ну и бардак у вас на земле! Договаривались же с начальством, чтобы временно прекратили народ морить. Разве ваш президент не издавал указ?

ДУША. Может, и издавал, да Дума отменила...

СЕРАФИМ. Нет! Совершенно невозможно работать! Все! Ничего не знаю — всех погружаю во мрак! Перерыв!

Затемнение . Ковчegov спит в кресле, тревожится, беспокоится. Серафим сидит в соседнем кресле. Полумрак.

КОВЧЕГОВ (*открывает глаза, видит Серафима*).
Шуточки у тебя дурацкие!

СЕРАФИМ. Видишь ли, душу этого вашего начальника в небесной канцелярии все утвердить не могут, а я от безделья маюсь... слоняюсь тут...

КОВЧЕГОВ. Угу! (*Пробует закурить, чиркает спичкой, руки трясутся.*)

СЕРАФИМ (*услужливо щелкает зажигалкой*). Не обижайся! Ну побаловался с твоей душой скуки ради, а ты так близко к сердцу принял! Сам же тогда на кладбище хотел еще что-нибудь узнать.

КОВЧЕГОВ (*примирительно*). Ладно... А рай у вас, надо сказать, не позавидуешь! . . Да и порядки...

СЕРАФИМ. А что порядки! Такие же, как у вас! Помню, в 37 году началось! Умер кто-то из высших чинов, ну мы его душу в ад потащили, а чекисты по дороге нам засаду устроили...

КОВЧЕГОВ. Постой-постой! Какая засада? Какие чекисты? Как они проникли?

СЕРАФИМ. Ну ты даешь! Да для них тогда никаких преград не существовало, как вон для этих... сейчас... В общем, схватили чекисты меня, кричат, пистолетом тычут. Не позволим, говорят, такого важного человека — и в ад! . . Эх! . . Евангелие отобрали, всучили труды Вождя, по его писаниям и велели судить... Да что рассказывать, дело прошлое, только вот так и живем...

КОВЧЕГОВ. Д-а... не ожидал, что и вас тоже... Я себе рай другим представлял.

СЕРАФИМ. Рай? А почему ты решил, что это была очередь в рай? Я же совместитель, забыл? . . Да до рая-то вам еще добираться и добираться... Экий ты прыткий!

КОВЧЕГОВ. Не поймешь тебя!

СЕРАФИМ. Вас, людей, тоже понять непросто. Запутались совсем. Но скажу по секрету: души-то к нам поступают прежние!

КОВЧЕГОВ. Как это?

СЕРАФИМ. А вот так: ни в Бога, ни в черта! Как раз для меня, для совместителя! (*Грозно хохочет.*) Ну спи! А я к тебе еще загляну... загляну...

Уходит.

КОВЧЕГОВ. Что же это... неужели все так?!. Боже мой, какой кошмар!

Вспыхивает свет. Ковчegov окончательно просыпается.
Появляется Вера.

ВЕРА. Саша!

КОВЧЕГОВ (*тревожно*). А?.. Что?.. Неужели и там такое?

ВЕРА. Да очнись ты! Ужинать будешь?

КОВЧЕГОВ. Ой, Вера, это ты?

ВЕРА (*как с ребенком*). Ну, что ты, успокойся... ты переутомился.

КОВЧЕГОВ. Знаешь, мне такое приснилось... такое... про загробную жизнь...

ВЕРА. Тс-с! Не надо, не рассказывай!

КОВЧЕГОВ. Почему?

ВЕРА. Примета дурная. Мне бабушка говорила. Наше дело здесь жить по-праведному, тогда и ТАМ все будет хорошо...

КОВЧЕГОВ. Ох и мудрая у тебя бабушка!

ВЕРА. Так ей еще прабабка сказывала! (*Смеется.*) Ну, что, пойдём ужинать?

КОВЧЕГОВ (*бодро*). Пойдем! Я ужасно голоден!

ВЕРА. Вот это нормальные мужские слова!

КОВЧЕГОВ. И не только голоден! (*Обнимает Веру за плечи, та увертывается. Оба убегают.*)

Квартира Ковчegovых. Собрались друзья. Отмечают день рождения Саши. Разгар веселья. Музыка. Танцы.

СЕРГЕЙ. Саша, с днем рожденья!

ЛЕНА. Дай я тебя поцелую! (*Обнимаются.*) Верочка, отвернись!

ВЕРА. Ой, Ленка, ты все такая же неугомонная! Нужны ему твои бабские причуды!

КОВЧЕГОВ (*игриво*). Отчего же...

ВЕРА (*продолжает*). Он у меня теперь серьезным стал, загробным миром интересуется.

СЕРГЕЙ. Чем-чем?

ВЕРА. Познакомился с одним типом — совместителем. Третий день сам не свой ходит...

КОВЧЕГОВ. Да полно, Вера! Сама же говорила, что глупости все это...

ВЕРА. Говорила, да ты не послушал!

ЛЕНА. Ребята, не ссорьтесь... Я вас всех люблю!

КОВЧЕГОВ. Давайте за любовь и выпьем!

ЛЕНА. Ура!

Выпивают.

Звонок в дверь. Вера открывает. Входит Межбогов в мокром плаще.

СЕРАФИМ. Извините великодушно! Вот забрел на огонек.

КОВЧЕГОВ. Легок на помине! Ну и сюрприз! Сам Серафим Межбогов на мой день рожденья пожаловал! Милости просим!

СЕРАФИМ. Покорнейше благодарю! Бр-р! Холодина на улице... Осень...

ВЕРА. А вы извольте рюмочку! Или у вас ТАМ нельзя?

КОВЧЕГОВ. Да, верно, угощайтесь!

СЕРАФИМ. Отчего же, не откажусь... У нас ведь все, как и у вас... *(Выпивает.)* Эх!.. Двоих даже недавно наказали за алкоголь... В прах рассыпали.

СЕРГЕЙ. Так строго?

СЕРАФИМ. А что?

СЕРГЕЙ. Ну, могли бы закодировать... или гипнозом...

СЕРАФИМ. Вот еще, возиться! Легче нового создать!

СЕРГЕЙ. А вот у нас более бережное отношение. В наш город экстрасенс-хилер пожаловал. Последнее достижение науки: без ножа алкогольную печень достает, в тазу промывает, затем на место устанавливает и...

СЕРАФИМ. Пей снова, Вася! Сколько душа пожелает! Знаю я вашего целителя. Он из наших.

КОВЧЕГОВ. Простите, из каких?

СЕРАФИМ *(указывает вниз)*. Оттуда.

КОВЧЕГОВ. А-а... понятно.

СЕРАФИМ. А там *(указывает вверх)* ... Там подход радикальный — раз и в прах! *(Вздыхает.)* Меня вот увольнять собираются... Пора, говорят, твою лавочку закрывать, не те, мол, времена, методы работы устарели... Позвольте еще с горя?!

ВЕРА. Пожайлуста!

Серафим выпивает.

ЛЕНА *(подсаживаясь к Межбогову)*. Да вы не отчаивай-

тесь!

СЕРАФИМ. И за что?! За начальника этого вашего! Я его, как положено, через товарищеский суд провел, затем через партбюро... А они свое — устарел! . . . Эх!

ЛЕНА *(подливает Серафиму)*. Да вы угощайтесь, угощайтесь!

СЕРАФИМ. Благодарю! . . . И что получается: и там, и там — все недовольны! Требуют перестройки, реформ! Увольнением грозят! А как в такой суматохе за вами, людьми, поспевать?! Вы чего только ни напридумываете! ... Хорошо им ТАМ рассуждать! Вон ангелы, в грязи не запачканы, на идеалах, как на дрожжах, по верхам парят... Ну ладно, думаю... А эти-то, внизу, чего всполошились? Им-то чего надо? Так нет, туда же! Котлы на газ перевели, молоко от домовых за вредность собирают, не условия, а благодать... Им, видишь ли, физических мук мало! Им, видишь ли, д у ш е в н ы е муки подавай!

ЛЕНА. Безобразие!

ВЕРА. А я считаю, они правы. Как же без душевности-то?

ЛЕНА. Физическое мучение сильнее! Мне вот вчера зуб сверлили — чем не ад?!

КОВЧЕГОВ *(одергивая)*. Елена!

ЛЕНА. Ну что! Дай пообщаться с интересным собеседником! Господин Межбогов, а правда, что вы чудо можете сделать?

СЕРАФИМ. И вы туда же... Эх, устал!.. Неприятности... Пришел, думал, отдохну у вас, послушаю чего, может, пользу извлеку, а вы... эх...

КОВЧЕГОВ. Да вы не обращайтесь внимания! Лена, она хоть и взбалмошная, но человек хороший... иногда!

СЕРАФИМ. Ну ежели для хорошего человека, то извольте!

ЛЕНА *(хлопает в ладоши)*. Браво, душечка! *(Чмокает Межбогова.)*

Серафим Межбогов медленно встает, делает магические движения, гипнотические пассы. Звучит музыка.

СЕРАФИМ *(щелкает пальцами)*. Все!

ЛЕНА. Что?

СЕРАФИМ. Чудо свершилось.

ЛЕНА. Какое?

СЕРГЕЙ. Да?

СЕРАФИМ. А у меня голова перестала болеть!

ЛЕНА (*разочарованно*). Фи!

СЕРГЕЙ. Тоже мне чудо...

СЕРАФИМ (*блаженно*). Хорошо-то как! Целый день болела-болела, мучился-мучился и... как рукой сняло. (*Встряхивает в сторону зала.*)

КОВЧЕГОВ. И что теперь?

СЕРАФИМ (*беспечно*). А-а... пустяки, теперь не у меня, а у кого-то заболит. Диалектика. Ничто не исчезает бесследно.

ВЕРА. Ну и нахал! Ну и тип! (*К Ковчегову.*) Кого это ты в дом пускаешь!

КОВЧЕГОВ. Верочка, такой уж он... я тебе говорил...

СЕРАФИМ. Ага! Равнодушный и безразличный! Ни два ни полтора! И вашим и нашим! Совместитель я!

ВЕРА. Ну и правильно, что вашу лавочку прикрывать собрались!

СЕРАФИМ (*притворно*). Какой я несчастный! Ой-ой-ой!

ЛЕНА. Да что вы расстраиваетесь! У нас тоже безработных навалом!

СЕРГЕЙ. Может, вам пособие какое дадут на первое время!

ВЕРА. Да вы что, ребята! Нашли кого жалеть! Опомнитесь! Закроют его лавочку — и слава Богу!

КОВЧЕГОВ. Вера, все-таки гость, неудобно. Серафим, а может, верно вам отдохнуть?

СЕРГЕЙ. У нас многие не прочь. Что зарплата, что пособие — все одинаково!

СЕРАФИМ. Отдохнуть! Да в вашей Богом забытой стране — ни покоя, ни отдыха! Работы невпроворот! Это я так, сантименты развел! Тоже мне, отдохнуть предлагают! Мы все отдохнем, увидим небо в алмазах, как сказал один хороший человек...

КОВЧЕГОВ. Я что-то не пойму. Вы нас пугаете?

СЕРАФИМ. Сейчас никого ничем не испугаешь. Я предупреждаю! (*К Ковчегову.*) Вот ты, Саша, о чем мечтаешь?

КОВЧЕГОВ. Ну!

СЕРАФИМ. Себе новую куртку справить, а жене — сапоги.

КОВЧЕГОВ. Насчет мечтаешь — ты загнул! Необходимость, не голым же ходить!

СЕРАФИМ. Во-во! (*К Вере.*) А жена твоя, Вера, все ни-

как не может решить: заводить вам ребеночка или нет?

ВЕРА. А что, нищету прикажете плодить?! Да и вообще, это наше личное дело, и с вами советоваться я не собираюсь!

СЕРАФИМ (*к Лене*). А вот Леночка, душечка! (*Учтиво берет за руку и дерзко закручивает, отталкивая.*) Замуж спешит выскочить! Время подошло, возраст...

Лена в слезах отходит. Вера утешает.

А Сережа! Ха-ха!.. Сережа!..

СЕРГЕЙ. А ты меня не трогай. Как-нибудь без ясновидящих обойдусь!

СЕРАФИМ (*продолжает куражиться, возвращается к Ковчегову*). Ну вот приходи я сейчас за тобой! Что ты ТУДА возьмешь, а что здесь оставишь?! Барахло! Куртку новую!

КОВЧЕГОВ (*твердо*). Я перед тобой исповедоваться не намерен!

СЕРАФИМ. Да я не про то! Еще древние говорили: помни о смерти! Вот если б помнили, может, и жили бы по-другому!

КОВЧЕГОВ. Жили! Да мы не живем, мы выживаем! Время такое!

СЕРАФИМ. Время! У нас у всех время!.. Кстати, оно у меня тоже кончается! Так что пойдем, проводишь меня!

КОВЧЕГОВ. Пойдем.

ВЕРА. Саша, у нас гости! А ты идешь неизвестно куда и неизвестно с кем!

СЕРАФИМ (*к Вере и гостям*). Он меня т о л ь к о проводит!

КОВЧЕГОВ. Я быстро, Вер!

ВЕРА (*с тревогой*). Саша, только недолго!

Затемнение. Межбогов и Ковчегов в углу сцены.

КОВЧЕГОВ. Ну что, собственно, тебе надо от меня, святой дьявол?

СЕРАФИМ. А ты побеспокойся! Побеспокойся!

КОВЧЕГОВ. С чего это вдруг побеспокойся? Живешь себе, ни сном ни духом, и на тебе — явился какой-то и: побеспокойся! (*Пауза.*) ...Ты... что... смотрел мое расписание?.. И скоро мне?

СЕРАФИМ. Ну скоро, нескоро — не скажу. Служебная тайна! Да раз уж я тут к вам попал, то могу репетицию устроить! (*Зловеще хохочет и исчезает.*)

КОВЧЕГОВ. Эй, Серафим! Ты где? Какая репетиция?!

Вспыхивает и гаснет свет. Ковчегов блуждает в мире теней. Тени зловеще обступают его, как бы засасывают и уводят за собой. Появляется Межбогов.

СЕРАФИМ. Следующий!

ДУША (*растерянно, ослеплена прожектором*). Где это я?

СЕРАФИМ. Померла!

ДУША (*рыдает*). Ой-ой, как же так!

СЕРАФИМ. Не расстраивайся, раба Божья! Все смертны!

ДУША. Да я не об этом. Неужели я так и не узнаю?

СЕРАФИМ. Чего?

ДУША. Найдет она своего потерянного ребенка?

СЕРАФИМ. А-а... ясно! Не волнуйся, найдет! В 301 серии!

ДУША. И они, наконец, поженятся?

СЕРАФИМ. Да, разумеется. В 415 серии.

ДУША. Ну спасибо! Вот обрадовал! Теперь и умирать не страшно!

СЕРАФИМ. А меня еще закрывать собрались! Да мне в пору филиалы открывать! Давай, раба Божья, проходи... и следующий!

Появляется душа, оболваненная рекламой.

ДУША. Сделал дело — ешь «Марс» и «Топик» смело!

СЕРАФИМ. Ой, кто к нам пожаловал! Как я рад!

ДУША. У «МММ» — нет проблем!

СЕРАФИМ. Какая прелесть! В рай хочешь?

ДУША. Райское наслаждение — это «Баунти»!

СЕРАФИМ. Умница! Все-то знает, все понимает! Ну и последний к тебе вопросик: для чего человеку детки?

ДУША. Чтобы смазывать им попки кремом «Джонсон и Джонсон»!

СЕРАФИМ. Bravo! Проходи, дорогой! Будет тебе и райское наслаждение, и «Сникерс» с «Марсом»!

Душа исчезает. Тут же появляется следующая.

ДУША (*голосом «видика», растягивая слова*). ...дай ему в жирную харю... вот так... хрясть... Ну ты, козел, вали отсюда! Мать твою! ... Дерьмо-о-о! А-а-а! Какие телки!

СЕРАФИМ. Позвольте спросить?

ДУША. Иди ты... Я еще седьмую часть не досмотрел!

СЕРАФИМ. Ну конечно, конечно. Не будем мешать! Проходи!

Вспыхивает свет, душа исчезает. Появляется «челночница» с огромными сумками.

ЧЕЛНОЧНИЦА. У-ф! Устала! Где это я?

СЕРАФИМ. Умерла!

ЧЕЛНОЧНИЦА. Иди врать-то!

СЕРАФИМ. По дороге из Турции в Россию. И вот эти... сумки, баулы — они теперь тебе ни к чему.

ЧЕЛНОЧНИЦА. Как это! Да здесь товару не на один «лимон»! Нашел дурочку!.. (*Разглядывает Серафима.*) ...Ой, слышь, ты что одет-то как?

СЕРАФИМ. Что как?

ЧЕЛНОЧНИЦА. Старомодно. Совсем как доперестроечный.

СЕРАФИМ. Ну вот, дожил! И эти уже обвиняют!

ЧЕЛНОЧНИЦА. Не расстраивайся! Я тебе сейчас мигом современный прикид организую... есть у меня курточка... что надо! За пятьсот отдам!

СЕРАФИМ. Да ты чего! Грабеж среди бела дня!

ЧЕЛНОЧНИЦА. Ладно-ладно, уступлю! . . Так... теперь обувка... Восемьдесят и ни-ни... никаких уступок!

СЕРАФИМ. Да я...

ЧЕЛНОЧНИЦА. Бери пока дают, не покаешься! Сносу нет!

СЕРАФИМ. Да я не об этом! Ты же померла!

ЧЕЛНОЧНИЦА. Отстань ты со своей смертью! Не до пустяков! Берешь или нет?

СЕРАФИМ. Беру!

ЧЕЛНОЧНИЦА. Сразу бы так! Совсем другое дело... Слушай, а тут еще кто-нибудь есть?

СЕРАФИМ. Да. Вон за той дверью!

ЧЕЛНОЧНИЦА. Эх, мне бы к вам пораньше попасть! Такой рынок сбыта! (*Игриво Серафиму.*) Шалун!

Исчезает за дверью.

Появляется бизнесмен. Стоит заносчиво. Серафим обходит его кругом.

БИЗНЕСМЕН (*с превосходством*). Вы тут управляете?

СЕРАФИМ. Допустим.

БИЗНЕСМЕН. Ну и долго я буду ждать?

СЕРАФИМ. Чего?

БИЗНЕСМЕН. Соответствующего моему положению обхождения.

СЕРАФИМ. Не понял.

БИЗНЕСМЕН. Насколько мне известно, я скоропостижно и в расцвете сил...

СЕРАФИМ. Ну, допустим...

БИЗНЕСМЕН. Тупой какой-то... Я же обо всем позаботился. Даже об этом... В общем, давай меня сразу к своему начальству и в рай, и чтобы без очереди и без этого... как его... Страшного суда!

СЕРАФИМ. Это почему же?

БИЗНЕСМЕН. Нет, определенно, тупой! Ты в список-то загляни, там все мои пожертвования!

СЕРАФИМ. Ах, вы из современных! Из бизнесменов!

БИЗНЕСМЕН *(самодовольно)*. Ну!

СЕРАФИМ. Простите, не признал! Это вы, значит, на восстановление храма, писателям, художникам... детишкам... *(Роняет слезу.)* Золотой ты наш! Такие люди помирать начали! Что же у вас там делается! Экое безобразие! *(Другим тоном.)*... А все учел в списокке? Ничего не забыл?

БИЗНЕСМЕН. Обижаешь!

СЕРАФИМ. И чего в Евангелие писали: да не знает правая рука, что делает левая?

БИЗНЕСМЕН. Устарело все!

СЕРАФИМ. Не скажите... Хотя все так бурно меняется...

БИЗНЕСМЕН. Вижу, ты парень толковый, договоримся. *(Прохаживается.)* А обстановочка у тебя в офисе не блеск!

СЕРАФИМ. Фондов нет.

БИЗНЕСМЕН. Что же не сказал? Организуем. Гарнитур из черного дерева с инкрустацией...

СЕРАФИМ. Какой добрый!

БИЗНЕСМЕН. Пустяки.

СЕРАФИМ. Не скажите! Одна приятность в обслуживании. А то все голь да нищета помирает...

БИЗНЕСМЕН. Будет тебе, будет! *(Треплет Межбогова по плечу.)* ...Слушай, а может, ты мне это... ВОСКРЕШЕНИЕ из мертвых устройшь?

СЕРАФИМ *(смущенно)*. Ну, сами понимаете, нелегко...

БИЗНЕСМЕН. Да ты неменьжуйся! Заплачу!

СЕРАФИМ. Тут не в одних деньгах дело.

БИЗНЕСМЕН. А-а, брось! Все покупается и продается!

СЕРАФИМ. Вы меня неправильно поняли. Скажем, зачем вам воскресать? Разве мы вас обидели? Разве вам здесь плохо?

БИЗНЕСМЕН. Гм-м! Верно! Лады... Так куда, говоришь, проходить?

СЕРАФИМ. Сюда, пожалуйста! Такие люди! *(Провожает бизнесмена и тут же возвращается.)* ...Я тут никого не забыл? . Ах да! Репетиция! Репетиция, театр — баловство все это... Хотя не зря в Евангелие сказано: «Какою мерою мерите, такую и вам мерить будут!» *(Громко.)* Эй! Отпустите его!

БИЗНЕСМЕН. Куда ты запропастился? Долго я буду ждать?

СЕРАФИМ *(подобострастно)*. Иду-иду! Такие люди умирают! Такой клиент пошел!

Затемнение.

Саша Ковчegov блуждает среди теней. Голос жены: «Саша?» Тени отступают.

Вспыхивает свет. Саша Ковчegov сидит на могильной плите, перечитывает надпись.

КОВЧЕГОВ. « Я — дома, ты — в гостях... Подумай о себе...»

Подходит Вера, берет Сашу за руку и молча уводит.

Навстречу идет Серафим Межбогов. Разминуются, не замечая друг друга.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА
 ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ
 ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ } одинокие пенсионеры, соседи
 по коммунальной квартире
 ГРИГОРИЙ — агент фирмы «Эвтаназия»
 ПАЛ ПАЛЫЧ ГОРДУМОВ — человек у власти
 СТЕПАН — человек мафии
 ПРОФЕССОР
 ДВА ПОМОЩНИКА ГОРДУМОВА

ПЕРВЫЙ АКТ

Коммунальная квартира в старинном особняке, просторное помещение, приспособленное под кухню: высокие своды с сохранившимися кое-где лепными украшениями. Три отдельных стола. Слева — три двери. В глубине сцены — два больших арочных окна. Из своей комнаты выходит Иван Алексеевич, в халате, домашних тапках. Наливает из крана воду, ставит кастрюлю на газовую плиту. Достает из своего стола соль, сахар, затем мешочек, на дне которого крупа.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (*вздыхая*). Запасал, запасал... Думал, до конца перестройки хватит... Эко завернуло: крупа на исходе, а порядка все нет...

Из другой двери появляется Петр Константинович. Одет по-домашнему. В руках — пакет. Также собирается готовить завтрак.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ (*к Ивану Алексеевичу*). Компривет!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Здравствуйте, Петр Константинович!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Эх, Ваня, сколько лет живем в этой коммуналке, а все никак не приучу тебя по-простому обходиться!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Теперь моя очередь настала, Петр Константинович, хорошим манерам обучать, да, честно говоря, что-то вот желания не испытываю. Я уже привык к вам.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. А я к тебе, Ваня... (*Заглядывает в кастрюлю к Ивану Алексеевичу.*) Каша на воде! Говорят, от атеросклероза помогает.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Не только. Еще и «червячка» заморить возможно... А вы на сей раз чего в кулек насыпали? Рис? Греча?

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Не угадал! Не угадал! У меня, Ваня, здесь пирожки! С печенкой!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Боже мой! Откуда?

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. С благотворительного обеда! (*Разворачивает кулек.*) Садись, угощайся! (*Пьют чай.*)

Я тебе, Ваня, скажу, что наша власть, она никого не обижает, особенно трудящегося человека. Вот видишь, обеды бесплатные! Талонки на баню обещали выдать, льготы на транспорте...

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Справок-то много под это дело насобирали?

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Оно, конечно, пришлось побегать.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. А у меня здоровья нет.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Хочешь, я и на тебя талонки оформлю? Я, Вань, шустрый еще!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Увольте, Петр Константинович! Пирожком угощусь и довольно мне, и на том спасибо.

Берет еще пирожок.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ваня, ты радио сегодня слушал? Как там, в Кремле?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Пенсию обещают выплатить.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Что я говорил! Уважают нас!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Угу! Как в старом анекдоте! Пришел бедный еврей к раввину и говорит: «Живу в подвале, десять детей, жена, больная теща! Сил больше нет!» А раввин ему советует: «Купи козу!» Еврей удивился, но все сделал как велели. Прошел месяц, опять приходит к раввину: «Что вы мне посоветовали? Совсем житья не стало: жена, десять детей, больная теща, квартира тесная, воздух спертый, а тут еще и коза!» Мудрый раввин отвечает: «А вот теперь продай козу!» Еврей козу продал, на следующий день прибегает к раввину, весь радостный, довольный — хорошо-то как стало без козы!

Вот так и наше правительство с нами поступает: пенсия маленькая, жить на нее невозможно, и вдруг и ее-то не выдают, совсем житья нет! Месяц проходит, другой, и надо же — выдали! Радость великая! Продали козу!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ой, Ваня, всегда ты так! Они же стараются, за народ радеют.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Не знаю, не знаю...

Появляется Евдокия Васильевна в сопровождении агента Григория, идет в свою комнату. Григорий несет за ней коробки с иностранными этикетками.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*к Григорию*). Эти коробки на кухне оставь, а эти, пожалуйста, в комнату!

ГРИГОРИЙ. Слушаюсь, Евдокия Васильевна!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*к старикам*). А-а... соседи... Как живем?

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Завтракаем, Дуся, чем Бог послал.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*заглядывает к ним*). Не гус-

то!.. Григорий! Угости их «Кока-колой» от моего имени... да добавь там еще какую-нибудь баночку!.. Ах да! Я вам не представила! Это Григорий — агент фирмы «Эвтаназия»!

Григорий молча откланивается, достает бутылку с «Колой», банку с яркой этикеткой. Ставит перед стариками.

Хорошо, Григорий. Ступай!.. (*Тут же останавливает его.*)

Да! Во сколько у меня сегодня доктор... эта ваша знаменитость... профессор?

ГРИГОРИЙ. В двенадцать ноль-ноль!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Передай, чтобы не опаздывал! Не люблю, когда врачи опаздывают!

ГРИГОРИЙ. Передам!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ну, теперь ступай! (*Вновь возвращает его.*) А протезирование зубов у нас когда назначено?

ГРИГОРИЙ. На завтра в пятнадцать часов.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Не забыть бы!

ГРИГОРИЙ. Я позабочусь.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Уж будь голубчик, позаботься... Фу, устала!.. Столько дел... хлопоты... Сердце аж прихватило от волнений! Пойду прилягу.

Евдокия Васильевна и Григорий уходят.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Видал?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Да-а... дела... Нашу Евдокию Васильевну словно подменили! Раскомандовалась! Кто бы мог подумать?

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. И этот тип подозрительный. Агент какой-то «Эвтаназии»...

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Эвтаназия... Эвтаназия... Где-то я это словечко слышал. Из новомодных, наверное? Сейчас люблю иностранщиной щеголять... Пойду в словаре посмотрю. (*Уходит.*)

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ (*убирает со стола*). Подозрительное дело... (*Заглядывает в коробки, оставленные Григорием.*) Мать честная! Банки, пакеты! Все ненашенское! В упаковках! Ага... (*Разглядывает.*) Салями датская!.. Сыр рошфор!.. А здесь чего? Не разобрать! Маде ин Аустрия... корова нарисована, крупинки белые... а-а, поди молоко сухое!.. Ну Дуся! Ну влипла!.. А бутылок этих... с «пепсой» штук десять... Е-мое! В одной коробке на две моих пенсии! Так еще в комнату относили!.. Ого! Тут надо действовать, а не словари чи-

тать! Пойду-ка разузнаю про эту фирму, как там ее... «эвтаназию»! *(Надевает плащ, уходит.)*

Звонок в дверь. Выходит Евдокия Васильевна, открывает. На пороге агент Григорий с цветами.

ГРИГОРИЙ *(слащаво, любезно)*. Простите, Евдокия Васильевна, но я вам цветы принес! В знак оформления контракта с нашей фирмой.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Уф-ф! Только вздремнула...

ГРИГОРИЙ *(вручая букет)*. Еще раз простите великодушно! Фирма дорожит своими клиентами.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Дорожит, дорожит, а сам с постепи поднял!

ГРИГОРИЙ. И об условии нашем еще раз напомнить разрешите!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Не сомневайся, не сомневайся! Уговорю я своих соседей. Подпишут и они, дай срок!

ГРИГОРИЙ. Так мы надеемся?

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ступай!

Григорий уходит. Евдокия Васильевна берет цветы, вдыхает аромат.

А приятно! Давно никто цветов не дарил! *(Напевает, ставит цветы в вазу.)*

Появляется Иван Алексеевич со словарем в руках.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ *(листая книгу)*. Эволюция... зврика... эвритмия... эстетика... эвфемизм... Нет, не найду!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. А что вы ищете, Иван Алексеевич?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Да вот заинтересовался названием фирмы вашей — «Эвтаназия». В третьем словаре смотрю — нигде нет.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Так меня бы спросили.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. И верно.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Они мне объясняли, это что-то наподобие добровольного ухода из жизни с помощью науки. В медицине применяется...

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Значит, надо в медицинской энциклопедии посмотреть.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Иван Алексеевич, постойте!.. Неважно, как это называется!.. *(Смущенно, робко.)* Я...я с ними договор заключила, что в случае моей смерти мое иму-

щество, моя комната — все достанется этой самой фирме... вот...

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Вы с ума сошли! Они же вас теперь убьют! В серной кислоте растворят! В проруби утопят!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Какие ужасы вы говорите! Культурные, вежливые люди.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Вы что, газет не читаете? Это же сейчас самый распространенный вид преступления!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Не знаю, не знаю... Мне кажется, они на такое не способны. Видели Григория? Приятный молодой человек!.. Ах, какие цветы!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. О Боже! Наивная душа!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Между прочим, в договоре четко указано, что сделка недействительна в случае насильственной смерти клиента, исчезновения бесследно и так далее, и тому подобное... А еще они обещали уход за мной, медицинское обслуживание, питание — все бесплатно... вплоть до моей *(всхлипывает)* кончины... И даже похороны — за их счет!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Вот похороны — это уж точно! Не ожидал от вас такого легкомыслия!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. А мне наплевать! Будь что будет, зато перед смертью радостью жизни насладиться. Хватит, пожила в нужде... Ой, Иван Алексеевич! У меня прямо другая жизнь началась! Весело! Легко! Никаких забот! Представляешь, подъезжаю я на такси к нашему магазину...

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Ну!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. На такси к нашему магазину!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Ну!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да не «ну»! Одинокая пенсионерка на такси за бутылочкой кефира подкатила, а! Каково! Да если б я на метле подлетела, и то бы такого эффекта не было! А тут... с продавщицей Лизкой аж дурно стало!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. С продавщицей Лизкой? Не может быть!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Наконец-то удивился! А уж я-то как душу отвела! Эх, Иван Алексеевич, теперь и помереть не жалко!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Гм! Это надо ж! С Лизкой и дурно!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Иван Алексеевич, может, и

вы за компанию договорчик с этой фирмой заключите?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Чтобы вместе на такси за кефиром ездить? Увольте!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Можно и за книгами... К вашему... как его... букинисту... Фирма заинтересована: чем больше вы редких книг купите, тем больше им достанется после... вашей смерти...

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ *(с раздражением)*. Евдокия!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Прости, Господи, но все смертно!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Однако нельзя же об этом через каждые пять минут повторять!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Хорошо, больше не буду!.. Иван Алексеевич! С вашим-то вкусом такую шикарную библиотеку собрать можно!..

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Кому? Жуликам!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. А что, жулики, по-вашему, не люди, что ли?! Им тоже хочется прекрасного, вечного... Вот он обманывает целый день, вечером придет домой усталый, ляжет на диван: по телевидению — ужасы, порнография... И тут ему томик из вашей библиотеки...

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Да-а, Евдокия! Если бы я тебя столько лет не знал, то точно решил, что крыша у бедненькой поехала!.. Милочка, чем такую чушь пороть, лучше прямо скажи: что надобно?

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Обещала я, Иван Алексеевич!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Что?

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Вас, мол, уговорю с Петей. Им, видишь, вся наша коммуналка нужна!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Ах вот оно что! Остался маленький пустячок: чтобы мы не только подписали, но еще и умерли все разом!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ой! Я об этом как-то не подумала!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Пустяки! Мелочи жизни!

Пауза.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Все равно — жалко!.. Как красиво начиналось... Я в ателье такой блузон заказала! Вы с Петей в обморок упадете. *(Вздыхает.)*

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Ты огорчена?

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да нет, что вы...

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Я вижу!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да нет, что вы...

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Ну хочешь, ради тебя все подпишу?

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. А вот этого не надо!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Почему? Что мне эта жизнь? Даже с великим удовольствием! Лишь бы тебе было приятно!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Нет, нет, нет... Зачем такие жертвы! Если бы по-нормальному подписал, ну там из-за книг или еще из-за чего... А так... на чувствах играть... Нечестно!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ *(встает на колени)*. Да я искренне!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Оставьте!

Появляется Петр Константинович.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ага! Не успел я за порог, как этот тихоня уже в любви признается!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. А когда же мне объясняться? В твоём присутствии, что ли? Так ты слово не даешь вставить! Как сам по пять раз на день объясняешься, так ничего, а как я раз в месяц... ну в неделю... так сразу шум!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Дуся, я тебя люблю, но об этом после! Разузнал кое-что про фирму эту «Эвтания»! Странные вещи происходят: с виду, вроде бы, все честно, порядочно: и кормят стариков, и ухаживают, и докторов водят... Но с кем договор ни заключат, глядишь — вскорости и... того... И самое интересное, своей собственной смертью, так сказать!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Вот и я Евдокии Васильевне говорю — нечистое дело! А она, слышь, еще нас с тобой агитирует договор с фирмой подписать!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Дуся, верно?!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Не ожидал! Я, понимаешь ли, бегаю, хочу спасти тебя от жуликов, а ты... ты мне предлагаешь! Нет, это уже выше моих сил!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. А Иван Алексеевич уже почти согласился.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ваня, и ты? Предатель!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Да я, собственно...

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Эх, братцы! Вот что я вам скажу: надо вывести этих жуликов на чистую воду! Надо во

всем разобраться! Не на тех напали!

Раздается звонок в дверь.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*смотрит на часы*). Это доктор!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ага! Начинается! Вот что я вам скажу: после визита этого профессора бабка Матвейха из соседнего дома, та самая, которая на свой пятый этаж побыстрее молодого влетала, как начала лекарства принимать по его рецептам, так через месяц... того... загнулась... А одна старушенция, мне сказывали, так и вовсе... в этот же день!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ой, я боюсь!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Дуся, не бойся! Мы с тобой! Давай, принимай его, только, слышь, ничегошеньки из лекарств не пей! И никаких уколов!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Хорошо! (*Испуганно*.) Ой, Петя!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Иди, открывай! Если что — мы рядом! Ваня, давай садись, как будто мы еще завтракаем!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Обедаем.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ну отсталый ты! У нас второй завтрак — ленч называется!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Ланч!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Не цепляйся! Вон и «Херши» с «Колой» есть, прямо как в Америке!

Садятся за стол. Евдокия Васильевна открывает дверь. Входит профессор.

ПРОФЕССОР. Добрый день!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. З-здравствуйте, профессор! Вы, наверное, ко мне.

ПРОФЕССОР. Очень приятно!.. Да что с вами? Вы чем-то напуганы?

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*быстро*). Ничуть!.. Пустяки!.. Да вы проходите!

Профессор хочет раздеться, не знает, куда поставить сак-воаж. В замешательстве. Петр Константинович вскакивает, помогает профессору.

ПРОФЕССОР. Спасибо!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*показывает на стариков*). Это соседи мои!

ПРОФЕССОР. Очень рад!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. А позвольте спросить: вы настоящий профессор или из этих... новомодных?

ПРОФЕССОР. Не понял...

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ну, оккультизм, магия, чертовщина, экстрасенсорика всякая...

ПРОФЕССОР. Обижаете!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Почему же! Среди них тоже сплошь профессора, доктора наук, академики и ни одного простого врача!..

Вот у меня один такой знакомый тоже величает себя профессором. Вообще-то, он слесарем был, на станке вкалывал, а тут его завод раз и закрыли. Месяц проходит, второй, и вдруг чует он — сила необыкновенная в руках появилась! Думал, от безделья, оказалось — экстрасенсорика! Половину моей пенсии за минуту бесконтактного массажа берет!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да вы его не слушайте, профессор!

ПРОФЕССОР. Отчего же, любопытно!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Вот и я говорю: любопытно! Если б он, допустим, без станка и резца детали из железа вдруг стал выделывать, я бы в чудо поверил! А на людях-то экспериментировать — каждый дурак может! Вот взять наше правительство...

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Петр Константинович!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ах, простите! Чай остывает! Так вы, значит, не из подобных экспериментаторов?

ПРОФЕССОР (*смеется*). Что вы, что вы, дорогой! Не волнуйтесь! Я настоящий доктор медицины, профессор. У меня договор с фирмой! Ах, какие там прекрасные люди работают! Ничего не жалеют для своих клиентов! Пожалуйста, говорят, любые лекарства, любые процедуры, все, что сочтете нужным, назначайте! (*Восторженно*.) Любо-дорого так лечить!

Мечта моя осуществилась, простых пенсионеров курирую! (*К Евдокии Васильевне*.) Голубушка, пройдемте в вашу комнату!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Сейчас!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ (*напоминает*). Дуся!

Евдокия Васильевна оглядывается, но уходит в комнату вместе с профессором.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. А приятный старичок. Интеллигентный!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. То-то и непонятно, что профессор-то, оказывается, настоящий!.. Э-э, давай линчевать!

Открывает бутылку с «Колой», пьет.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Ла-н-ч! Линчуют — негров!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Никто их не линчует! Да и завтракают они по два и три раза... Игры слов не понимаешь! Нашел вот эту... эвтаназию?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Нет.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ой, Ваня, если и найдешь, ничего не поймешь! Сейчас этих словечков развелось — жуть!.. Вот встречаю вчера Михалыча. Веселый такой идет, а под мышкой — сверток. «Чего, — спрашиваю, — несешь?» А он мне радостно этак отвечает: «Эксклюзив из «Московской»!» Ну, грамотей, дошло?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Нет.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. А ты вдумайся! Эксклюзив — это чего?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Самое главное, самая суть.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ну! А суть водки — спирт! Выдали им для промывки контактов!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (*смеется*). Ай да хитрец!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ага! Он и вахтеру так же сказал, тот его и выпустил из проходной! То-то! А ты думаешь, только одно начальство может непонятными словечками делишки темные прикрывать?

Давай теперь этой «Херши» выпьем! Попробуем заморского зелья! (*Пьет.*) Ух! Бр-р!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Ну-ка и я стаканчик! (*Пьет.*)

Выходят профессор и Евдокия Васильевна.

ПРОФЕССОР. Договорились, уважаемая Евдокия Васильевна! Будете принимать лекарства по схеме!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Не беспокойтесь, профессор, буду... (*смотрит на стариков*) наверное...

ПРОФЕССОР. Вот и прекрасно! Возьмите рецепты!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Спасибо!

Иван Алексеевич неожиданно вскакивает и перехватывает рецепты.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Позвольте взглянуть! (*Читает*

вслух.) Так... винпоцетин... ноотропил... церебролизин... сустав... кокарбоксилаза! Батюшки!

ПРОФЕССОР. В чем дело?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Хотя я в медицине и несведущ, но вы-то хоть представляете, что такое кокарбоксилаза для изношенного сердца Евдокии Васильевны?!

ПРОФЕССОР. Укрепляет обменные процессы в миокарде... (*Иван Алексеевич морщится.*) Все по науке!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Но не по жизни!.. Да она никогда, кроме аспирина, ничего не принимала! А вы ей понавывписывали! Да для нее эти ваши блатные лекарства — верная смерть!

ПРОФЕССОР. Но-но! Извольте выбирать выражения! Я двадцать лет консультирую пациентов! И ни каких-нибудь, а самых высших чинов! Меня, в свою бытность, даже сам первый секретарь обкома приглашал!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Вот именно! Там люди привыкли!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Браво, Иван Алексеевич! Молодец! (*Подходит к ним.*) Теперь я начинаю догадываться!

ПРОФЕССОР. О чем?

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Об эвтаназии этой!.. Вы, господин профессор, настоящий эвтанизист и есть!

ПРОФЕССОР. Вы хоть понимаете, что сказали?

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Да! Убийца, использующий достижения современной медицины!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Петр Константинович!

ПРОФЕССОР. Возмутительно! Что за дом! То допрос мне устраивают, то оскорбляют! Я тут стараюсь, назначаю самое лучшее, и на тебе!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Не обижайтесь, профессор! Вас... ваши знания просто очень умело используют... Вы оторвались от жизни, на практике все иначе, поверьте нам... Не всякое, даже лучшее, лекарство помогает...

ПРОФЕССОР (*возмущенно и не прислушиваясь*). Да что вы говорите! Вы сомневаетесь во мне как специалисте?!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Упаси Боже!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ваня, да чего с ним разговаривать!

ПРОФЕССОР. Безобразие! Евдокия Васильевна! Уймите вы их!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ой-ой-ой! Какие мы чувствительные!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Петя!

ПРОФЕССОР. Возмутительно! Черт знает что! *(Одевается. Евдокия Васильевна помогает.)* Прощайте!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Скатертью дорога!

ПРОФЕССОР. Возмутительно! *(Уходит.)*

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. До свидания, профессор! Извините нас! *(После паузы.)* Ну вот, обидели человека! Такой внимательный, обходительный, не то что наш «участковый»!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. А что наш «участковый»? Не уморил тебя за столько лет, и слава Богу.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. И все же, Петр Константинович, напрасно вы так резко... Человек в заблуждении, а вы...

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Да ладно вам... бывает сгоряча, простите, коли чего... *(Оживляясь.)* Теперь вы понимаете, куда мы влипли?!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Понимаю!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. А я — нет!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. И как ловко придумано, а?

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да объяснитесь же, наконец!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Видите ли, Евдокия Васильевна! Весь расчет так называемой фирмы «Эвтаназия» основан на том, что наш российский человек не приучен к нормальному обхождению, к нормальным условиям жизни, к нормальному медицинскому обслуживанию, к нормальным продуктам питания...

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Короче!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Я и говорю! Что если вы живете одинокий, никому не нужный и вдруг кто-то начинает принимать в вас участие, по-нормальному с вами обращаться, а вы с подобным отродясь не сталкивались...

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. То от неожиданности, с непривычки можно запросто и «загнуться»!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Особенно в нашем возрасте!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ой! Это надо же! То-то у меня от вежливости и любезности этого Григория сердце защемило!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ага! Вот она — настоящая эвтаназия по-русски! И никакого криминала!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ *(к Евдокии Васильевне)*. Может, капель сердечных?

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Нет, спасибо! Я посижу! *(Садится.)*

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Да-а! В изобретательности российским проходимцам не откажешь! Никогда бы не подумал, что добрым словом, ласковым обхождением убивать можно!.. *(Подходит к столу, наливает стакан «Колы».)* Переволновался! Во рту пересохло! *(Пьет.)* Ну вот, теперь кажись, желудок расстроился! *(Присаживается, держась за живот.)*

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Вам плохо. Иван Алексеевич?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Пустяки. От мнительности и нервов... Уже прошло. *(Пытается улыбнуться.)*

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Заморская еда и заморские вина — не для вас, интеллигентов! Вмиг несварение желудка разовьется! А мне можно! Я не такое едал, не такое видывал! *(Подходит к столу, ест, пьет.)*

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА *(испуганно)*. Петя, умрешь!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ *(аппетитно жует)*. Слабо!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ой, что же я наделала! Как теперь быть?

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Надо в органы заявить!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. И что же ты им заявишь? Что о тебе заботятся, кормят, лекарствами вон *(берет рецепты)* по последнему слову науки обеспечивают! Нет, здесь надо поразмыслить! Можно кое-что и придумать!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Пожалуйста, Иван Алексеевич, голубчик!

Иван Алексеевич встает, ходит.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Так... так... а пожалуй!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА и ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ *(одновременно)*. Что?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Есть одна идея! Но для начала предлагаю нам с Петром Константиновичем подписать соглашение с фирмой!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ *(поперхивается)*. Чего?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Да-да! Непременно!.. А потом...

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ну уж дудки!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Эх, Петр Константинович! Что же нам, Евдокию Васильевну один на один с махинаторами бросить?

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. И правильно. Хватит моей

ошибки! К чему лишние жертвы!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Никаких жертв! Сейчас я вам все объясню!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ваня, ты прав! Дую я в беде не оставлю!

ЗАТЕМНЕНИЕ

(Конец первого акта.)

ВТОРОЙ АКТ

Та же квартира. Появляется Степан со свертками, расставляет их по столам.

СТЕПАН (*ворчит*). Ну и жизнь настала! Из старого «урки» сиделку сделали. Большое спасибо! Большое пожалуйста! Сюда коробку с импортной колбасой. (*Ставит.*) Травитесь на здоровье! Сюда напитки из химии! Бр-р! Вежливые все, блин. Тьфу! (*Берет нож.*) Скоро до того дойдем, что и грабить вежливо начнем: «Ах! Будьте добры, мадам, вашу шубку и драгоценности! Извините, я вам помогу!» Не по мне это, в натуре!

А ночью! Прибрали к рукам — ни вздохнуть, ни охнуть! Конкуренция! Безработица! Приходится угождать!

Появляется Григорий.

ГРИГОРИЙ. Ты что, Степан, ворчишь?

СТЕПАН. Сколько можно ждать? Скоро месяц будет, а наши подопыт... нет, как это...

ГРИГОРИЙ. Подопечные.

СТЕПАН. Ага!.. Вот... И не думают помирать! Жратву ношу импортную, как и велели! Профессора их лекарствами блатными поят, шмотье всякое покупаю!.. Телек вон на кухне поставил... японский... «Соня»... От одних красок с ума сойти можно, а не от красок, так от реклам чокнешься, — а им хоть бы хны! Живучие!

ГРИГОРИЙ. Вот я и думаю: отчего бы?

СТЕПАН. Предлагал убрать по-тихой! Припугнуть слегка, а дальше природа свое возьмет! Много ли «божьим одуванчикам» надо? В натуре.

ГРИГОРИЙ. Без уголовщины не можешь? Тебе бы убрать, пришить, кокнуть!

СТЕПАН. Проще простого!

ГРИГОРИЙ. Просто только в политике. Там веками ничего не меняется, сначала дружат, потом власть делят. Убийства заказные: ты убьешь, потом тебя. Никакой фантазии! Примитив!.. А у нас расчет тонкий, деликатный! Особняк в центре города на карту поставлен!

И вообще, постыдился бы! У старухи Матвейки, царство ей небесное, на поминках так нажрался на радостях! Чуть фирму не опозорил!

СТЕПАН. Во, блин, связался! (*Расставляет свертки.*)

ГРИГОРИЙ. Не груби!

СТЕПАН. Только и слышу: не выражайся, не матерись! А может, я без этого жить не могу, без своего... этого... менталитета, вот!

ГРИГОРИЙ. Чего?

СТЕПАН. А то! Загнусь вперед ваших стариков! Задолбали! То нельзя, это нельзя! Я тоже человек! Вот матюгнусь, и сразу полегчает!

ГРИГОРИЙ. Да пойми ты, что грубость твоя для наших клиентов привычная атмосфера, бальзам на душу...

СТЕПАН. Чего?

ГРИГОРИЙ. Ну менталитет, по-твоему!

СТЕПАН. А-а... а я думал это что-то матерное...

ГРИГОРИЙ. Наслушаешься всякого и мелешь... Усеки: чем ты будешь вежливее и обходительнее, тем они быстрее... Понял?

СТЕПАН. Угу! Да ты не серчай! Это я с тобой так, в натуре. А с ними я сама любезность, с ними я ни-ни!.. Да я, если надо, даже улыбнуться могу! Вот! (*Расплывается в улыбке.*)

Пауза.

ГРИГОРИЙ. Фу, ну и рожа!

СТЕПАН. А так? Лучше?

ГРИГОРИЙ. Гм-м!.. Словно на картине «Горбачев докладывает товарищу Сталину о результатах перестройки»!

СТЕПАН. Ну сравнил! Я на Горбачева неужто похож?

ГРИГОРИЙ. Я Сталина имел в виду!.. А-а, оставайся как есть! Только не мельтеши и уматывай побыстрее, а то старики вот-вот явятся...

СТЕПАН. Да я чего!.. Мое дело маленькое... (*Уходит, прихватив с собой кое-что со стола.*)

ГРИГОРИЙ (*один*). Ушел. Уголовник проклятый! Впрочем, я не лучше! Да-а... Крепкие старики достались... И за

бавные! *(Берет со стола книгу, листает.)* Гм, томик Чехова. Наверное, Ивана Алексеевича... Почитать, что ли? С института хорошей книги в руках не держал... *(Листает.)* Пойду в комнату, прилягу... Книга — она как женщина, с ней лучше лежа общаться! *(Уходит.)*

Появляются Евдокия Васильевна, Петр Константинович, Иван Алексеевич. Возбужденные. Радостные.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ой, как здорово!
(Кружится.) Жизнь веселая!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Дуся, упадешь!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ах! *(Садится.)*

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Гм-м! Уж больно все гладко...

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Полно, Ваня, ерунда! Ты у нас умница! Экое сообразил! *(Подходит к сверткам.)* Так... посмотрим, что нам сегодня Бог послал?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Не богохульствуй!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ладно, ладно, извини! Так... *(Разворачивает свертки.)* У-у! Колбаса искусственная, заграничная, в упаковке! *(Вскрывает, морщится.)* Фу! Это только псам-бродягам! *(Подходит к окну.)* Глянь, уже собрались! Ждут! Эй! Тю-тю-тю! Ловите! *(Бросает.)* А вон и кот пришел!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Это тот облезлый, который бананы любит?

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ага! Кис-кис-кис! На, держи! Ой, умора! Одной лапой прижал, словно мышь, а другой кожуру очищает!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Смотри, докормишься экзотическими фруктами! Мутация произойдет!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Чего?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. В обезьяну превратится!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Брехня! Вон человека — чем только не кормят, он ни в кого не превращается!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Как знать... Не зря древние говорили: «Хлеба и зрелищ!» А каков хлеб, таковы и зрелища!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ну точно! Жуем все американское и глазеем то же! Скоро в индейцев или в негров ихних превратимся!.. Ну-ка, включу телевизор! *(Подходит к телевизору.)*

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ой, Петя, не надо! Вот уж где сплошная эвтаназия! Даже я, женщина, и то смотреть боюсь!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. А меня не нервирует, даже тонизирует!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ну прошу тебя!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ладно! Займемся другим делом!.. *(Берет бутылки из свертков.)* Так... «Херши»... «Пепси». *(Выливает в раковину.)* Вот чего в них хорошего, так это бутылочки легкие! Воду с родника носить удобно! *(Извлекает из авоськи бутылки, заполненные водой.)* Дуся, организуй чай! Из водицы ключевой! *(Евдокия Васильевна ставит чайник.)* Ваня, доставай!

Иван Алексеевич вынимает из авосек банки, пакеты.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Вот капуста квашеная!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ага! Это мы на ананасы выменяли!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Вот грибы.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Это заместо соуса «Анкла Бенса»!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Вот огурцы.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Это — на бананы. По курсу! Один к трем!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. А вот и картошка!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Да-а... Здесь продешевили! Объяснял-объяснял этому колхознику на рынке, что киви не «синеглазка», — не убедил! Так и пришлось: баш на баш, один к одному!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Зато нормальная еда! Сейчас я вам в катышках поставлю!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ой, Дусенька, что бы мы без тебя делали!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Евдокия Васильевна, не утруждайтесь! Позвольте мне... *(Помогает ей, ставит кастрюлю на газовую плиту.)*

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Это вам спасибо, Иван Алексеевич! Вы придумали, как с этой фирмой сладить: ничего непривычного не делать и не брать!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Подумаешь! Обыкновенная российская приспособляемость!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Да-да, вы правы, мы такие приспособленцы!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. А ловко мы сегодня Григория обманули! Сказали, что идем в музей, а сами на рынок

улизнули!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. А мне грустно, друзья мои! В музее была прекрасная выставка! Могли бы в самом деле посетить... Жаль!.. И вообще, мы свои несчастные квадратные метры, словно душу, заложили... Опасную игру затеяли! Не живем, а трясемся!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Да что с тобой?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Меланхолия!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Все честно! Брось! Настоящий бизнес! Совершили сделку, а теперь у нас конкуренция: кто кого?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Да... Даже смерть-старуха от такой конкуренции шарахается! За версту нас обходит!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Вечно вы спорите! А по мне... жизнь стала интереснее! И ни о чем другом я больше думать не желаю!

... А вот и картошка поспела!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Не пропустить ли нам рюмочку? Врачи рекомендуют для снятия стрессов.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. А-а, давай! Есть дела поважнее этих метров.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Да! Например, кого Дуся любит?

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ах, прекратите!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ (*достает бутылку водки*). Вот, тоже выменял!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Сейчас я за рюмками к себе схожу!

В это время из комнаты Ивана Алексеевича появляется Григорий с тремя рюмками в руках.

ГРИГОРИЙ (*неожиданно, громко, строго*). Не утруждайтесь! Фирма позаботится!.. (*Пауза.*) Так... так...

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (*испуганно*). И вы... все... слышали?!

ГРИГОРИЙ. Да!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. А почему тогда только три рюмки несешь? Нас же четверо!

ГРИГОРИЙ. Ну и нахал!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. А мне бояться нечего! Давай еще одну рюмку тащи, за компанию!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*смущенно*). Да, Григорий,

проходите к столу, перекусим вместе. Что вы стоите?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (*неожиданно*). Да! Не чужой нам!

ГРИГОРИЙ. А вот и не откажусь! (*Идет в комнату, тут же возвращается с четвертой рюмкой.*)

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Совсем другое дело!

Усаживаются за стол. Шумят. Наливают водку.

ГРИГОРИЙ (*порывается сказать*). Я...

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Нет, Гриша! Можно я тебя так буду называть? (*Не дожидаясь.*) Прежде выпьем, а все разговоры на потом!

ГРИГОРИЙ. Да я...

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ (*поднимает рюмку*). Тост! За долголетие! (*Григорий поперхивается.*) Ты что Гриша, долгой жизни себе не желаешь?

ГРИГОРИЙ. Отчего же...

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ну так пей!

Все выпивают, закусывают.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*угощает*). Вы, Гриша, вот огурчик возьмите! С картошечкой! Я на вас давно смотрю: вы такой нервный стали, похудели...

ГРИГОРИЙ. С вами изведешься!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. А что мы? Обыкновенные старики! А что не помираем, так на то воля Божья! Да и жизнь нас закалила. Ой, сколько мы лиха хватили! Это вы, молодые, по жизни сейчас растерялись! Одни хапают, глаза выпучив; другие в депрессию впали... А жизнь — она один раз дается, она как светлый праздник!.. Нам ведь все время твердили: ждите-ждите, будет лучше!.. А мы просто жили и ничего не ждали!.. Вот такие уж мы...

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Давайте еще по одной!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ах, Петя, вечно ты торопишься! Пусть закусит как следует... Он так на моего Володю похож! Я вот как его увидела, так сразу ему и доверилась...

ГРИГОРИЙ. А кто этот Володя?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (*тихо*). Сын был... умер... (*Громко.*) Друзья мои! А хорошо жить! Давайте за это, а?

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Молодец, Ваня! В самую точку!

Выпивают.

ГРИГОРИЙ (*расчувствовался*). А меня вот так попростому, по-домашнему, Гришей, только бабушка называла... А то все — Жорой да Жорой!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Вы водочкой не увлекайтесь! Эти старики, знаете, какие хитрые, закаленные! Они и спить могут!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ (*в сторону, к Евдокии Васильевне*). Дуся! Он же нас разоблачил!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ну и что!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. А то! Мафии сдаст!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. А те убьют!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*удивленно*). Гриша?! Он не такой! Он не посмеет! Правда?

ГРИГОРИЙ. Прав... да...

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Вот! Понял! К тому же еще неизвестно: выдаст он нас или нет! А что водка вредна — это точно! Установленный факт! (*Убирает бутылку.*)

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Дуся, родная! Еще по граммулечке!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (*блаженно*). П... п... пожалуйста!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Эх, горе мне с вами! Хоть бы молодого человека постеснялись! (*Останавливается, возвращает бутылку, присаживается.*)... Может, споем? Нашу любимую... (*Начинает петь, старики подхватывают.*)

Поют старинный русский романс. Григорий неожиданно подпевает.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*после песни*). А вы откуда, Гриша, слова знаете?

ГРИГОРИЙ. С детства. Мать любила...

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. А-а...

ГРИГОРИЙ. Теперь давайте повеселее, вот эту (*напевает*): «Жил да был черный кот за углом, и кота ненавидел весь дом...»

Поют. Включается музыка. Григорий танцует с Евдокией Васильевной.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*после танца*). Уф-ф! Задохлась!

ГРИГОРИЙ (*встревоженно*). Вам плохо?

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Напротив, хорошо!

ГРИГОРИЙ. Я испугался за вас! Вы так лихо отплясы

вали! Вдруг бы что случилось? Обо мне бы дурно подумали! Что я нарочно!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Вот... перевоспитала! Он уже за нас волнуется!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Чудной вы, Гриша! Совсем на мафиози не похожи!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Не то что Степан.

ГРИГОРИЙ. Вы правы! Изначально я — инженер. Вот куда волной прибило!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Прибывает только дерьмо в проруби, а остальные барахтаются!

ГРИГОРИЙ (*обиженно*). Да! Ну спасибочки! Не ожидал! Да... да... если бы не я, мафия давно бы вас убрала! Думаете, их договор удерживает? Мало ли кто какие договора сейчас заключает, чтобы надуть клиента! Да если б у нас хоть десятая часть договоренностей соблюдалась, мы бы в России... ого... каких высот достигли!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Вот и я, что ни живу, все чувствую, что мешаю России достигать высот! Но, как говорится, мешал и буду мешать! А при чем тут наш особняк?

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Да! Зачем он вам?

ГРИГОРИЙ. Под офис.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Вы не поняли! Вам лично — зачем?

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Что ты с этого будешь иметь?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Шеф ваш заедет, секретарш наведет... А вы? Опять не у дел! Очередных стариков обрабатывать направит. И так без конца!

ГРИГОРИЙ. К чему вы клоните?

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Плюнул бы ты, Гришенька, на свою мафию, а? Ты еще молодой, неспорченный!

ГРИГОРИЙ (*трезвея*). Ха! Во дают! Это кто же кого обрабатывает? Я тут с ними водку пью, в душу вникаю, обходительностью и лаской стремлюсь с л а б ы е сердца расстрогать, а они... ишь куда гнут!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Опять нервничаешь!

ГРИГОРИЙ. Работа такая. (*Наливает, пьет.*) Надбавка, за вредность!.. И оставьте эти ваши штучки...

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. А я ему чуть было ни поверил! Оказывается, он нас за нос водит! Лицемер!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Ничего удивительного. По ны-

нешней жизни мы все так изолгались, что порой уже и сам не знаешь, когда правду говоришь... *(Вдруг театрально бросается к Григорию, обнимает его.)*... Гришенька! Родной ты наш! Хочешь, мы все наши квартиры тебе одному подпишем? Только мафии нас не сдавай, а?!

ГРИГОРИЙ *(недоуменно)*. Одному?.. Мне?.. Как это?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. А мы тебя усыновим!

Пауза.

ГРИГОРИЙ *(медленно)*. Все трое?

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ну да!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. А чего особенного... сынок!

ГРИГОРИЙ. Два отца, одна мамаша?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Ну так квартиры-то — три!

ГРИГОРИЙ. И кто такую чушь утвердит?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Тот же чиновник, что и договор с вашей фирмой заверил. Ведь, если вдуматься, он одним росчерком пера нам, троим беззащитным старикам, смертный приговор подписал!

ГРИГОРИЙ. Гм-м!..

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Да они теперь что угодно подпишут! Хоть три мамы в паспорте!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Нет! Три матери — это слишком даже для нашего бюрократа! Гришенька, я у тебя одна! Ты уже можешь прямо сейчас мою комнату занимать!.. А я... я к Петру Константиновичу съеду!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ *(огорченно)*. Ну, вот!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА *(в замешательстве)*. Или к Ивану Алексеевичу?

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Дуся! Ко мне! У меня цветной телевизор!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Евдокия Васильевна, я, конечно, ничего не имею против Петра Константиновича! Однако хочу вам сказать, что вы мне глубоко симпатичны, и, если соблагоизволите, я бы с превеликим удовольствием разделил с вами те немногие дни, что остались нам на этой брэнной земле!..

ГРИГОРИЙ. Да остановитесь вы, ненормальные!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Учись, сынок, в любви объясняться! Как красиво сказано! Ваня, я присоединяюсь!

Оба стоят на коленях. Пауза.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ *(к Григорию)*. Вот теперь выручай!

ГРИГОРИЙ. Тьфу ты! Свалились на мою голову!.. Ну хорошо-хорошо, пусть остается все как есть, живите как жили! Обещаю ничего не предпринимать!.. А вы это... в самом деле... квартиры мне подпишете?.. *(Колелется.)*

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Эх, такой момент испортил своими квартирами! Да подпишем, подпишем! Дуся — да?!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Да!

Все вместе: Да!

(Конец второго акта.)

ТРЕТИЙ АКТ

Та же квартира. Появляется Григорий со свертками, расставляет их.

ГРИГОРИЙ. Куда Степан запропастился?

Входит Иван Алексеевич.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Зачем вы, Григорий, все это приносите? Как вы знаете, мы не едим подобное...

ГРИГОРИЙ. Так велено.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. А-а... Ну тогда другое дело. А то я подумал: от российской бестолковости...

Появляется Петр Константинович.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Компривет всем! *(Замечает коробки и бутылки.)* Ты чего, Гриш, деньги переводишь?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Он продолжает умерщвлять нас по плану!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. А-а! План — это святое! Слышь, мне тут видение было или сон... Сидит апостол Петр *(тезка мой)* у врат в Царство небесное и орет благим матом: «Никого не принимать больше! С вашей перестройкой и реформами в России мы уже все планы перевыполнили! Я замок повешу!..» Так что напрасно ты, Гриша, стараешься!

ГРИГОРИЙ. Связался с вами, да еще издеваетесь!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Не нервничай! Сейчас к нотариусу пойдем. Вот только Дуся выйдет.

Появляется Евдокия Васильевна в новом костюме, шляпке. Звучит музыка. Прохаживается, как на подиуме. Старик в восхищении.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ну как?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Нет слов!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Хороша!

Под восхищенные возгласы и аплодисменты стариков Евдокия Васильевна демонстрирует еще несколько костюмов — моделей для пожилых женщин.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. И где ты такую прелесть сшила?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Вкус, надо признать, отменный!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да есть в городе...

Евдокия Васильевна раскланивается под аплодисменты стариков и зрителей, присаживается.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Уф! Сердце щемит.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (*встревоженно*). Болит?

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Нет! Защемило от приятного волнения... (*К Петру Константиновичу.*) Да не смотри на меня так! Говорю, от приятного... Ой, Гриша, а зачем это все? Поберег бы себя: купить, принести, расставить — одни хлопоты... И выглядишь ты плохо. Не заболел?

ГРИГОРИЙ. Устал. Вы тут веселитесь, а, между прочим, Степан исчез. Я предупреждал, что он что-то подозревает. Приведет мафию настоящую, тогда узнаете!

Появляются помощники Гордумова, два здоровенных «качка».

ГРИГОРИЙ. Ну вот, доигрались!

Помощники Гордумова бесцеремонно осматривают помещение.

1-й ПОМОЩНИК. Ну че, братан?

2-й ПОМОЩНИК. Чисто.

Встают в позы охранников. Входи Степан.

СТЕПАН. Так... порядок... сейчас сам явится!

Помощники вытягиваются.

ГРИГОРИЙ (*испуганно*). Степан, не выдавай!

СТЕПАН. Ха!

Появляется Гордумов. Важно, по-хозяйски, осматривает дом, не замечая никого, в том числе и своих помощников.

ГОРДУМОВ. Недурственно... недурственно... Ты прав, Степан, особняк нам подойдет! Помещение просторное, зала большая. (*Заглядывает в комнаты стариков.*) Эти перегородки можно порушить!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Но... но мы здесь живем!

ГОРДУМОВ (*к Степану*). Кто такие?

СТЕПАН. Жильцы... старики... я говорил...

ГОРДУМОВ. О них надо позаботиться! (*Помощники делают шаг вперед. Гордумов жестом останавливает их.*) Людей на улицу выкидывать нельзя! К людям у нас уважение и почет!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Простите, у кого это — уважение и почет?

ГОРДУМОВ. У нас, депутатов!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ой, Гришенька, оказывается, это не мафия! А ты испугался!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Малость перепутали.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ура, это же наши!

Гордумов продолжает осмотр, не реагируя на реплики.

ГОРДУМОВ. А почему штукатурка в углу отвалилась? Не бережете памятник архитектуры!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Так... крыша...

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Вот и повод для выселения нашелся: за нарушение санитарных правил.

Гордумов продолжает осмотр, уходит в глубь сцены.

ГРИГОРИЙ (*к Степану*). Степан, я ничего не понимаю.

СТЕПАН (*гордо*). Я теперь при государственной службе! Сам же говорил, что в политике еще проще, чем у нас. А Пал Палыч как раз особняк подыскивали... Меня в помощники определили!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. А им-то для чего особняк?

СТЕПАН. Для приема народа.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Вот ты нас первых и запиши. Мы ведь этот народ и есть.

СТЕПАН. Все шутите!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Шучу! О чем говорить со слугами народа, когда избирательная кампания закончилась.

ГОРДУМОВ (*зовет*). Степан, вон и здесь отвалилось! Рухлядь, а не дом!

Степан послушно бежит на зов.

СТЕПАН. Так отремонтировать можно, Пал Палыч! Зато, посмотрите, какой вид из окна: и центр, и площадь.

Уходят к окну, в глубь сцены.

ГРИГОРИЙ (*взволнованно*). Раскомандовался тут! (*К старикам.*) А вы почему молчите? Это же ваши квартиры!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Эх, сынок! Чего возникать-то, когда первейший наш эвтаназист пожаловал — российский чиновник! Это тебе не дутая фирма! Против такого не попрешь! Он кого хочешь уморит!

ГРИГОРИЙ. Да вы чего, старики? Вы же законные владельцы! Не те нынче времена!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Наивный вы, Гриша! Да сколько Россию ни перепахивало: и при царях, и при большевиках, и сейчас — вырастает всегда одно и то же... (*Кивает в сторону Гордумова.*) Прямо удивляюсь: века меняются, политика, а они — нет! Родимые наши! Эвтаназисты, душегубы российские! А сколько их вновь повывлезло!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Так что накрылась твоя фирма!

ГРИГОРИЙ. Нет! Я так не оставлю!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Гриша! Не нервничай! Ты аж побелел!

ГРИГОРИЙ. Нет!.. Так не пойдет!.. Эй, товарищ или... господин!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Петя! Ваня! Его надо остановить!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. А-а... поздно!

ГРИГОРИЙ (*к Гордумову*). Я к вам обращаюсь!

Гордумов отходит от окна, Степан за ним.

ГОРДУМОВ (*к Степану*). Это еще кто?

СТЕПАН. Так... мелочь... знакомый... Не обращайтесь внимания... Учитель хороших манер! (*Расплывается в улыбке, затем строит рожу.*)

ГРИГОРИЙ (*отшатываясь*). Предатель!

ГОРДУМОВ. А-а... такие нам не нужны! Ступай, брат, ступай!

ГРИГОРИЙ. Не имеете права! У меня с этими жильцами договор на наследование подписан! (*Достаёт бумаги.*) Вот, все оформлено. По закону! Как положено! Нотариально заверено... налоги уплачены... госпошлина...

ГОРДУМОВ (*морщится*). Так ты из этой фирмы... как там ее?

ГРИГОРИЙ. «Эвтаназия»!

ГОРДУМОВ. Да. Правильно! (*Откидывает бумаги.*) Так мы вас закрыли!

ГРИГОРИЙ. Да... на каком основании?

ГОРДУМОВ. По просьбам трудящихся!.. Развелось тут вас, жуликов! К ногтю давно пора! Обираете стариков беззащитных! Мы этого не допустим! Мы это дело в свои руки возьмем!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. То есть сами будут-с!..

ГРИГОРИЙ. Да я... да я в суд на вас подам!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*шепотом напоминает*). Гриша, ты же в мафии работаешь!

ГРИГОРИЙ (*громко*). А я как частное лицо подам!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. О Боже!

ГРИГОРИЙ. Я вам не позволю! (*Бросается на Гордумова, Степан и помощники депутата прикрывают шефа, ударяют Григория, тот падает.*)

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Гришенька, они тебя убили! (*Подбегает к лежащему Григорию.*)

ГОРДУМОВ. Слабак! (*Перешагивает через Григория, даёт своему окружению команду на выход.*)

Петр Константинович порывается преградить дорогу, но затем послушно уступает.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*над Григорием*). И зачем ты с ними да и с нами связался? Ты такой беззащитный! И мы — хороши! Надо было отказаться от этой авантюры. Теперь совесть нечиста! Петя! Ваня! Ну что вы стоите!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Сейчас, Дуся!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Да... как обернулось! Вот тебе и «эвтаназия» по-русски!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. А по-русски: не рой яму другому!.. Жаль парня!

Идут помогать Евдокии Васильевне и Григорию.

(Конец третьего акта.)

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТ

Та же квартира. В глубине сцены два помощника Гордимова и Степан. Травят анекдоты про новых русских, громко смеются.

Появляются Евдокия Васильевна и Петр Константинович с вещами, чемоданами. Настроение грустное, подавленное.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*пакуя вещи*). Тяжело под старость лет переезжать... Зачем? Дали бы дожить в покое... немного осталось...

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ты права... С места на место молодые деревья можно пересаживать, а мы, как пеньки, нас только корчевать... Да, похоже, и корчуют. Вон какие ретивые наблюдатели!

СТЕПАН. Эй, давайте пошустрее!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Нам спешить некуда!

СТЕПАН. Тьфу черт! Упрямые! Я бы на месте Пал Палыча вас вообще в дом-интернат сдал!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Испугал! Везде люди живут!

Продолжают собирать вещи. Степан и помощники хотят над очередным анекдотом.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Куда Иван Алексеевич запропастился?

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Да явится твой любезный!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*садится на чемоданы*). Ты, Петя, зря ревнуешь... зря!.. Остались мы в жизни одинокие, так уж получилось, сжились, сроднились в этих стенах... а теперь все рушится... Эх, да ладно! Не в таких переделках бывали!.. Помоги-ка! (*Упаковывает чемодан, из него вываливаются коробки с лекарствами, поднимает, разглядывает*.) Лекарства... от сердца. (*Читает названия*.) Сустак... панангин... кокарбоксилаза... Профессор выписал... Чудной! Слышь, говорят, он после нашего случая вообще практиковать бросил... За мемуары сел: как лечил знаменитых людей.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Про нас не напишет.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. А Гришу жалко! В больницу

угодил. Надо будет лекарство ему переслать.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ему не сердце, а мозги лечить надо! Совесть!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да! Хорошо тебе рассуждать, ты — закаленный, а у Григория душа еще молодая, неокрепшая. С этими новыми веяниями и не такие ошибались! Сам, помнишь, агитировал нас с Иваном Алексеевичем за Гордумова голосовать!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Так ведь... кто знал!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Надо было Ивана Алексеевича послушаться, его совесть чиста, он не голосовал, а мы с тобой в ответе...

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ну ты и скажешь!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да, дорогой, это тебе не при коммунистах: опустил бюллетень и... забыл.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Научилась у Вани критику наводить!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Да ладно уж! Помоги! (*Продолжают упаковывать вещи. Входит Иван Алексеевич*.) Иван Алексеевич! Вы где пропадали?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. У букиниста! Редкую книгу нашел! За бесценок! «Очерки по истории КПСС»!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ха! Кому нужно! Партию отменили!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Партию, но не память! Историю КПСС — запросто так из жизни не вычеркнешь! Рекомендую перечитать, прежде чем нынешнюю жизнь хаять! Самое время... Н-да!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Брось, Ваня! Нас вон торопят, а ты даже вещи не собрал!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Может, вам помочь, Иван Алексеевич?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. А я куда не поеду!

СТЕПАН (*вмешивается*). Это как понимать?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. А так, как слышишь!.. (*Садится, листает книгу*.)

Надо же, а! Читается, словно бестселлер!

СТЕПАН. Черт! Проклятый старик! Пойду за шефом!

Уходит вместе с помощниками.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА (*садится на чемоданы*). И мне уезжать не хочется!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Я тоже бы остался!

Иван Алексеевич читает, дает реплики: «Да!», «Надо же!» Евдокия Васильевна и Петр Константинович сиротливо и неуклюже сидят на вещах.

Пауза.

Появляются Степан и Гордумов.

ГОРДУМОВ. В чем дело?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. А-а... слуга народа пожаловал. Здравствуйте!.. Вот скажите, разлюбивший наш, вы политик?

ГОРДУМОВ. Допустим. Но это к делу не относится! Попрошу «освободить» помещение! Вам подобрали равноценную жилплощадь... Какие могут быть претензии?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Насчет политики вы зря!.. Политика в нашей стране имеет преогромное значение... Хотите, докажу? Вот вы, надеюсь, демократ?

ГОРДУМОВ. Да, я стою на демократической платформе.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Прекрасно!.. Стойте крепче!.. А к коммунистам, значит, вы относитесь плохо? И все, что они делали за семьдесят с лишком лет, — это все ужасно, все было не так?!

ГОРДУМОВ. Наверное...

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Да вы не юлите! (*Стучит по книге.*) Чего хорошего? Вон тридцать седьмой год! Вон голод! Вон коллективизация! Застой! Волонтаризм!.. Или, может, вы скрытый коммунист, а?

ГОРДУМОВ. Нет!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. То-то!.. А до девятьсот семнадцатого года в России, значит, все было хорошо? И только проклятые коммунисты все испортили? Так?

ГОРДУМОВ. Так!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Прекрасно!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ваня, давно ли ты политикой стал увлекаться?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. По необходимости! И не мешай!.. Итак, Россию до тысяча девятьсот семнадцатого года вы признаете?

ГОРДУМОВ. Ну признаю, признаю!.. И давайте заканчивать!

СТЕПАН. Транспорт ждет, а вы тут ерундистикой зани-

маетесь! В натуре.

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Все слышали? Россию дореволюционную он признает! При свидетелях сказано!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Да!

СТЕПАН. Ну!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (*к Гордумову*). А теперь пошел вон! Вон отсюда!

ГОРДУМОВ. Что?! Да как вы обращаетесь с представителем власти?!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Какой власти? Извольте! До семнадцатого года этот особняк принадлежал моему деду — потомственному дворянину!.. Вот купчая на землю! (*Достаёт бумагу.*) Вот право на владение строением! А вот свидетельство, восстанавливающее мое дворянское происхождение, заверенное, кстати, вашей Думой!.. Вы же теперь дворянство уважаете! Заигрываете! Дворянские собрания посещаете!.. А я игры не люблю! Я все всерьез! Так что, подите-ка вон!

ГОРДУМОВ (*возмущенно*). Д-да... д-да... я вас!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (*рывает*). Вон из моего дома, холоп!.. (*Зовёт.*) Степан!

СТЕПАН (*растерянно*). А?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Держи целковый на рюмку водки! Старинный, серебряный!.. И спусти этого господина с лестницы!

СТЕПАН (*мечется*). Да... как... да... (*Наконец, берет деньги у Ивана Алексеевича.*)

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (*твердо*). Я сказал! П-шли вон!

СТЕПАН. П-п-пойдемте, Пал Палыч!

ГОРДУМОВ. Да... да... Да я вас в порошок сотру!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ (*радостно*). Кишка тонка! Катись отсюда! (*Тут же осекается.*) Ой!

ГОРДУМОВ (*грозит*). В порошок сотру! Такого еще не бывало, чтобы я захотел, да не по-моему, да кто-то воспротивился! (*Помощники идут на стариков, но те все трое встают грудью.*) Ух, если бы не эта чертова демократия, я бы вам показал!

СТЕПАН. Пойдемте, Пал Палыч!

ГОРДУМОВ. Я еще вернусь! Я вам покажу! Я вам устрою!

Степан, помощники и Гордумов уходят.

Пауза.

Петр Константинович и Евдокия Васильевна в нерешительности. Наконец, Евдокия Васильевна берет чемодан и несет его в свою комнату. На полпути останавливается, возвращается обратно, садится.

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Как же теперь быть? . . Нам тоже из вашего особняка съезжать, Иван Алексеевич?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (*обычным и спокойным тоном*). Евдокия Васильевна!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Так ты... ой, вы... оказывается, барин! Хозяин всего этого!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (*смеется*). Ты-то хоть не глупи! Нашел барина!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Так, выходит, Ваня, ты его разыграл? Бумаги у тебя ненастоящие?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Почему? Настоящие! Все доподлинно! Только вам с Евдокией Васильевной никуда съезжать не надо!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. А-а-а... ты нас из милости оставляешь... в прислугах!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Окстись, Петр Константинович! Какая прислуга! Какое дворянство! Все в прошлом! Революция все и всех перемешала, да только людьми нас так и не сделала!.. Эх!.. Продолжаем делить друг друга: то на красных и белых, то на демократов и коммунистов, то еще чего придумаем!.. Стыдобушка! Ну ладно чиновник этот... как его... Гордумов. У него мозги набекрень! А вы-то с Евдокией? Не ожидал!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Вы, Иван Алексеевич, так грозно на него кричали! Я вас таким никогда не видела!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. А я всю жизнь мечтал когда-нибудь такого вот Гордумова послать подальше... И такое, друзья мои, удовольствие испытал, такое блаженство!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Да-а... Выходит, мы победили!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Не знаю... Не уверен... Вот сейчас побежит в Думу, примут постановление, и окажется он у нас сам графом или князем! Это сейчас модно! Так в характеристике и запишут: с 1965 года по 1991 — член КПСС, а с 1991 — князь из рода Голенищевых-Кутузовых!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ну да!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Запросто! Не будь он российс-

ким бюрократом! Обещал же вернуться!.. Да мало ли и других охотников найдется!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ой, что же теперь делать?

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Чай пить! Жить! Сама говоришь, что любишь веселье! С нашей властью российской не соскучишься! Но и мы не лыком шиты! Еще что-нибудь придумаем! Нам никакие эвтаназисты не страшны!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ой, Ваня! Как я тебя люблю! Ты такой умный!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ. Ну вот!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. И тебя, Петенька! Что бы я без вас делала, дорогие мои?!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ. Ну, будет-будет! У-ф! Я так устал! Предлагаю чай в складчину! Чур, моя заварка!

ЕВДОКИЯ ВАСИЛЬЕВНА. У меня печенье есть!

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ (*брюзжит*). Опять с меня сахар!

Уходят каждый в свою комнату. Быстро возвращаются с кульками. Ставят общий стол. Пьют чай, раздаются стуки и звонки в дверь. Не обращают внимания, продолжают чаевничать. Реплики: «Угощайтесь печеньем!», «Спасибо!», «Передайте сахар!», «Добавьте заварки покрепче!», «Возьмите баранку!», «Благодарю!»

Стук и звонки в дверь усиливаются.

Медленно опускается занавес.

Павел Робертович
Румянцев

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

СОДЕРЖАНИЕ

М. Базанков. Предисловие. СМЕШНО И ПЕЧАЛЬНО.	3
КОНЕЦ ПЕРЕСТРОЙКИ.	7
РАЗГОВОР ПО ДУШАМ.	23
БЛАГОДЕТЕЛЬ.	35
ДВЕРЬ.	47
ПОСЛЕДНИЕ ВЕРСТЫ. Роман.	59
СОВМЕСТИТЕЛЬ.	115
ЭВТАНАЗИЯ ПО РОССИЙСКИ.	133

Издания Костромской писательской организации осуществляются в связи с принятой региональной программой изучения русской литературы.

За справками обращаться по адресу:
156005, г.Кострома, пл. Конституции, 1.
Костромская писательская организация.
Телефоны: 57-21-91, 57-35-02.

Общее и художественное
редактирование — М.Ф.Базанков
Редактор — Е.А.Разумов
Художник — В.В.Чистов
Техническое редактирование, компьютерный
набор и оригинал-макет — М.М.Базанков

Издание осуществлено при участии
администрации Костромского района.

Сдано в набор 27.11.97г. Подписано к печати 22.01.98г.
Заказ № 67. Печать офсетная.
Объем 10 п.л. Тираж 2000 экз.

Отпечатано в областной типографии им. М.Горького
управления по делам печати и массовой информации
администрации Костромской области,
г. Кострома, ул.П.Щербины,2.